

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 6 № 1/2020

DISCOURSE

Volume 6 No. 1/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.

Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеевская, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Киреева О. В., Веселова М. Н. Современная городская культура: город для человека или против него?	5
Андреева О. В. Советский музыкальный авангард в контексте времени (сер. 1950-х – 1980-х гг.): историко-культурологические и философские аспекты	21
Кабылинский Б. В. Идеологический ракурс современной конфликтной реальности в закрытом обществе: северокорейский кейс	38

СОЦИОЛОГИЯ

Замотин М. П. Музыка как объект исследования культурной антропологии Джорджем Херцогом	49
Кудрявцева М. Е. Изучение своей родословной как фактор культурной самоидентификации личности	62
Kovtun E. A., Yakolenko A. D. Expert Estimation of Effectiveness of Social Work with Migrants in Russian Government Institutions and Non-Profit Organizations	72
Цзинь Ц. Тройное социальное конструирование питания	83

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Павлов И. В., Цаплев В. М. Исследование частотной структуры речи и некоторые особенности работы мозга	96
Shcherbak N. F., Gerus A. I. Transcendentalism, Network Concepts and American Poetry	106
Демкина Я. Ю. Концепты-константы политического дискурса	121
Kulikova M. N. Translation Strategies for Speech Features of Characters in Fictional Texts (a Case Study of Speech of Upper Class Representatives)	129
Правила представления рукописей авторами	138

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Kireeva O. V., Veselova M. N. Modern Urban Culture: a City for or Against a Person?	5
Andreeva O. V. Soviet Musical Avant-Garde in the Context of Time (in the mid. 1950s – 1980s): Historical and Cultural Studies and Philosophical Aspects	21
Kabylnskii B. V. The Ideological Perspective of Modern Conflict Reality in a Closed Society: the North Korean Case	38

SOCIOLOGY

Zamotin M. P. Music as a Research Object of Cultural Anthropology by George Herzog	49
Kudryavtseva M. E. Studying Genealogy as a Factor of Cultural Self-Identification of the Person	62
Kovtun E. A., Yakolenko A. D. Expert Estimation of Effectiveness of Social Work with Migrants in Russian Government Institutions and Non-Profit Organizations	72
Jin J. Triple Social Construction of Food and Eating	83

LINGUISTICS

Pavlov I. V., Tsaplev V. M. Speech and Music Acoustics, Rhythms of the Brain and their Impact on the Ability to Accept Information	96
Shcherbak N. F., Gerus A. I. Transcendentalism, Network Concepts and American Poetry	106
Demkina Ya. Yu. The Concepts -Constants of Political Discourse	121
Kulikova M. N. Translation Strategies for Speech Features of Characters in Fictional Texts (a Case Study of Speech of Upper Class Representatives)	129

Современная городская культура: город для человека или против него?

О. В. Киреева^{1✉}, М. Н. Веселова²

¹Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Колледж Петербургской моды, Санкт-Петербург, Россия

✉ gpa-olgakireeva@mail.ru

Введение. В статье предпринята попытка найти ответы на вопросы: удастся ли сохранить культурно-историческое лицо города или оно исчезнет под натиском передовых достижений цивилизации; существует ли городское пространство для человека разумного, достигшего технологических высот, или направлено *против* него; каковы онтологические основания современного города? Актуальность авторского подхода заключается в анализе концепта города как урбогенной пространственно-временной макромодели, которая не только развивается под влиянием жителей, но и определяет их мировосприятие и поведение.

Методология и источники. Методологическая основа работы – культурфилософский анализ концепта современного города в работах отечественных и зарубежных социологов, этологов, урбоэкологов, философов, антропологов, искусствоведов (В. Г. Ильин, Р. Парк, Л. Уэрт, Е. Гороховская, И. А. Литвенкова, В. И. Матис, Г. Зиммель, Э. Фромм, Э. Т. Холл, М. И. Мильчик, W. James, J.-P. Ferrier, J.-A. Guieysse, T. Rebour, H. W. Zorbaugh и др.). Используются данные демографической статистики, позволяющие осмыслить вопросы депопуляции, миграции, полиэтничности горожан.

Результаты и обсуждение. В современной культуре гипертрофированы первоначальные функции города как источника защиты и комфорта, происходит его переориентация на максимальное удобство и независимость индивидов. В результате городская среда оформляется, подстраиваясь под задачи, выдвигаемые обществом. Теряется лицо города, сложившееся исторически. Это ставит под угрозу не только богатое культурное наследие городов, но и подлинность существования самого человека. Онтологическое основание современного концепта города определяется рядом урбанистических признаков: мультикультурность, полиэтничность, презентативность (имидж города), поверхностность контактов, стихийность застройки, размытость границ. Они не только составляют текст современной городской культуры, но и формируют макромодель социума.

Таким образом, результатом исследования является осмысление противоречий современного города, обеспечивающего для человека максимально комфортную потребительскую среду и в то же время направленного против него.

Заключение. Сделан вывод, что в сложившейся экологической, демографической и экономической ситуации наиболее остро стоит вопрос осмысления роли современной городской культуры в поиске баланса техногенного и информационного развития

цивилизации с природой, исторического и культурного содержания города – с его имиджем, массового потребления – с самобытным проявлением. Авторы полагают, что только от самого человека зависит, будет ли городское пространство существовать для него или против него.

Ключевые слова: город, мегаполис, концепт города, имидж города, современная городская культура, урбанистическое пространство, города России, философия культуры.

Для цитирования: Киреева О. В., Веселова М. Н. Современная городская культура: город для человека или против него? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-5-20

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.12.2019; принята после рецензирования 24.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Modern Urban Culture: a City for or against a Person?

Olga V. Kireeva¹✉, Maria N. Veselova²

¹*Russian State Hydrometeorological University, St Petersburg, Russia*

²*College of St. Petersburg Fashion, St Petersburg, Russia*

✉gpa-olgakireeva@mail.ru

Introduction. The paper attempts to find answers to the questions: will it be possible to preserve historical-cultural “face” of the city, or it will disappear under the onslaught of the advanced achievements of civilization; is there an urban space to a reasonable person, who have reached great technological heights, or directed against him; what are the ontological foundations of the modern city? The relevance of the author's approach is the analysis of the “concept” of the city as urogenous spatio-temporal macro model, which not only develops under the influence of the inhabitants, but also determines their worldview and behavior.

Methodology and sources. Methodological basis of the work is the cultural and philosophical analysis of the “concept” of the modern city in the works of domestic and foreign sociologists, and ethologists, urboecology, philosophers, anthropologists, art historians (V. G. Il'in, R. Park, L. Worth, E. Gorokhovskaya, I. A. Litvinova, V. I. Mathis, G. Simmel, E. Fromm, E. T. Hall, M. I. year-old boy, James W., Jean-Paul Ferrier, Jean-Albert Guieysse, Thierry Rebour, H. W. Zorbaugh, etc.). Used demographic statistics allowing to understand the issues of depopulation, migration and multi-ethnicity of the townspeople.

Results and discussion. In modern culture hypertrophied original function of the city as a source of protection and comfort, it is a shift towards maximum convenience and independence of individuals. In the result, the urban environment is made, adapting to the challenges put forward by society. Historically “face” of the city gets lost. This jeopardizes not only the rich cultural heritage of the cities, but also the authenticity of the existence of the person. The ontological basis of the modern “concept” of the city is defined by urban characteristics: multiculturalism, multi-ethnicity, presentationhost (the image of the city), the superficiality of contact, the spontaneity of development, the blurring of boundaries. They not only make up the text of modern urban culture, but also form a macro model of society.

Thus, the result of the study is the conceptualization of the contradictions of the modern city that provides for a person as comfortable as possible in the consumer environment at the same time directed against him or her.

Conclusion. It is concluded that in the current ecological, demographic and economic situation, the question of understanding the role of modern urban culture in the search for a dialogue between the technogenic and informational development of civilization with nature, the historical and cultural content of the city with its image, and mass consumption with an original manifestation is most acute. The authors believe that it depends only on the person whether the urban space will exist for or against him or her.

Key words: city, metropolis, city concept, city image, modern urban culture, urban area, cities of Russia, philosophy of culture.

For citation: Kireeva O. V., Veselova M. N. Modern Urban Culture: a City for or against a Person? DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-5-20 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.12.2019; adopted after review 24.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. В современной городской культуре сосредотачиваются самые передовые достижения цивилизации и проявления креативной мысли. «Если XIX век был веком империй, а XX – веком национальных государств, то XXI век станет эпохой городов», – заявил вице-президент IBM по направлению «Разумный город» Джерри Муни [1]. Несмотря на общедоступность, технологичность и комфорт городского пространства, возникает вопрос: оно существует *для* человека разумного, достигшего технологических высот, или направлено *против* него? Каковы онтологические основания современного города? Что вообще представляет собой современный город, можно ли его по-прежнему так называть или нужен новый термин для обозначения качественного перехода к урбогенному этапу цивилизации, где уже нет четких различий между сельской и городской жизнью, а территория поделена людьми на мегалополисы? Как определить современную городскую культуру: какие факторы влияют на ее формирование, что привнесено новым тысячелетием и как это сказывается на горожанах?

Методология и источники. Статья опирается на рассмотрение вопросов городской культуры и онтологических оснований современного города в работах отечественных и зарубежных социологов, этологов, урбоэкологов, философов, антропологов, искусствоведов (В. Г. Ильин, Р. Парк, Л. Уэрт, Е. Гороховская, И. А. Литвенкова, В. И. Матис, Г. Зиммель, Э. Фромм, Э. Т. Холл, М. И. Мильчик, W. James, J.-P. Ferrier, J.-A. Guieysse, T. Rebour, H. W. Zorbaugh и др.). Кроме того, используются данные демографической статистики, позволяющие осмыслить вопросы депопуляции, миграции, полиэтничности горожан.

Исследование проводится с применением культурологической методологии, учитывая теории трансформации мегаполиса (утопическую, социально-исследовательскую, информационную, этологическую, экологическую, демографическую). Актуальность авторского подхода заключается в анализе концепта города как урбогенной пространственно-временной макромодел, которая не только развивается под влиянием жителей, но и определяет их мировосприятие и поведение.

Результаты и обсуждение. Тенденции развития современного общества в условиях глобального пространства, в частности, в России, демонстрируют ситуацию кризиса: происходит изменение парадигмальных основ общества, культуры, образования. Представление о городе и городской среде не стало исключением.

С одной стороны, города, о которых раньше можно было только мечтать, сейчас реализуются не только в утопических проектах. В обиход стало входить понятие «умный город» – это такой урбанистический объект, в котором все элементы среды обитания приспособлены для максимального удобства человека. Инновационные технологии предусматривают экономичное, экологичное и безопасное использование городских систем жизнедеятельности. На данный момент концепция «умный город» реализуется в Вене, Барселоне, Нью-Йорке, Токио, Шанхае, Амстердаме, Сонгдо. В России первые кварталы «умного города», возведенные по новым стандартам, выросли на Урале. Их уникальность – в инженерных и планировочных нестандартных решениях, облегчающих жизнь и передвижение горожан в условиях высокого темпа жизни. Новая система отопления обеспечивает благоприятный климат и позволяет контролировать температуру воздуха в каждом доме независимо от времени года. Система принудительной индивидуальной вентиляции приводит к дополнительной очистке воздуха и позволяет снизить потребление энергии на отопление помещения, электрические водонагреватели обеспечивают постоянное снабжение квартир горячей водой. Как отмечается в ежедневной деловой газете «РБК»: «Пока другие дома могут страдать от месячного простоя без воды, обитатели электродомов просто не замечают графика коммунальщиков – в двух- и трехкомнатных квартирах отдельный водонагреватель стоит в каждом из двух санузлов» [2].

В Москве планируется выстроить смарт-квартал – зону с применением инновационных технологий: автоматической сортировкой отходов, интеллектуальным контролем за наполнением мусорных баков и другими решениями, которые эффективно реализуются в современных европейских городах.

Однако в погоне за комфортом и технологической оснащенностью современный город рискует потерять свое содержание, свою уникальность. На смену памятникам истории и культуры приходят торговые комплексы и отели. Природные ландшафты вытесняются заведениями с фастфудом. И как бы каждый город не стремился продвинуть свой бренд, чтобы привлечь туристов и гостей, однотипная картина техногенной цивилизации, пропагандирующая комфорт в движении, дает о себе знать. Современный город негативно воздействует на психическое, физическое и интеллектуальное состояние человека. В условиях вечной гонки за успехом и достижениями создается атмосфера стресса и напряжения, появляются сопутствующие заболевания и хроническая усталость. Человек теряет интерес к окружающему пространству, так как все его мысли сконцентрированы либо на себе, либо на попытке сэкономить свои силы. Там, где место человека занимает техника, практически к нулю сводится личностное развитие, мышление лишается глубины, и городское пространство воспринимается поверхностно, утрачивает для горожанина свою историческую и культурную ценность. Смыслом наделяется лишь то, что может быть использовано здесь и сейчас.

Современная культурологическая мысль стремится за временными трансформациями и пытается содержательно наполнить понятие «город». Отсюда столь пристальное внимание к его концептуальному рассмотрению, которое можно проследить в научных трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей [3–21]. Основополагающие принципы концепта города можно встретить в диссертации профессора В. Г. Ильина: «В культуре концепты являются объектами эмоций, негативных или позитивных оценок. Они предстают в качестве «сгустков культуры» в человеческой ментальности, формируются в процессе

социализации индивида и, в свою очередь, воздействуют на общественную практику, изоморфную культурной картине мира, в которой они группируются и систематизируются» [22, с. 18]. Автор объясняет, что урбанистический объект не только создает социальное пространство, но и определяет мировосприятие человека и специфику городского сообщества. Концепт города создают его жители через систему оценки и переживания, а не только рационального осмысления. Поэтому современный город воплощает в себе совокупность неосознаваемых образов и символов, которые оказывают воздействие на жителей.

Неотъемлемым компонентом концепта города являются утопические идеи. *Город-солнце, город-храм, город-сад, город-воронка* – эти и многие другие образы демонстрируют семиотическое наполнение урбанистического объекта. Однако современные «городские утопии» отличаются «проективностью (их рациональной обоснованностью), тотальным отрицанием прошлого опыта, активной субъективностью (убежденностью в пластичности внешнего мира и возможности реального воплощения любого “разумного” проекта), социотворчеством (проектируемый город выступает в роли социальной модели будущего общества)» [22, с. 21].

Еще один современный взгляд на город представляет американский социолог Роберт Парк. Для него город – это попытка человека преобразовать окружающий мир в соответствии со своими сокровенными желаниями. Правда, сотворив себе среду и не особо вдаваясь в смысл сделанного, люди вместе с тем трансформировали себя. Современный город – это своего рода «*социальная лаборатория*» [23, с. 4], неиссякаемый источник клинического материала для изучения человеческой природы [23, с. 9]. Здесь люди ставят эксперименты ценой собственной жизни. Следуя за идеей технического и информационного прогресса и стремясь превратить город в «умную машину», они лишают себя живого, интуитивного познания, отказываются от наследия прошлого.

Современный город – пожалуй, самое грандиозное детище человека и в то же время самое неконтролируемое, слабо подвластное планированию. Схема его жизнедеятельности так же не поддается математическому анализу, как строение муравейника, человеческого мозга и общества (идеи, сформулированные Н. Винером в XX в.). Можно представить, что горожанин на макроуровне уподобляется нейрону мозга. У него есть определенный круг общения, с которым он обменивается информацией, иначе говоря, возбуждением. Точки соприкосновения называются «синопсис». Люди, как и нейроны, могут общаться с большим или меньшим количеством людей, образуя синопсис в зависимости от своих коммуникативных способностей. Американский ученый Норберт Винер указывает: «Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде. Потребности и сложность современной жизни предъявляют гораздо большие, чем когда-либо раньше, требования к этому процессу информации, и наша пресса, наши музеи, научные лаборатории, университеты, библиотеки и учебники должны удовлетворить потребности этого процесса, так как в противном случае они не выполняют своего назначения. Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» [24, с. 16].

Особый интерес представляет относительно новое направление изучения городской культуры – *этология города*. С этологической точки зрения, в основе противоречий современной городской культуры лежит несоответствие города как среды обитания естественной

биологии человека. Проще говоря, функционирование людей как биологического вида нуждается в природной, а не антропогенной среде (свежем воздухе, чистой питьевой воде, необработанной еде, естественных звуках и запахах, контакте с природными материалами). К тому же в городе блокируются естественные потребности человека: защиты своей территории, размножения, покоя (уединения), что провоцирует развитие психических отклонений, рост агрессивности, преступности и снижение активности, в том числе созидательной деятельности. Желание творить при этом либо нивелируется, либо замещается искусственными формами, не имеющими прямого отношения к существованию человека, а скорее к дополнению, оформлению жизни, иной раз и к ее обесцениванию и уничтожению.

По мнению ученых-этологов, чтобы восстановить баланс между человеком и средой обитания, необходимо максимально приблизить городскую среду к естественной для человека: снизить высоту домов и количество этажей, расширить озеленение, учесть близость водных ресурсов и т. д. Ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН Е. А. Гороховская отмечает: «Прямая связь между числом этажей в доме, количеством зелени вокруг него и уровнем преступности, конфликтов, в том числе в семье, различных отклонений в поведении детей. Чем больше этажей и чем меньше зелени, тем больше агрессивности, преступности и различных поведенческих отклонений» [25].

Близко к этологическому экологическое понимание современного города. Человечество по-своему решило проблему нивелирования природных потребностей в городах, создав интереснейший парадокс в виде переурбанизации или даже дезурбанизации. Как говорится: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе», если границы города не вмещают всех жаждущих – долой границы, расширим города за счет пригородов. Процесс переурбанизации, или «размытия», городов (*l'etatement urbain* [26]) за счет пригородов начался примерно в 1960-е гг. и масштабно затронул в первую очередь развивающиеся страны. Однако в последние десятилетия в связи с миграционными потоками он охватил страны Европы, а также стал набирать обороты в мегаполисах России. Безудержная урбанизация в развивающихся странах, которая обычно приводит к появлению крупных неорганизованных пригородных районов и порождает новые неконтролируемые пояса городской застройки, является результатом отсутствия планов роста городов. Условно территория города выходит из-под контроля властей. Невыполнение такого планирования может приводить, в свою очередь, к неправильному зонированию землепользования, провоцирующему сегрегацию и разрастание городов, заполнение водных резервуаров отходами от «расползающихся» городов и понижение уровня грунтовых вод в результате их потребления мегаполисами.

Проблемы экологии города породили такое направление как *урбоэкология* – наука, изучающая взаимодействие городской и природной среды при градостроительной деятельности. Ее задача заключается в разработке градостроительных решений, учитывающих гигиенические, социальные и иные условия жизни населения и одновременно рационализацию природопользования, улучшение экосистем. При этом рассматриваются следующие меры:

- содействовать плановому росту городов и точечной застройке, уделяя первоочередное внимание обновлению, восстановлению и реконструкции городских районов, в надлежащих случаях включая благоустройство трущоб и неорганизованных поселений;
- обеспечивать наличие высококачественных зданий и общественных мест;

- способствовать применению комплексных и коллективных подходов с участием всех соответствующих заинтересованных сторон и жителей;
- избегать территориальной и социально-экономической сегрегации и джентрификации при сохранении культурного наследия и сдерживании разрастания городов;
- осуществлять инвестиции в транспортные системы городов в комплексе с регулированием землепользования, ограничивающим рост городов, и жилищной политикой, учитывающей транспортные потребности неимущих слоев населения [27, 28].

Демографический аспект осмысления городской культуры также имеет немаловажное значение. Для современных городов характерны депопуляция и глубокий демографический кризис. Мегаполисы становятся все более перенаселенными, а небольшие местности постепенно пустеют. Значительный вклад в рост населения крупных городов вносит приток жителей периферии. Так, например, по данным Росстата на 1 января 2019 г. миграционный прирост в Санкт-Петербурге составил 27 776 чел., в Москве – 98 763 чел., а вот в Приволжском федеральном округе отток населения за год – 65 987 чел., в Сибирском – 28 966 чел., в Уральском – 6 217 чел., в Дальневосточном – 33 145 чел. [29]. Такая миграция вызывает серьезные последствия для небольших населенных пунктов: малые города российской глубинки начинают быстро стареть, в них увеличивается средний возраст населения, растет коэффициент демографической нагрузки (люди до 14 и старше 60 лет), что постепенно приводит и к культурному опустошению.

Как следствие урбанизации – разрыва родственных и территориальных связей (в противовес сельской культуре) – устанавливаются множественные неродственные связи, увеличивается процент профессионального и тематического общения в жизни людей. Интересы человека как биологического вида, индивида в городе нивелируются, возрастают потребности субъекта социализации. Продолжение рода в связи с этим из первостепенных природных задач становится скорее дополнительной функцией. В результате городская среда выступает как некое «болото демографии», провоцирующее скорее смерть, нежели жизнь. Тесно связан с проблемой рождаемости вопрос о материальном благополучии в условиях общества потребления. Современных родителей волнует множество вопросов: как обеспечить будущее ребенку, будет ли у него отдельная квартира, сможет ли он полноценно работать/зарабатывать, имея свое потомство. Если в природе зачатие и рождение не сопровождается вопросами, реализуется на инстинктивном уровне, то в социуме, особенно с такой плотной концентрацией, как в городе, должно восприниматься как взвешенный продуманный шаг.

Итак, современная городская культура – это культура первой четверти XXI в., формируемая в условиях глобализации, интеграции и массового тиражирования информации. На нее оказывают влияние природно-климатический, социально-экономический, правовой, нравственно-эстетический, религиозный, коммуникативный (соседство) факторы. Это набор универсальных причин, воздействующих на формирование индивидуальных черт практически любого объекта культуры и обуславливающих дифференцированность городов мира.

Но в то же время можно выделить ряд специфических признаков, которые определяют современное урбанистическое пространство: *мультикультурность, полиэтничность, презентативность (имидж городов), поверхностность контактов, стихийность застройки, размытость границ* (от фр. l'étalement urbain – «расползание города») как фактической городской территории, так и всех сфер городской жизни.

Мультикультурность и полиэтничность. Все большую значимость приобретает интеграция полиэтнических, религиозных, социокультурных, гендерных групп в городском сообществе. Так, по данным Всероссийской переписи населения России 2010 г. численность русских в Москве составляла 9 930 410 чел. (91,6 %), затем следовали украинцы – 154 104 чел. (1,4 %) и татары 149 043 чел. (1,4 %). Менее 1 % в мегаполисе проживают такие национальности: азербайджанцы, евреи, белорусы, грузины, узбеки, таджики, молдаване, мордва, чеченцы, чуваша, осетины, корейцы, казахи, башкиры, китайцы и др. [30].

Горожанин претендует на свою идентичность, самобытность, что, с одной стороны, дает ему возможность легко вливаться в городское пространство и привносить в него разнообразие, с другой, нередко вызывает противоборство с другими. Этнические и национальные разногласия способствуют росту социального напряжения, подрывают социокультурную стабильность современных городов. Поэтому все больше внимания стало уделяться поиску новых подходов к взаимодействию в рамках полиэтнического населения. Еще в конце XIX в. были заложены теоретические основы концепции мультикультурализма в трудах прагматистов Ч. С. Пирса, У. Джеймса, Дж. Сантаяны, Дж. Дьюи и У. Э. Б. Дьюба. Так, американский философ и ученый У. Джеймс утверждал, что мультикультурное общество «станет основополагающим для формирования философского и социального гуманизма» [31, с. 4]. В начале XX в. антрополог Франц Боас разработал идею культурного релятивизма, множественности и автономности культур вместо их универсальности. А в середине XX в. концепция мультикультурализма стала входить в политическую практику государств и направлялась на борьбу с дискриминацией меньшинств и поддержку толерантности (в Индии (1949 г.), Канаде, Австралии, странах Западной Европы (1970-е гг.), в России (1990-е гг.) и др.). Мультикультурная концепция опирается на согласие и равноправие разнородных полиэтнических, полинациональных обществ.

В современных условиях подобная мультикультурная модель активно поддерживается в мегаполисах, так как позволяет сохранять различия в национально-культурной сфере, когда признаются права отдельного человека и группы на собственную идентичность. Естественно, что это сказывается на функционировании города, его социальной среде. Благодаря мультикультурной модели в городе сохраняются островки этничности и традиционности, что вносит в быстроизменяющееся пространство формы стабильности. Как отмечал В. И. Матис, *поликультурность* – это «сохранение и интеграция культурной самобытности личности в условиях многонационального общества, что позволяет формировать толерантные отношения между разными национальностями, воспитывать культуру межнационального общения» [32, с. 15].

Презентативность. Образ современного города привлекателен, презентативен для тех, кто в нем проживает, и для тех, кто стремится завоевать его пространство. Этот образ тиражируется в средствах массовой информации, манит своими культурными, социальными, финансовыми и иными возможностями. Он имеет свой символический код, или «репрезентационную формулу», которая включает исторический ландшафт, градостроительный и топографический, архитектурный и мемориальный, этнографический и археологический компоненты, изобразительные знаки. Сегодня даже существует такое понятие как «сити-брендинг» – целенаправленное продвижение уникальности города через его бренд в масштабах региона, страны и мира. К примеру, Санкт-Петербург позиционируется

как «окно в Европу», Сочи – как столица российского отдыха и спорта, Екатеринбург – как город на границе Европы и Азии, Казань – как исламская столица России. Суть бренда заключается в том, что он концентрирует эмоциональное восприятие пространства, объединяющего жителей, в вербальной и визуальной формах и помогает общению города с внешним миром. Визитной карточкой современного города становятся не только история и культура, но и проводимые мероприятия – конференции, выставки, фестивали, саммиты, соревнования. Они отражают экономическую, политическую, социальную, информационную ситуацию в городе. Работа, образование, жилье, транспортные и социальные коммуникации, финансовые услуги, ресурсы и другие возможности создают привлекательность и узнаваемость городского образа. Кроме того, на бренд города оказывают влияние социальное поведение и манера общения самих жителей. Если Санкт-Петербург воспринимается как культурная столица, то Добрянка позиционируется как столица доброты.

Поверхностность контактов. Современный город представляет собой наиболее успешную попытку преобразования мира в комфортную среду обитания. Человек здесь мобилен, он постоянно участвует во вне- и внутригородских миграционных процессах, он живет в соответствии со своими самыми насущными потребностями и желаниями. В этом отношении современный горожанин свободен, легко преодолевает любые границы. Нередко конкуренция доминирует над сотрудничеством. Находясь в непосредственной близости друг к другу, большинство людей оказываются незнакомыми или «чужими». Их контакты быстротечны и поверхностны, они связаны с достижением каких-либо целей. Люди в мегаполисах заводят полезные знакомства, используя других для устройства на работу, поиска жилья, но мало задумываются о том, насколько интересна сама личность, с которой они общаются. Появляется так называемый синдром «человека напрокат». «Сегодня мы решили, что мы выбрали этого человека, потому что он нам нравится, а завтра передумали... Общения как такового, чтобы насладиться личностными качествами другого человека, не происходит. Чем крупнее город, тем более одиноко чувствует себя в нем человек» [33].

Как отмечал профессор Луис Уэрт, основываясь на исследованиях американских мегаполисов, жизнь в современном городе безлична [34, с. 517]. Тысячи людей мелькают перед глазами, и каждый из них игнорирует другого, не желая тратить свою энергию на незнакомца, либо выплескивает накопленный негатив на того, кто просто оказался рядом. Вполне естественно, что теснота ненужных ежедневных контактов, особенно в час пик, вызывает потребность уединиться, восстановить свои психологические границы. Безразличие друг к другу является всего лишь желанием самосохраниться в сутолоке городов, защититься от насилия и нарушения личностного пространства. По мнению американского профессора Уоррена Харви Зорбо (H. W. Zorbaugh), «это ареал свободы и индивидуализма... Люди не знают друг друга и не доверяют своим ближним. Если не брать немногие семьи, оказавшиеся в безнадежном положении, значительная часть местного населения находится здесь временно: это проститутки, преступники, изгои, странствующие рабочие» [35, с. 134]. Выстраивая для себя достаточно жесткие границы для защиты от воздействия внешнего мира, горожанин становится неуязвимым, остается в зоне своего комфорта и при этом упускает возможности близости, поддержки и человеческого тепла. Горожанин оказывается обреченным на одиночество, подменяя подлинные отношения суррогатом.

Нестабильность пронизывает весь городской мир. Человек не успевает приспособиться к скорости изменений. Он делает выбор: отгородиться от реальности либо уйти в хорошо знакомую сферу, например, работу, найти новые способы адаптации с опорой на старые шаблоны или отреагировать агрессией.

Размывание границ. Изучение границ как пространственных потребностей человека стало предметом научной рефлексии американского антрополога Эдуарда Т. Холла (Е. Т. Hall) в 50-е гг. XX в. Каждый человек, согласно автору, имеет свою личную зону, которая является своего рода продолжением его физического тела. Она включает его имущественную и духовную собственность и представляет собой невидимые психологические границы, установленные в процессе социализации и инкультурации. Наличие охраняемых границ территории постоянного проживания (страны, города, деревни, дома, квартиры) – это череда стен, обеспечивающая внутренний психологический комфорт индивида. К фактическим границам можно добавить границы правовые, моральные, религиозные и пр., которые также составляют немаловажную часть «оборонительной системы» человеческого сознания. Человек испокон веков стремился к определению, структурированию и ограничению окружающего его мира, т. е. к организации своей безопасности, лимитированию своего пространства, разграничению территорий, племен, функций (гендерных, возрастных и др.). Отсюда и широко распространенный на Руси обряд «опахивания селения», преследовавший цель возвести вокруг него мистическую ограду от злых духов. С той же целью совершались и крестные ходы в населенных местностях. С помощью них прокладывали вдоль видимых оборонительных рубежей крепостных стен невидимую священную границу, границу помощи Божьей, которую врагу приходилось преодолевать.

Представления об иерархически организованной структуре мира находили реальное воплощение в планировочном решении города, а именно в бинарной оппозиции центр–периферия. Если в Древней Руси образ города концентрировался в его центральной укрепленной части – детинце, то в современном мире таким центром становится место сосредоточения финансовых, экономических, культурных и других возможностей. Посад или острог в древности считались второстепенной, «задней» стороной города, примыкавшей к детинцу. Он опоясывался валом, стенами, башнями и рвом, наполненным водой. В случае серьезной опасности легкие укрепления не могли служить надежной защитой, поэтому жители скрывались за крепостными стенами, оставляя остроги. В современной культуре периферия, разрастающаяся вокруг центра, представлена застройкой пригородных территорий, образующих целые агломерации.

Трансформации подвергаются не только городские границы, но и границы государств. Так, некоторые зарубежные города стали российскими и наоборот: *Калининград* (изначально Кёнигсберг) с 1255 до 1945 г. принадлежал немецкой провинции Восточная Пруссия, далее перешел в состав СССР; *Выборг* с 1293 до 1710 г. был занят шведами, в 1710–1811 гг. – русскими, с 1811 по 1944 г. – финнами, затем вошел в состав Ленинградской области РСФСР; *Зеленогорск* (изначально Териоки) с 1548 до 1721 г. принадлежал шведам, с 1721 по 1918 г. – Российской империи в составе Выборгской губернии, с 1918 по 1940 г. – финнам, после перешел в состав СССР; города стран СНГ (*Рига*, основана в 1201 г., с 1710 по 1991 г. – русский город; *Таллин* (изначально Ревель), основан в 1154 г., в 1710–1918 гг. и 1940–1991 гг. – русский город) и др.

В условиях урбанизации наблюдается постоянная тенденция размывания временного и пространственного измерения. Городская территория расширяется, вокруг крупных мегаполисов появляются новые освоенные площади комфортной жизни, а вот границы между жителями сужаются и нередко нарушаются, что провоцирует проявление особой урбанистической атмосферы. Горожанин оказывается в калейдоскопе ощущений, в которых раздражение и напряженность совмещаются с холодностью и рассудочностью, отчужденность и отвращение – с зависимостью. Немецкий философ и социолог Георг Зиммель, отмечая противоречивость городской среды, указывал, что «формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью» [36]. Нередко человек растворяется в городской толпе, перестает понимать, где он, а где другой. Размывание территориальных и личностных границ провоцирует феномен слияния и зависимости от чужого мнения, эмоций, поступков. Горожанин теряет самого себя, свои внутренние опоры и ощущает себя нужным лишь среди других. Нередко он пытается спрятаться от себя в зависимость от вещей или привычек, хотя подобное бегство от собственной идентичности нередко оказывается иллюзорным. Сливаясь с толпой, горожанин только усиливает свое одиночество и неустойчивость, поскольку забывает, что опору можно найти только в своей внутренней самости, а не в слиянии с другими. Лишь осознание границ позволяет ему не раствориться в массовой среде, не быть раздавленным техногенной цивилизацией. Ведь человек сам творец своих границ, творец своего внутреннего мира и устроитель внешнего пространства.

Стихийность застройки. В современных городах все большую популярность приобретает стихийная застройка. Она создает условия для еще большего притока людей, еще большей скученности населения в центрах цивилизации и комфорта. Стихийная застройка также гарантирует непрерывную смену впечатлений, контактов. В то же время целые кварталы жилых домов и торговых комплексов вторгаются в естественное окружение, нарушая исторический ландшафт. Памятники культуры теряются среди высоток и становятся непривлекательными для простых прохожих. Уменьшается территория зеленых насаждений, увеличиваются этажность и плотность застройки, перегружаются транспортные сети.

Не стал исключением Великий Новгород, находящийся под охраной ЮНЕСКО. На территории исторического Славенского конца можно наблюдать ряд чужеродных коттеджей в виде так называемых красных замков с высокими кровлями и шпилями. Новое здание театра, построенное в Великом Новгороде на берегу Волхова, нарушает общую историческую композицию, разрывая визуальные связи Антониева монастыря и Софийского собора, вступая в противоречие с церковью Бориса и Глеба в Плотниках и церковью Иоанна Богослова на Вятке, вносит диссонанс в речной фасад города. М. И. Мильчик отмечал, что «высокая декоративная башня из бетонной арматуры, выдвинутая к самой воде вместе с массивом основного здания, являет собой зрительную агрессию по отношению к стоящим на противоположном берегу изящным и набожным церквям» [37, с. 13].

Нередко современные сооружения не учитывают типичную для Санкт-Петербурга «небесную линию», не согласуются с водным пространством Большой Невы и создают ощущение мрачности и хаотичности. Доминирующая связь вертикалей, которые долгое время были представлены Петропавловской крепостью, Адмиралтейством и Михайловским замком, нарушена гостиницей «Азимут-Отель» (бывшее название «Советская»), выстроенной в «коробочном стиле». Историческая панорама Стрелки Васильевского острова

варварски искажена 18-этажным жилым комплексом «Финансист», сооруженным в стиле постмодернизма в 2007–2009 гг., и 17-этажным бизнес-центром «Биржа», открытым в 2010 г. На юге Санкт-Петербурга в 2013 г. выросла 42-этажная башня «Лидер», превзошедшая по высоте шпиль Петропавловского собора, считавшегося самым высоким зданием города. И несмотря на то, что со смотровой площадки башни открывается вид на площадь Конституции и Пулковские высоты, ансамблевость города существенно пострадала. Небоскреб многофункционального комплекса «Лахта-центр» высотой 462 м, открытый в 2019 г., вырос в Приморском районе Санкт-Петербурга. Своего рода градостроительными ошибками, исказившими историческую панораму города, стали жилые комплексы «Серебряные зеркала» в Петроградском районе, «Монблан» в Выборгском, деловой комплекс «Санкт-Петербург Плаза», получивший в народе название «чайник».

В Москве Красная площадь находится под охраной ЮНЕСКО; всего в нескольких километрах от нее появилась 170-метровая башня отеля-небоскреба «Красные холмы». Совсем недалеко на Пресненской набережной выросли высотки делового центра «Москва-Сити», что кардинально поменяло визуальное восприятие древнейшей части города. Совершенно неуместный стеклянный небоскреб на Мосфильмовской улице вписался как гигантский исполин в панораму Воробьевых гор. Современные сооружения из стекла и бетона буквально задавили храм Святого Николая Чудотворца на площади Тверской заставы.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в других городах, где каждый год вырастают современные многоэтажные здания из железобетона и кирпича. Как отмечал психоаналитик Эрих Фромм, для человека главное – иметь, а не быть. «Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, нам нужно иметь какие-то вещи; чтобы ими пользоваться, надо сначала их приобрести... Создается впечатление, что сама суть и смысл бытия состоит в том, чтобы обладать чем-либо. То есть кто ничего не имеет, тот ничего собой не представляет (тот и не существует)» [38, с. 7].

Таким образом, научные результаты проведенного исследования содержат анализ проблемы понимания современной городской культуры как противоречивого явления, с одной стороны, обеспечивающего условия комфортного существования человека, а с другой, направленного на уничтожение городской культурно-исторической уникальности и самого человека.

Заключение. Можно сказать, что современный город – это не просто географический, политический, экономический объект, это урбогенная пространственно-временная макро-модель социума в целом, демонстрирующая качественно новый информационно-технический этап развития цивилизации. Каждый вносит в это пространство свои смыслы, создавая особый многогранный и многозначный текст современного мегаполиса. Его онтологическим основанием является гипертрофированная, сложившаяся с момента возникновения города функция защиты и комфорта, ориентации на обладание, использование вещей, пространства, людей. Современная городская культура обеспечивает максимально удобную потребительскую среду, существующую для человека. На ее формирование воздействуют универсальные факторы (природно-климатические, социальные, экономические и др.), кроме того, она развивается в условиях массовой застройки, размывания территориальных, временных, личностных границ, полиэтничности и мультикультурности, репрезентативности и брендинга, быстротечности жизни и поверхностного взаимодействия. В то же время эта макро-модель оказывается разрушительной: теряются лицо

города, его культурно-историческая уникальность, а также ставится под угрозу подлинность существования самого человека. И только от него зависит, будет ли современный мегаполис работать на него или против! Особенно актуально стоит вопрос осмысления роли городской культуры в регулировании диалога: диалога с природой, с самобытным содержанием урбанистического пространства, а также диалога внутри богатого на этносы, конфессии, индивидуальности города. Обращение к «историческому тексту города» в поиске ключей для подобных диалогов видится нам первоочередной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Умные города – будущее сегодня. 2015. URL: http://old.jetinfo.ru/jetinfo_arhiv/smart-city-nashi-retsepty/umnye-goroda-budushee-segodnya/2015 (дата обращения: 24.08.2019).
2. «Умный город» XXI в.: в России начали строить электродома. 2016. URL: <https://realty.rbc.ru/news/58173f3e9a7947a39ea5fb7a> (дата обращения: 24.08.2019).
3. Алексеев-Апраксин А. М., Богданова Р. Ю. Кластерный подход в отечественной урбанистике // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 413–421. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421>.
4. Анциферов Н. П. «Непостижимый город»... Л.: Лениздат, 1991.
5. Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981.
6. Важенина И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82–98.
7. Вебер М. Город / пер. с нем. М. Левиной. М.: Strelka Press, 2017.
8. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.
9. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В. Николаева. М.: Strelka Press, 2016.
10. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. А. Токтонова. М.: Крост, 2012.
11. Городская среда. Технология развития: настольная книга / В. Л. Глазычев, М. М. Егоров, Т. В. Ильина и др. М.: Ладыя, 1995.
12. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.
13. Говард Э. Города будущего / пер. с англ. А. Ю. Блоха. СПб.: Обществ. польза, 1911.
14. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011.
15. Есаков В. А. Мегаполис в зеркале социальной философии. М.: Инфра, 2016.
16. Каган М. С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура: сб. науч. тр. СПбГИК / науч. ред. С. Н. Иконникова, Г. В. Скотников. СПб.: СПбГИК, 1992.
17. Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрустальной, М. Гнедовской. М.: ИД «Классика-XXI», Ин-т культурной политики, 2006.
18. Райт Ф. Л. Исчезающий город / пер. с англ. А. Смирновой, П. Фаворова. М.: Strelka Press, 2018.
19. Roy K., Кеттер Ф. Город-коллаж / пер. с англ. И. Третьякова. М.: Strelka Press, 2018.
20. Burgess E. W. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // THE CITY. Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1925. P. 47–62.
21. Mumford L. What is city // The City Reader / ed. by R. T. Legates, F. Stout. 2nd ed., Abingdon-on-Thames: Routledge, 2001. P. 434–445.
22. Ильин В. Г. Город как концепт культуры: дис. ... д-ра социол. наук / Рост. гос. пед. ун-т, Ростов н/Д., 2004.
23. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. с англ. С. П. Баньковской // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.

24. Винер Н. Человек управляющий / пер. с англ. Е. Г. Панфилова. СПб.: Питер, 2001.
25. Гороховская Е. А. Этология человека. 2014. URL: <https://postnauka.ru/faq/32457> (дата обращения: 24.08.2019).
26. Ferrier J.-P., Guieysse J.-A., Rebours T. L'étalement urbain dans les pays développés. Désurbanisation ou post-urbanisation? Saarbrücken: Univ. Européenne, 2010.
27. Литвенкова И. А. Экология городской среды: урбоэкология. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2005.
28. Владимиров В. В. Урбоэкология. М.: МНЭПУ, 1999.
29. Население регионов России 2019: численность, крупные регионы России и фед. округа, список. URL: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения: 24.08.2019).
30. Население Москвы по округам и районам. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-moskvy-po-okrugam-i-rajonam> (дата обращения: 24.08.2019).
31. James W. A. Pluralistic universe. N. Y.: LONGMANS, GREEN AND CO., 1909. URL: <https://archive.org/details/pluralisticunive00jamerich/page/n6> (дата обращения: 24.08.2019).
32. Матис В. И. Теория и практика развития национальной школы в поликультурном обществе: автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул, 1999.
33. Селина М. В. Жители мегаполисов сознательно выбирают одиночество. 2013. URL: <http://www.opes.ru/1570056.html> (дата обращения: 24.08.2019).
34. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
35. Zorbaugh H. W. The Gold Coast and the slum: A sociological study of Chicago's Near North Side. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1929.
36. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 24.08.2019).
37. Мильчик М. И. Исторический город и современная архитектура. Л.: Знание, 1990.
38. Фромм Э. Иметь или быть / пер. с англ. Н. Войскунской, И. Каменкович, Е. Комарова и др. М.: АСТ, 2000.

Информация об авторах.

Киреева Ольга Викторовна – кандидат культурологии (2009), старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, Воронежская ул., д. 79, Санкт-Петербург, 192007, Россия. Автор 2 монографий и 20 научных статей. Сфера научных интересов: генезис городской культуры России, российско-европейские культурные контакты, коды современной городской культуры. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7015-1267>. E-mail: gpa-olgakireeva@mail.ru

Веселова Мария Николаевна – кандидат культурологии (2009), методист, преподаватель Колледжа Петербургской моды, Софийская ул., д. 19, к. 1, Санкт-Петербург, 192236, Россия. Автор 26 научных и научно-методических публикаций. Сфера научных интересов: современная городская культура, семиотика города, модели городского поведения, городская ментальность. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6638-3671>. E-mail: ashamy@mail.ru

REFERENCES

1. Smart cities – the future today, (2015), available at: http://www.jetinfo.ru/jetinfo_arhiv/smart-city-nashi-retsepty/umnye-goroda-budushee-segodnya/2015 (accessed 24.08.2019).
2. «Smart city» of the XXI century: in Russia began to build electric houses, (2016), available at: <https://realty.rbc.ru/news/58173f3e9a7947a39ea5fb7a> (accessed 24.08.2019).
3. Alekseev-Apraksin, A.M. and Bogdanova, R.Y. (2018), "The Cluster Approach in Russian Urban Studies", *Observatory of Culture*, vol. 15, no. 4, pp. 413–421. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421>.

4. Antsiferov, N.P. (1991), *Nepostizhimyi gorod* [Incomprehensible city], Lenizdat, SPb., RUS.
5. Baranov, A.V. (1981), *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie krupnogo goroda* [Social and demographic development of a large city], Finansy i statistika, Moscow, USSR.
6. Vazhenina, I.S. (2006), "The image and reputation of the territory as the basis for promotion in a competitive environment", *Marketing in Russia and Abroad*, no. 6, pp. 82–98.
7. Veber, M. (2017), *A city*, Transl. by Levina, M., Strelka Press, Moscow, RUS.
8. Vizgalov, D.V. (2011), *Brending goroda* [Branding a city], The Insinute for Urban Economics, Moscow, RUS.
9. Wirth, L. (2016), *Urbanism as a way of life*, Transl. by Nikolaev, V., Strelka Press, Moscow, RUS.
10. Gehl, J. (2012), *Cities for people*, Transl. by Toktonov, A., Krost, Moscow, RUS.
11. Glazychev, V.L., Egorov, M.M. and etc. (1995), *Gorodskaya sreda. Tekhnologii razvitiya: nastol'naya kniga* [City environment. Development Technology: Handbook], Lad'ya, Moscow, RUS.
12. Glazychev, V.L. (1984), *Sotsial'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoi sredy* [Socio-ecological interpretation of the urban environment], Izdatel'stvo nauka, Moscow, USSR.
13. Howard, E. (1911), *Garden Cities of To-Morrow*, Transl. by Blokh, A. Yu., Obshchestvennaya pol'za, SPb., RUS.
14. Jacobs, J. (2011), *The Death and Life of Great American Cities*, Transl. by Motylev, L., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.
15. Esakov, V.A. (2016), *Megapolis v zerkale sotsial'noi filosofii* [The metropolis in the mirror of social philosophy], Infra, Moscow, RUS.
16. Kagan, M.S. (1992), "The culture of the city and ways to study it", *Gorod i kul'tura* [City and Culture], in Ikonnikova, S.N. and Skotnikov, G.V. (ed.), SPb., RUS.
17. Landry, C. (2006), *The Creative City*, Transl. by Gnedovskii, V. and Khrustaleva, M., Izdatel'skii dom "Klassika-XXI", Institut kul'turnoi politiki, Moscow, RUS.
18. Wright, F.L. (2018), *The Disappearing city*, Transl. by Smirnova, A. and Favorov, P., Strelka Press, Moscow, RUS.
19. Rowe, C. and Koetter, F. (2018), *Collage City*, Transl. by Tret'yakova, I., Strelka Press, Moscow, RUS.
20. Burgess, E.W. (1925), "The Growth of the City: An Introduction to a Research Project", *THE CITY*, Park, R.E., Burgess, E.W. and McKenzie, R.D., Univ. of Chicago Press, Chicago, USA, pp. 47–62.
21. Mumford, L. (2001), "What is city", *The City Reader*, in Legates, R.T. and Stout, F. (ed.), 2nd ed., Routledge, Abingdon-on-Thames, UK, pp. 434–445.
22. Il'in, V.G. (2004), "The city as a concept of culture", Dr. Sci. (Sociol.) Thesis, Rostov State Pedagogical Univ., Rostov-on-Don, RUS.
23. Park, R. (2002), "The City as a Social Laboratory", Transl. by Ban'kovskaya, S.P., *Russian Sociological Review*, vol. 2, no. 3, pp. 3–12.
24. Wiener, N. (2001), *Chelovek upravlyayushchii* [Man managing], Transl. by Panfilov, E.G., Piter, SPb., RUS.
25. Gorokhovskaya, E.A. (2014), "The Ethology of man", available at <https://postnauka.ru/faq/32457> (accessed 24.08.2019).
26. Ferrier, J.-P., Guieysse, J.-A. and Rebour, T. (2010), *L'étalement urbain dans les pays développés. Désurbanisation ou post-urbanisation?*, Univ. Européenne, Saarbrücken, DEU.
27. Litvenkova, I.A. (2005), *Ekologiya gorodskoi sredy: urboekologiya* [Ecology of the urban environment: urban ecology], Izd-vo UO "VGU im. P. M. Masherova", Vitebsk, BLR.
28. Vladimirov, V.V. (1999), *Urboekologiya*, [Urban ecology], MNEPU, Moscow, RUS.
29. The population of Russian regions 2019: population, major Russian regions and Federal districts. List, (2019), available at: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia (accessed 24.08.2019).
30. The population of Moscow by districts and districts (2019), available at: <http://www.statdata.ru/naselenie-moskvy-po-okrugam-i-rajonom> (accessed 24.08.2019).
31. James, W.A. (1909), *Pluralistic universe*, LONGMANS, GREEN AND CO., N.Y.. URL: <https://archive.org/details/pluralisticunivejamerich/page/n6> (дата обращения: 24.08.2019).

32. Matis, V.I. (1999), "Theory and practice of developing a national school in a multicultural society", Abstract of Dr. Sci. (Medical) dissertation, Barnaul State Pedagogical Univ., Barnaul, RUS.
33. Selina, M.V. (2013), *The residents of megacities choose loneliness consciously*, available at: <http://www.opec.ru/1570056.html> (accessed 24.08.2019).
34. Giddens, E. (1999), *Sociology*, Editorial of URSS, Moscow, RUS.
35. Zorbaugh, H.W. (1929), *The Gold Coast and the slum: A sociological study of Chicago's Near North Side*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
36. Simmel, G. (2002), "Die Großstädte und das Geistesleben", Logos, no. № 3–4, available at: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (accessed 24.08.2019).
37. Mil'chik, M.I. (1990), *Istoricheskii gorod i sovremennaya arkhitektura* [A historical city and modern architecture], Znanie, Leningrad, USSR.
38. Fromm, E. (2000), *To Have Or to Be?*, Transl. by Voiskunskaya, N., Kamenkovich, I., Komarov and etc., AST Publishers, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Olga V. Kireeva – Can. Sci. (Culturology) (2009), Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Sciences Russian State Hydrometeorological University, Voronezhskaya str., 79, St Petersburg 192007, Russia. The author of 2 monographs and 20 scientific articles. Area of expertise: genesis of urban culture of Russia, Russian-European cultural contacts, codes of modern urban culture. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7015-1267>. E-mail: gpa-olgakireeva@mail.ru

Maria N. Veselova – Can. Sci. (Culturology) (2009), Methodist, Lecturer, College of St. Petersburg Fashion, Sofiiskaya str., 19, building 1, St Petersburg 192236, Russia. The author of 26 scientific and methodological publications. Area of expertise: modern urban culture, semiotics of the city, urban behavior models, urban mentality. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6638-3671>. E-mail: ashamy@mail.ru

Советский музыкальный авангард в контексте времени (сер. 1950-х – 1980-х гг.): историко-культурологические и философские аспекты

О. В. Андреева✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉osa3f@mail.ru

Введение. Музыкальный авангард, став знаком времени, отразил важнейшие тенденции уходящей эпохи. В статье этот феномен рассматривается в историко-культурологическом и философском аспектах. Аспектом новизны является анализ музыки как сферы межкультурной коммуникации.

Методология и источники. Методология исследования строится на анализе источников и литературы с учетом междисциплинарных подходов. Особую роль в понимании теоретических аспектов проблемы играют работы музыковедов Ю. Н. Холопова, В. Н. Холоповой, В. С. Ценовой, Р. Л. Поспеловой, А. И. Демченко. Среди источников выделяются кино-, фото- и фонодокументы, в которых запечатлен яркий образ эпохи. Значительный интерес вызывают беседы с композиторами, где представлено широкое полотно общественной и музыкальной жизни (А. Шнитке, запись А. Ивашкина и А. Волконский, запись Е. Дубинец). Используются исторический, сравнительный, системный и семиотический методы анализа. Применяется комплексный подход (формационный, цивилизационный методы исследования и школы «Анналов»).

Результаты и обсуждение. Послевоенная культура исследуется как единое пространство, в котором особую роль сыграли импульсы «оттепели». Они придали культурным феноменам инерционную динамику, подготовившую перемены 1990-х гг. Результаты исследования показывают, что в отличие от политических и социально-экономических процессов, культурная жизнь в эти годы продолжала ощущать импульсы «оттепели» и была далека от застойных явлений. Это позволяет поставить дискуссионный вопрос о пересмотре политических клише в отношении периода середины 1960-х – 1980-х гг. в СССР как «эпохи застоя».

Заключение. Советский авангард, выразив дух времени, представляет собой уникальный феномен, в котором нашли отражение как общемировые тенденции, так и своеобразие национальной культуры. Опыт авангарда показывает, что культурные процессы эпохи середины 1950-х – 1980-х гг. имели высокую динамику развития. Изучение этого периода, особенно его духовной сферы, требует междисциплинарных подходов и применения современных методов исследования. В частности, интерес представляют методы школы «Анналов» в ее исторической ретроспективе и «новой культурной истории».

Ключевые слова: музыкальный авангард, постмодернизм, полистилистика, глобализация, национальная культура, этническая культура, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Андреева О. В. Советский музыкальный авангард в контексте времени (сер. 1950-х – 1980-х гг.): историко-культурологические и философские аспекты // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 21–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-21-37

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.12.2019; принята после рецензирования 09.01.2020; опубликована онлайн 25.02.2020

Soviet Musical Avant-Garde in the Context of Time (in the mid. 1950s – 1980s): Historical and Cultural Studies and Philosophical Aspects

Olga V. Andreeva✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉osa3f@mail.ru

Introduction. Interest in the work of avant-garde artists does not wane as they move away from the 20th century. This is due to the fact that the musical avant-garde, becoming a sign of the time, reflected the most important trends of the outgoing era. In the paper, the Soviet musical avant-garde is considered in the historical, cultural and philosophical aspect in the context of the historical era, which determines the novelty of the study. An aspect of novelty is the analysis of music as a sphere of intercultural communication.

Methodology and sources. The research methodology is based on the analysis of sources and literature, taking into account interdisciplinary approaches. A special role in the understanding of the theoretical aspects of the problem play the work of musicologists Yu. N. Kholopova, V. N. Kholopova, V. S. Price, R. L. Pospelova, A. I. Demchenko. Among the sources highlighted in cinema, photo- and phonodocuments, which depicts a vivid image of the era. The interviews with composers, which presents a wide canvas of social and musical life (A. Schnittke, A. Ivashkina entry and volkonskii, recording E. Dubinets) are of considerable interest. Historical, comparative, systematic and semiotic methods of analysis were used. Applies a comprehensive approach (formation and civilization methods of research and the Annales school). This allows for a new approach to the historical era of the middle 1950s – 1980s.

Results and discussion. Postwar culture is examined as a single space, in which a special role was played by the impulses of the “thaw”. They gave cultural phenomena such inertial dynamics, which preserves the spiritual maturity of society and produced changes of the 1990s, the results of the study show that in contrast to the political and socio-economic processes, cultural life in these years continued to feel the pulses of the “thaw”. Retaining the inertial dynamics of development, cultural processes have been far from stagnation, which casts doubt on the overall rating this time as the “era of stagnation”. This allows you to put a discussion question on the revision of the political clichés in relation to the period of the middle 1960s – 1980s in the Soviet Union as the “era of stagnation”.

Conclusion. Soviet avant-garde, expressing the spirit of the time, represents the unique phenomenon in which reflected global trends, and the uniqueness of national culture. Experience avant-garde shows that cultural processes of the epoch middle 1950s – 1980s had a high development dynamics. The study of this period, especially in its spiritual sphere, requires interdisciplinary approaches and the use of modern, including foreign methods. Interest methods of the Annales school in its historical retrospect and the “new cultural history”.

Key words: avant-garde, postmodernism, polystylism, globalization, national culture, ethnic culture, cross-cultural communication.

For citation: Andreeva O. V. Soviet Musical Avant-Garde in the Context of Time (in the mid. 1950s–1980s): Historical and Cultural Studies and Philosophical Aspects. DISCOURSE. 2019. vol. 6, no. 1, pp. 21–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-21-37 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.12.2019; adopted after review 09.01.2020; published online 25.02.2020

Введение. Музыкальный авангард является уникальным культурным феноменом XX в. Используя новаторские средства музыкальной образности, он отразил кардинальные сдвиги, произошедшие в облике современной эпохи. В искусствоведческой литературе новейшие течения первой половины XX в. относят к авангарду, а второй – к модернизму. В отечественном и зарубежном музыковедении, напротив, различают авангард первой и второй волны, связанный с двумя мировыми войнами [1, с. 98]. Первый авангард зародился в начале XX в. и охватил 1910-е – 1920-е гг. Авангард-II появился в послевоенной Европе и США, а затем получил развитие в Советском Союзе. Ю. Н. Холопов, теоретик музыки, определяет рамки авангарда второй волны 1946–1968 гг. [2]. Поскольку в статье исследуется советский авангард, его рамки определяются серединой 1950-х – 1980-х гг. Это были годы зарождения, взлета и трансформации авангарда под воздействием постмодернизма, хотя он оставался главным методом творчества отдельных композиторов. В статье ставится цель: раскрыть послевоенный советский музыкальный авангард как закономерное явление культурной жизни. При этом задача видится в том, чтобы выявить новые тенденции в развитии послевоенного мира и духовной жизни советского общества; показать взаимосвязь и различие первого, второго авангарда и постмодернизма.

Методология и источники. Методологическая база строится на анализе источников и исследуемой литературы с учетом междисциплинарных подходов. Используются исторический, сравнительный, системный и семиотический методы анализа. Применяется комплексный подход (формационный, цивилизационный и школы «Анналов»), что позволяет по-новому подойти к исторической эпохе середины 1950-х – 1980-х гг.

Результаты и обсуждение. Авангард (от *фр.* avant-garde – передовой отряд) появился в начале XX в. как новаторское художественное течение переходной эпохи, однако сразу заявил о крахе старого мира, неизбежном его обновлении и преобразовании искусства. Многоликий авангард, охватив различные сферы художественного творчества, быстро стал мировым явлением, проявив в каждой стране свою национальную специфику. В Австрии музыку авангарда представляли А. Шенберг (1874–1951), А. Веберн (1883–1945) и А. Берг (1885–1935). По мере приближения Первой мировой войны в их творчестве отразился страх и отчаяние перед лицом надвигающихся катастроф (например, в вокальном цикле А. Шенберга «Лунный Пьеро», 1912). Кризис гуманистических ценностей и развал многонациональной империи на фоне проигранной войны вызвали к жизни неистовые образы экспрессионизма (от *лат.* expression – выражение). В музыке экспрессионизма на смену гармоничному звучанию пришла дисгармония и атональность.

Додекафония и атональность стали музыкальным кредо авангарда. В додекафонии (от *греч.* dodeka – двенадцать и *phone* – звук) тональность как нечто устойчивое и динамичное

исчезала, а мелодия строилась из серии определенной последовательности 12 звуков различной высоты. Музыка, написанная вне ладовых и гармоничных связей, разрушала ладовый центр, связь между тонами, провозглашая равенство всех тонов. Она отвергала взаимосвязь консонанса и диссонанса, хотя в рамках мажорно-минорной тональной системы различие между ними качественное. Оно достигает, по мысли исследователей, степени острой противоположности и контраста, обладая самостоятельной эстетической ценностью. Их взаимосвязь в музыке – важнейшая закономерность [3, с. 18]. Отказ от консонанса как выражения устойчивости и покоя, разрушение звуковой гармонии позволили авангарду отразить в музыке дух современной эпохи – эпохи мировых войн и потрясений.

В отличие от Австрии, в России музыкальный авангард (И. А. Вышнеградский, Н. А. Рославец, Н. Б. Обухов, А. С. Лурье) пошел по пути футуристических исканий. Они были близки итальянскому футуризму (футуризм от *лат. futurum* – будущее). Русские композиторы опирались на открытия А. Н. Скрябина, который подошел к признанию функционального равенства 12 тонов хроматической гаммы. Работая над «раскрепощением» звука и ритма, лидеры авангарда стремились воспроизвести необычную палитру звучаний с помощью новых музыкальных инструментов. В 1920 г. появился терменвокс – первый в мире музыкальный электроакустический инструмент, который допускал любые микроградации звука. Его создал российский инженер и виолончелист Л. С. Термен. Несмотря на устремленность в будущее и огромный оптимистический заряд, в котором выразились надежды на революционное обновление России (симфоническая поэма Н. А. Рославца «Комсомолия», 1928), русский авангард не получил признания, а его наследие во многом оказалось утрачено. И. А. Вышнеградский, Н. Б. Обухов, И. М. Шиллингер и А. С. Лурье уехали из страны. Оставшийся на родине Н. А. Рославец (1881–1944), автор первых в России атональных произведений, умер в неизвестности, подвергаясь гонениям.

Судьба авангарда показала, что его новации вступили в противоречие с вектором развития общества, возникшего на обломках Российской империи. Революция и Гражданская война, ускоренная индустриализация и коллективизация как специфические формы российской модернизации вызвали к жизни мобилизационную модель социализма. Решая проблему социально-экономической отсталости страны, она значительно ограничила демократические начала в жизни. В 1920-е гг. это приняло форму жесткого подавления политических противников и инакомыслия; идеологического диктата в духовной сфере; притеснения интеллигенции и служителей культа. В 1930-е гг. грубые нарушения законности проявились в насильственной коллективизации и в массовых репрессиях. Дальнейшее сохранение системы создавало опасность ее новых антидемократических проявлений.

Непросто сложилась судьба и австрийского авангарда. А. Шенберг после прихода фашистов к власти покинул Берлин и эмигрировал в США, поскольку в Германии творчество авангардистов рассматривалось как «дегенеративное искусство». В концлагере погиб чешский и австрийский композитор В. Ульман (1898–1944). Трагически оборвалась жизнь родоначальника музыкального пуантилизма А. Веберна.

Получив мировое признание после Второй мировой войны, австрийский авангард стал базой второго авангарда. Однако авангардные течения концептуально отличались. Если первый авангард смог передать сущность исторической эпохи на этапе мировых войн и социальных потрясений, то второй – воплотил в музыке эру научно-технического прогресса

са. Несмотря на эти различия, авангардное искусство тонко уловило дух времени и его новую культурную парадигму.

Для понимания этих процессов обратимся к опыту предшествующих эпох. Еще в древних цивилизациях задумывались о взаимосвязи музыки и космического пространства. В Древнем Китае музыка мыслилась как всепроникающая субстанция бытия, порожденная дао. В силу своей ритмо-временной и звуко-акустической природы, создающей ощущение нематериального и неуловимого духовного бытия, она считалась причастной к первопричине мира, мировой гармонии [4, с. 45]. В Индии все звуки в природе, музыка воспринимались во взаимосвязи с астрономией и математикой, т. е. с планетами, знаками Зодиака, солнечными и лунными течениями, числами, а особенно с эфиром пространства. Музыка природы рассматривалась как первая ступень к музыке искусства [5, с. 29].

Музыкально-космологические представления древних греков коренились в мифах о Космосе, о противостоянии Хаоса и Гармонии. На этой основе Пифагор и его последователи выработали учение о гармонии сфер. Они усматривали суть музыки в божественной гармонии чисел – консонансов. Числовое соотношение для них было источником гармонии космоса, структура которого мыслилась как физическое, геометрическое и акустическое единство. Музыкальная гармония – микрокосм, часть мирового порядка [6, с. 125].

Опираясь на античное наследие, теоретик музыки Боэций (480–524/526) выделял три разновидности музыки. Единство мира природного и человеческого, гармония небесных движений и всех наблюдаемых природных процессов составляет «мировую музыку» (*musica mundana*). Она воспринимается человеком благодаря гармоничному устройству человеческого тела и человеческой души, и гармонии между ними – это человеческая музыка (*musica humana*). Инструментальная музыка (*musica instrumentorum*) рождается тогда, когда звуки и интервалы между ними образуют соотношения и композиции, воспроизводящие «музыку мировую» и «человеческую». Творить нравственно совершенную музыку может лишь тот, кто постигает гармонию мира и становится философом [7, с. 279].

Таким образом, на протяжении тысячелетий музыка воспринималась человечеством как сакральный феномен, органично связующий миры – духовный и физический. При этом картина мира и положение в ней человека не оставались неизменными. Античная культура базировалась на идее всеобщего порядка и гармонии, которые пронизывали макро- и микрокосм. Их тождество означало, что все мироздание характеризуется целостностью и единством. Поэтому для эллинской культуры «человек – мера всех вещей» как часть макрокосма был лишен дисгармоничного и хаотического начала. Средневековая культура взяла за основу идею теоцентризма, а ренессансная – идею антропоцентризма и гуманизма. Человек в культурной парадигме Возрождения рассматривался как высшее творение Божественного Разума и наделялся силой, способной переустроить мир.

Новое время в лице выдающегося ученого И. Кеплера отстаивало идею гармонии как универсального мирового закона («Гармония мира», 1619). Однако акценты эпохи сместились в сторону рационального познания и секулярного миропонимания. В сложившейся естественнонаучной картине мира человек мыслился как часть Универсума и развивался по его неизменным законам. Все обрело ясные и понятные черты, что отражалось в четкой иерархии художественной культуры, ее классических формах, жанрах и стилях.

В XX в. в результате появления неклассической и постнеклассической науки картина мира кардинально изменилась. Новое миропонимание нашло отражение в философских доктринах структурализма и постструктурализма. На этом синтезе науки и философии и родились авангардная и постмодернистская культура. При этом разрыв с психологическими, эстетическими и художественными принципами культуры Нового времени повлек за собой, по мысли Ю. Н. Холопова, девальвацию антропоцентризма [2].

Пережитые человечеством в первой половине XX в. две мировые войны, трагический опыт концлагерей и холокоста, ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не оставляли сомнений в дегуманизации современного мира и обесценивании в нем принципов антропоцентризма. Композиторы передали ужасы войны средствами авангардного искусства. Так появились кантаты «Уцелевший из Варшавы» А. Шенберга (1947) и «Огненный замок» Д. Мийо (1956), опера «Пассажирка» М. Вайнберга (1967–1968) и музыкальная композиция «Плач по жертвам Хиросимы» К. Пендерецкого (1960). В них додекафония и атональность соединялись с декламацией и криком, а мелодия и ритм заменялись хаосом диких звучаний кластеров. В «Полиформии» (1961) К. Пендерецкий отразил энцефалограммы больных людей, прослушавших музыкальное звучание «Плач по жертвам Хиросимы». Авангардные произведения средствами музыки показали, что европейская цивилизация, которая с античной эпохи определяла вектор развития мировой культуры, в XX в. переживает глубочайший духовный кризис.

Трагический опыт человечества актуализировал проблему переосмысления эстетических и философских основ искусства. Тем более в послевоенном мире, который стремительно менял прежние очертания, появились новые ценностные ориентации. Важнейшим фактором развития становился научно-технический прогресс. Он втянул в свою орбиту различные страны, независимо от их культурных и цивилизационных особенностей, социально-экономических и политических систем. К концу столетия сложился облик глобального мира, в котором изменились основы бытия и мировоззренческие ориентиры миллионов людей. Ученые заговорили о техногенной цивилизации, переход к которой занял весь XX в. В ней, по словам философа и культуролога В. В. Бычкова, научно-технический прогресс становится нормой, стимулом и, главное, целью духовной и социальной жизни человека и общества [8, с. 190]. Философ В. С. Степин отмечает, что высшей ценностью здесь становятся инновации, творчество, формирующие новые оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки [9, с. 4].

Формирование ценностей связано со сферой культуры. Рассматривая ее как сложно структурированную систему, В. С. Степин выделяет в ней три уровня. Первый уровень (по его определению, «реликтовые программы», «осколки прошлых культур») регулирует виды общения и поведения людей, воплощаясь в обычаях и традициях. Второй уровень (программы деятельности, поведения и общения) позволяет воспроизводить существующие формы социальной жизни. И только третий уровень (программы будущих, потенциально возможных видов и форм человеческой деятельности) определяет динамику культурных процессов. Среди них исследователь отмечает фундаментальные научные открытия, авангард в искусстве, новые философские и религиозные идеи [10, с. 57, 58].

Из этого следует, что только часть культурных феноменов обращена к будущему, и именно в них заложен инновационный потенциал культуры. В этом смысле музыка аван-

гарда, находясь в социокультурном потоке, являлась зеркалом эпохальных перемен. Она вобрала в себя ритмы эпохи, ее сущностные характеристики и черты, противоречивые духовные тенденции, выразив их в новой, нетрадиционной форме. Базой авангардных экспериментов стала музыка Западной Европы и США – лидеров инновационных процессов.

Культурное наследие будущего формируется в настоящем, а в нем истинные ценности искусства от преходящих его форм определяет только время. Некоторые художники создавали произведения, которые находились на тонкой грани исчезновения, дематериализации искусства. Подобно картинам абстракционистов («Черный супрематический квадрат» К. Малевича; 1915), «преодолевающих» изображение предметного мира и его очертания, появились авангардные музыкальные «композиции тишины» («4'33"» Дж. Кейджа; 1952). Как отмечает искусствовед Т. В. Цареградская, здесь нет идеи музыки как языка, как коммуникации. От европейского концепта «произведения» остается только оболочка, временная рамка – «4'33"». Это, по словам Кейджа, – среднестатистическое звучание сингла – граммофонной записи, фиксирующей на одной стороне пластинки фрагмент музыки. Поэтому «4'33"» вполне представляет собой фрейм [11, с. 22]. Напоминая, что с английского «фрейм» (frame) – рамка, каркас, С. В. Сухоносова ссылается на американского лингвиста Ч. Филлмора, который определяет его как «когнитивную структуру схематизации опыта» [12, с. 29, 30]. При всей глубине семантических смыслов репрезентация музыкальной пустоты несла элемент оригинальности только в первом исполнении, вызывая негодование слушателей. Многократное повторение лишало ее всякого «сакрального» смысла, хотя свидетельствовало о нестандартности мышления автора. Подобные изыски были нередким явлением, отражая сложный путь новаторских исканий в авангардном искусстве.

В то же время научно-технический прогресс внес новые элементы в палитру звучаний. С помощью новейшей технической аппаратуры стали записывать все богатство звуков Вселенной, соединяя их с музыкальным фоном произведений. Применение ЭВМ и компьютерной техники позволило модифицировать традиционное звучание. Появилась конкретная, электронная и эмбиентная музыка. Французский композитор, инженер и архитектор греческого происхождения Я. Ксенакис (1922–2001) использовал музыку как звуковую реализацию математических проектов. Совместив композиционную технику с законами теории вероятности, он создал так называемую стохастическую музыку.

Проникновение в музыкальное искусство с середины 1950-х гг. точных наук и лингвистики отражало влияние структурализма. Своей задачей структуралисты считали *«необходимость вскрытия глубинных, “неявных” структур социальных и культурных явлений, обусловленных языковыми конструкциями и обеспечивающих неосознаваемое основание рациональности мышления и действий человека»* [13, с. 52; курсив авторов. – О. А.]. Многие структуралисты профессионально занимались логикой, семиотикой и лингвистикой. Нередко интерес к этим дисциплинам проявляли выдающиеся музыканты. Так, немецкий дирижер, композитор и теоретик К. Штокхаузен (1928–2007) изучал фонетику и теорию коммуникации в Боннском университете. Мода на лингвистику привела к семиотической методологии мышления. Музыкальное творчество напоминало интеллектуальную игру, в «силовое поле» которой оказались втянутыми композиторские техники, семантические смыслы, исполнительские интерпретации, способы функционирования музыки в социальной среде», размывая барьеры в понятии «искусство – не – искусство» [14, с. 56].

Стремясь придать гуманитарным знаниям статус точных наук, структуралисты обратились к математике. Знакомства с ней требовала и 12-тоновая музыка. Французский композитор и дирижер П. Булез (1925–2016) посещал курсы высшей математики в Лионе. В философском плане отмеченная тенденция отражала переход от эмоционально-чувственного восприятия мира к его интеллектуальному осмыслению. Особенностью музыкального авангарда стал перенос внимания из области психологизма, сильных чувств и эмоций в концептуально-интеллектуальную сферу. Эмоциональная отстраненность, изысканность стиля, стремление к ясности, практически математической выверенности конструкции лежали в основе многих авангардистских опусов 1950–1960-х гг. [1, с. 99].

В последней трети XX в. появляется новое течение постмодернизм, сущность которого остается сферой научных дискуссий. В. В. Бычков указывает на то, что это – феномен техногенной цивилизации [8, с. 190]. Л. М. Мурейко и М. В. Бахтин подчеркивают его связь с постструктурализмом [13, с. 52]. А. Н. Тарасов отмечает, что постструктурализм противопоставил структуре как устойчивой целостности (структурализму) области неустойчивой и хаотичной фрагментарности. Своим объектом исследования постструктурализм выбрал случайность вместо порядка, фрагментарность вместо целостности, эмоции и переживания вместо безличной логики. Понятия «случайность», «фрагментарность», «эмоции и переживания» стали определяющими и в постмодернизме [15, с. 480]. Постмодернизм А. Н. Тарасов предлагает рассматривать в системе социокультурной трансформации как культуру переходного типа (подобно эллинизму, маньеризму или авангарду). Постмодерн – это переход к пост-современной культуре [16, с. 169].

Несмотря на дискуссии, черты постмодернизма как художественного явления очевидны. Это – стирание граней между «высоким» и «низким» искусством, творчеством и жизнью; смешение стилей и художественных форм; обращение к опыту прошлого и его переосмысление с помощью цитат, аллюзий, ироничного или абсурдного контекста. С одной стороны, постмодернизм стремится избежать крайностей авангардизма: его элитарности, утонченной эстетики, жесткой логики и сериализма. С другой стороны, причудливо соединяется с авангардными приемами, проявляясь в них в новом качестве. Поэтому проведение четкой грани между этими течениями вряд ли возможно, особенно в советском авангарде, который прошел стремительную эволюцию в предельно сжатые сроки.

Исторический рубеж «авангардных интервенций» в СССР совпал с серединой 1950-х гг., когда авторитарные формы существования советского социума уходили в прошлое. Н. С. Хрущев начал процессы десталинизации и демократизации, которые пробудили забытое ощущение духовной свободы. Реабилитация жертв политических репрессий оказала отрезвляющее воздействие на общественную жизнь и умы современников. Хрущевская «оттепель» вызвала необычайный духовный подъем и глубокую перестройку культурных процессов. После длительного безмолвия появились оригинальные литературные произведения, кинематографические работы, выставки художников-авангардистов. Эпоха «оттепели» стала рубежной и для музыки авангарда. Когда в приоткрывшуюся завесу хлынул поток информации о зарубежной музыке, советские композиторы быстро освоили ее новые идеи, доказав, что музыка – идеальная сфера межкультурного взаимодействия.

Однако вектор перемен оставался неопределенным. В стране продолжала действовать модель социализма, сложившаяся в экстремальных условиях. В эпоху «оттепели» она

утратила лишь наиболее одиозные свои черты. Н. С. Хрущев, будучи частью системы, не обладал ни перспективным мышлением, ни необходимой гуманитарной и политической культурой. Совершив массу непродуманных решений, он был отправлен в отставку.

С середины 1960-х гг. новое руководство во главе с Л. И. Брежневым пошло на проведение экономической реформы (1965). Однако после «Пражской весны» (1968) начался поворот к консервативному курсу. Он отразил опасение за будущее страны на фоне кризисных явлений в мировой системе социализма и показал недооценку новых мировых реалий. Консервативная политическая элита, не желавшая перемен, вошла в противоречие с духовной зрелостью общества. Альтернативой реформ могла быть только политическая стагнация, с помощью которой пытались загнать в прокрустово ложе пробудившееся общество. Руководство страны пошло на ужесточение цензуры, ограничение свободы творчества, борьбу с инакомыслием. В условиях снятия железного занавеса эти меры вызывали обратный эффект. Отсутствие страха перед репрессиями, внутренняя свобода творчества, появление диссидентства, самиздатовской литературы – все это раздвигало границы «дозволенного» и делало карательные меры бессмысленными. Попытка сохранить отжившую систему была обречена на провал [17, с. 13, 14]. В стремительно меняющемся мире определяющим фактором развития становилась социальная модернизация. Немаловажную роль играла и культурная политика, призванная поддерживать новые явления, в том числе авангард, особенно на фоне развернувшейся в мире кампании «за права человека».

Наиболее яркими представителями советского музыкального авангарда в эти годы были А. М. Волконский (1933–2008), А. Г. Шнитке (1934–1998), Э. В. Денисов (1929–1996), Н. Н. Каретников (1930–1994) и С. А. Губайдулина (р. 1931). Ограниченные рамки статьи не позволяют рассмотреть вклад в культуру авангарда каждого из них, поэтому остановимся подробнее на творчестве А. М. Волконского и А. Г. Шнитке.

Близость этих композиторов западноевропейской традиции объяснялась разными факторами. А. М. Волконский – дирижер, органист и клавесинист, потомок древнего дворянского рода, родился в Женеве. Первоначальное музыкальное образование получил в Женевской и Парижской консерватории. По возвращении с родителями в Советский Союз (1947) обучался музыке в Тамбове и в Московской консерватории (1950–1954), которую так и не закончил по причине своего свободомыслия.

Органично связанный с западноевропейской культурой, А. М. Волконский начал творчество с авангардных произведений: «Musica stricta» («Строгая музыка», 1956–1957), «Сюита зеркал» (на стихи Ф. Г. Лорки, 1959, 1960) и «Жалобы Щазы» (1962) для сопрано и камерного ансамбля. Вокальные произведения были написаны в серийно-додекафонной технике и напоминали дискретным звучанием музыку А. Веберна. Однако, несмотря на «исторический сдвиг» в сторону первого авангарда, они открыли в СССР эру второй авангардной волны. Творческая манера мастера отличалась оригинальной спецификой. Как пишет Е. Окунева, серийный метод Волконского был далек от «правил» ортодоксальной додекафонии Шенберга и Веберна. Композитор свободно обращался с серией, зачастую растворяя и смешивая ее с производными структурами. В таком методе серия становится, используя термин Э. Денисова, «интонационным источником» [18, с. 2].

Произведения А. Волконского показали широту эрудиции и нестандартность мышления. Он не довольствовался штампами, а обращался к ранее малоизвестному материалу.

Так, «Жалобы Шазы» композитор посвятил дагестанской народной поэтессе и певице, поразившей его своей драматической судьбой. В проникновенной музыке отразились этнические культурные традиции народов Северного Кавказа и положение женщины в этой этнокультурной среде. Произведения были необычны по форме и составу музыкальных инструментов: «Странствующий концерт» (1967, на стихи О. Хайяма) для сопрано, скрипки, флейты, ансамбля ударных и 26 инструментов; «Узелки времени» (1969–1970) для 13 инструментов. В сочинении «Игра втроем» (1961), мобиль для скрипки, флейты и клавесина, А. Волконский использовал алеаторику (*фр.* *mobile*, *лат.* *mobilis* – подвижной). В «Реплике» (1969) – хэппенинг для камерного ансамбля – импровизационную форму пост-модернистского искусства (*англ.* *happening* – случай, событие).

Появление необычной музыки вызвало негативную реакцию в Министерстве культуры. Творчество А. М. Волконского оказалось под запретом (1962), тем более он не скрывал своих контактов с зарубежными музыкантами. По личному указанию министра культуры СССР Е. А. Фурцевой за исполнение «новой музыки» был уволен И. И. Блажков, дирижер Ленинградской филармонии [19]. Как тонкий ценитель современной музыки, И. И. Блажков часто исполнял произведения А. Шенберга, А. Веберна, Э. Вареза, Ч. Айвза, В. Сильвестрова, А. Волконского и Н. Каретникова. Судьба оказалась не очень благосклонна к этому видному советскому и украинскому дирижеру и народному артисту УССР. Будучи главным дирижером Государственного симфонического оркестра Украины и лишившись работы в 1990-е гг., он эмигрировал в Германию (2002). Как ни парадоксально, правящая элита даже после смерти Сталина рассматривала авангардную музыку как своего рода «идеологическую диверсию». Отвергая новые тенденции в музыке, она подсознательно консервировала архаичные и традиционные структуры культурного наследия, закрывая пути динамичным культурным феноменам. Политика культурной консервации, по сути, продлевала существование исторически отжившей модели социализма.

В условиях «композиторского безмолвия» единственной нишей для А. Волконского оставалось исполнительское искусство. Заново открывая для публики замечательный старинный инструмент – клавесин, он выступал с сольными концертами в качестве органиста и клавесиниста, впервые ввел клавесин в отечественную музыку. Главным его детищем был ансамбль «Мадригал» (1964), который первым в стране обратился к пропаганде старинной музыки эпохи Средних веков, Возрождения и XVII в. Исполнительская манера «Мадригала», по словам искусствоведа В. А. Шекалова, была проникнута чувством свободы, рождалось ощущение спавших оков, раздвинувшегося горизонта, изменившейся картины мира. В контексте 1960-х гг. это ощущалось как часть хрущевской оттепели, сформировавшей целое поколение «шестидесятников», для которых понятие «свобода» сочеталось с представлениями, в том числе, и о расширяющемся культурном пространстве. В 1970 г. А. М. Волконский выступал в Ленинграде более десяти раз, а его ансамбль давал около ста концертов в год [20, с. 122]. Художественным руководителем «Мадригала» композитор оставался до 1972 г. После эмиграции на Запад его дело продолжила Л. Давыдова, безупречное мастерство которой было широко известно.

Концерты А. Волконского вызывали огромный интерес, собирая обширную аудиторию. Они были подобны внезапно распахнувшемуся окну в затхлой комнате, куда ворвался мир звуков забытых эпох. Для понимания атмосферы того времени приведем удивительный эпизод, записанный со слов А. Волконского Е. Дубинец во Франции. После кон-

церта в Краснодаре (в программе был итальянский композитор рубежа XVI–XVII вв., мастер мадригалов К. Джемальдо) он вышел на улицу и увидел толпу. Люди подошли к нему и сказали, что, простояв несколько часов в очереди, они не смогли достать билетов. Волконский вспоминает: «Мы никогда не слышали Джемальдо, не могли бы вы нам спеть хотя бы одну его вещь. Я был потрясен, у меня слезы навернулись на глаза. Я всю эту толпу завел обратно в зал, и мы почти весь концерт повторили» [21, с. 66].

Особенную заботу А. Волконский проявлял о сохранении традиций. В одном из интервью он говорил: «Искусство в том и заключается, чтобы идти от беспорядка к порядку, а не наоборот. Поэтому я так настороженно отношусь к Кейджу. Вы скажете, он хотел установить другой порядок – свой. А его, другого, нет, потому что порядок – это не субъективная штука. Это именно Традиция!». В другом интервью он подчеркивал: «Музыка должна основываться на традиции. Порядок видоизменяется, но не придумывается. Традиции не надо путать с академизмом. Традиции – это когда мертвые становятся живыми, а академизм, наоборот, когда живые становятся мертвыми. А настоящая традиция живая, как дерево» [21, с. 133, 217].

Об этом свидетельствует произведение А. Волконского «Мугам для тара и клавесина» (1974–1977). Мугам как азербайджанская разновидность практик музицирования в культурах Ближнего и Среднего Востока, а также лад музыки, корнями уходит в Средневековье. В 1930-е гг. он рассматривался в СССР как примитивное искусство. Однако уже с 1970-х гг. в рамках интереса к народному фольклору возрождается и мугам. В 2008 г. ЮНЕСКО признало его шедевром устного и нематериального наследия человечества, а в 2012 г. аналогичным шедевром признало мастерство изготовления и искусство игры на таре. С точки зрения межкультурной коммуникации поражает масштаб уникальной личности А. Волконского, человека европейской и православной культуры. Он не только проявил тонкое знание старинных музыкальных инструментов и ладовых, интонационных традиций народов Востока, но и глубоко прочувствовал их генетическую память. Ибо, как пишет Г. Н. Сеидова, мугам – это сфера духовного перевоплощения человеческого бытия, создающего гармонию человека со всей необъятной вселенной, с видимыми и невидимыми мирами. Проникновение в его мир требует проникновения в мир восточной культуры, в глубину восточного мышления и самосознания. Ключ к пониманию мугама – постижение мировоззрения Востока [22, с. 100].

В 1980-е гг. А. М. Волконский в продолжение духовной тематики обратился к христианству. Им написаны семь духовных песнопений для трех мужских голосов (соло или хора) (обработка русских православных литургических песнопений, 1984) и Псалом 148 – для трех голосов, органа и литавр (1985). В музыкальном строе этих произведений отразились только ему присущее изящество и аристократизм звучания.

Известный искусствовед К. В. Зенкин называет А. М. Волконского «интеллектуально утонченным и одухотворенным композитором», подчеркивая что его влияние бесспорно, как бесспорна благотворная «прививка» старой русской культуры, свободы и достоинства мысли, благородства вкуса, впитанных князем Андреем Волконским в годы детства на Западе, «прививка» совершенно немыслимая, фантастическая – к условиям сталинского советского режима [23].

Стремительно осваивая опыт авангарда, советский авангард быстро преодолел «подражательный» характер и обрел «собственное лицо». Если зарубежные композиторы тяготели к

социокультурным, технологическим и даже формализованным аспектам творчества, то для отечественных важнее был дух свободы. Их обращение к духовной тематике диктовалось политической и духовной несвободой советского общества на фоне его прогрессирующего технологического отставания. Не примыкая к диссидентскому движению, авангардисты своим творчеством выражали нонконформизм и свободомыслие. Что же касается западного мира, то здесь духовная несвобода порождалась, прежде всего, массовой культурой, обществом потребления, оторванностью человека от своих корней и истоков. В этом случае композиторы стремились осмыслить пути выхода из кризиса современной цивилизации.

Квинтэссенцией отмеченных тенденций стало творчество А. Г. Шнитке. Феномен Шнитке трудно понять без учета его национальных корней и билингвальной идентичности, благодаря которой он смог прочувствовать и отразить в универсуме трагический духовный путь немецкого и русского народа в XX в., а через них – духовный кризис европейской цивилизации [24, с. 139]. А. Шнитке – выдающийся композитор современности и уникальная личность: философ, мыслитель, теоретик, интеллектуально одаренный человек. Не признавая себя представителем ни авангарда, ни постмодернизма, он отразил в своем творчестве богатство техник, стилей и форм современной музыки, а через нее – музыки всех времен и народов. Для него музыка была связующей нитью в межкультурном и цивилизационном коммуникативном пространстве.

А. М. Волконский считал музыку А. Шнитке «монтажной», поскольку в ней, по его словам, проявились «принципы кинематографического монтажа». Как известно, оба композитора писали музыку для кинофильмов. Широкую известность приобрел фильм «Мертвый сезон» (1968, музыка А. Волконского). В творчестве А. Г. Шнитке достаточно вспомнить фильмы «Стеклянная гармоника» (1968), «Белорусский вокзал» (1970), «И все-таки я верю» (1974), «Агония» (1974), «Восхождение» (1976), «Сказка странствий» (1982). Многие новации он отрабатывал на кинематографическом материале, а затем применял их в классической музыке, как бы заново переосмысливая. Каждая мелодия была неповторима и передавала глубоко прочувствованную композитором сюжетную линию. Эта музыка была доступна для понимания широкой зрительской аудитории. Становясь частью классического репертуара, она несла в себе новый философский смысл. Такова и замечательная Гоголь-сюита (1981) к спектаклю Театра на Таганке «Ревизская сказка».

Характерная черта А. Шнитке – трагическое мироощущение и сложная текстура музыкальных произведений. Они наполнены яркими экспрессионистскими образами и эмоциональными контрастами. Так в его творчестве отразился код ментальной картины мира, культурной и исторической памяти немецкого и русского народов. Нарастание трагизма очевидно при сравнении ранних и зрелых работ мастера. Дипломная работа (оратория «Нагасаки», 1958), написанная в традиционном стиле, несла в себе гуманистическое начало. Напротив, Concerto Grosso № 1 (1977) – для двух скрипок, клавесина, подготовленного фортепиано и струнного оркестра – пример драматической образности. Показательно, что в отличие от Дж. Кейджа, автора идеи подготовленного фортепиано, здесь оно выступает частью философской драматургии.

Яркую образность Concerto Grosso № 1 придает переплетение музыкальных тем из фильмов «Восхождение» и «Агония». В фильме Л. Шепитько «Восхождение» практически отсутствует музыка. Она здесь играет роль шумового фона, поскольку на экране разверты-

вается библейская трагедия. Для Сотникова, партизана, попавшего в руки полицаев, важнее всего – «жить по совести с самим собой». Поэтому для него нравственный выбор – отказ от предательства товарищей ценой своей жизни. Его путь на Голгофу лежит через физическую смерть, но в момент смерти происходит «восхождение» его духа. Подобно этому, и музыка, стремительно вырываясь из плена хаоса и шума, с помощью мощного трубного звука, дополненного отдаленными колоколами, восходит к небу. Напротив, партизан Рыбак выбирает жизнь, но ценой предательства, получая в свой адрес – Иуда. Если философия фильма строится на антитезе Подвиг – Предательство, то в *Concerto Grosso* она приобретает вселенский масштаб. Здесь сталкивается Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Порядок и Хаос. При этом темное начало (мотив танго, «Агония») вступает в смертельный поединок с рыдающими скрипками, обволакивает их звучание, пытаясь погасить в Хаосе.

А. Шнитке нередко раскрывал негативные сферы через алеаторику (от *лат.* *alea* – игра в кости, случайность). Как пишет М. В. Переверзева, он рассматривал ее как понятие, расширяющее музыкальное пространство и как композиционное и выразительное средство, связанное с хаосом, анти- и декомпозицией. Например, в Первой симфонии (1972) смысловое развитие идет от «антисимфонии» (в первой части – театральные выходы, настройка оркестра) к симфонии в финале [25, с. 23, 24]. Филармонии Москвы и Ленинграда отказались от ее исполнения, и благодаря разрешению Р. Щедрина она прозвучала в Горьком (Нижний Новгород) в 1974 г. Запрет вызвал невиданный ажиотаж. Для сохранения общественного порядка территория Кремля, где проходили репетиции и концерт, была оцеплена милицией, поскольку сюда приезжали на автомобилях даже из Москвы.

Полистилистика, обоснованная А. Шнитке, помогала ему применять различные техники постмодернизма (коллаж, аллюзию и цитирование). В результате, как отмечают исследователи, изменялось музыкально-семантическое пространство и отражение реальности, пропущенные через глубокую рефлексивность автора. Благодаря использованию цитаты в ином концептуальном, культурном и музыкальном контекстах, она наполнялась новым смыслом и содержанием и могла быть иронической, драматической или философской. Полистилистика соединяла классику, джаз, фольклор и рок-музыку. Использование приема «банализации» и «шлягерности» за счет обращения к массовой культуре позволяло показать разрушительную силу зла по отношению к творчеству, духовности и гуманизму [26, с. 89, 90]. Ярким примером подобного рода стала «История доктора Иоганна Фауста» (1983, кантата; 1994, опера) – философский итог творчества мастера.

В период «ретро» и «новой простоты» А. Шнитке обратился к лирико-мелодическим основам, а завершил творческий путь духовными хоровыми произведениями. Среди них – *Der Sonnengesang des Franz von Assisi* (1976), на стихи Ф. Ассизского; Три хора: Богородице Дево радуйся. Господи Иисусе Христе. Отче наш (1984); Концерт для смешанного хора (1984–1985), на стихи Г. Нарекаци (951–1003); Стихи покаянные (1987), на тексты XVI в., к 1000-летию крещения Руси; Пять фрагментов по картинам И. Босха (1994), на тексты Эсхила и Н. Рёзнера, неоконченная кантата.

Музыка А. Г. Шнитке звучала в исполнении выдающихся дирижеров и музыкантов. Среди них – Г. Рождественский, Ю. Башмет, Т. Гринденко, Г. Кремер, Н. Гутман.

Обращаясь к прошлому, известный экономист Р. С. Гринберг отмечает, что с конца 1950-х гг. в стране зарождались предпосылки гражданского общества. Появился широкий

слой интеллигенции (средний класс), для которого был характерен общественный статус, высокий уровень образования, денежных доходов, самостоятельность мышления, высокая самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства. Россия располагала такими центрами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Это обусловило ее обращение к либеральным ценностям во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. [27, с. 57, 58].

Результаты исследования показывают, что музыкальный авангард середины 1950-х – 1980-х гг. в лице его выдающихся композиторов отражает общий срез духовного состояния советского общества. Импульсы «оттепели», сохраняя инерционную динамику развития, действовали до середины 1980-х гг., подготавливая современные процессы. Изучение данного периода требует междисциплинарных подходов и применения современных, в том числе, зарубежных методов исследования. В контексте методологии школы «Анналов» отметим, что неповторимый облик «временной эпохи» складывается под воздействием неравномерности развития различных сфер жизни. Ритмы духовных, культурных процессов могут отставать от процессов социально-экономических и политических, опережать их или иметь разнонаправленный характер. Следовательно, и застойные явления в них проявляются по-разному [17, с. 11]. Это позволяет поставить дискуссионный вопрос о пересмотре политических клише в отношении периода середины 1960-х – 1980-х гг. в СССР как «эпохи застоя», во всяком случае, в духовном развитии.

Заключение. Культура XX в. – это явление переходного типа, связанное с формированием техногенной цивилизации. Модификация классического искусства и становление культуры новой происходит в контексте социокультурной трансформации складывающегося глобального мира. На фоне трагических последствий мировых войн, дегуманизации человеческих взаимосвязей, десакрализации общественной жизни, нарастания глобальных проблем возникает кризис антропоцентризма, гуманизма и европоцентризма. Это заставляет художников в рамках постмодернизма обращаться к религиозному и философскому опыту Востока, к мировому культурному наследию.

Музыкальный авангард – органическая часть многоликой культуры XX в. В нем мистически отразилось предчувствие эпохальных перемен. Его звуковые образы изменили привычный спектр звучания. По словам исследователей, классическая, неклассическая и постмодернистская парадигмы образуют многомерное пространство музыки, в котором в единовременности переплетены законы разновременных эпох и отражены разные стороны звукового опыта, его открытость и неисчерпаемость. Музыка, находясь в русле общечеловеческих процессов, имеет свой, особенный путь, создавая в ситуации смены парадигм и синхронического их существования звуковой образ современной эпохи [28, с. 366].

Полнота этого образа невозможна без отечественного музыкального авангарда. Его характеризовали высокий динамизм, глубокое философское содержание, широкое разнообразие тем, стилей и форм музыкальных произведений, поликультурное многообразие. Представленный целой плеядой выдающихся композиторов и блестящих исполнителей, советский авангард имел гуманистическую направленность и ярко выраженную национальную специфику. Это непреходящее наше национальное духовное достояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батагова Т. Э. О некоторых эстетических аспектах исполнения отечественной вокальной музыки Авангарда – II // Вестн. МГУКИ. 2018. № 3 (83). С. 97–105.
2. Холопов Ю. Н. Новые парадигмы музыкальной эстетики XX в. // Онлайн-библиотека Ю. Н. Холопова. URL: <https://www.holopov.ru/pgdom.html> (дата обращения: 19.10.2019).
3. Петренко Г. К., Шумков А. А. Речь и музыка: точки соприкосновения. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014.
4. Коломиец Г. Г. Смысл и ценность музыки // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4). С. 43–57.
5. Суминова Т. С. Проблема поиска гармонии как системообразующего концепта мироздания // Вестн. МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 26–31.
6. Демченко А. И. Музыкальная космогония // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 2 (13). С. 125–133.
7. Майоров Г. Г. Судьба и дело Бозция // Бозций. «Утешение Философией» и другие трактаты / под ред. Г. Г. Майорова. М., Наука, 1996.
8. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма как феномен техногенной цивилизации // Искусствознание. 2011. № 1–2. С. 188–210.
9. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / Ин-т философии РАН. М., 1994.
10. Степин В. С. Цивилизация и культура / СПбГУП. СПб., 2011.
11. Цареградская Т. В. Пространство жеста в творчестве Дж. Кейджа // Ученые записки Рос. акад. музыки им. Гнесиных. 2016. № 2 (17). С. 19–42.
12. Сухонослова С. В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. 2012. № 2. С. 29–34.
13. Мурейко Л. М., Бахтин М. В. Постмодерн: через разрушение «структуры» – к выявлению элементарных актов мышления // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер.: Философские науки. 2014. № 4. С. 51–64.
14. Поспелова Н. И. Интеллектуально-игровые аспекты музыкального творчества // Вестн. ВятГУ. 2007. № 17. С. 55–58.
15. Тарасов А. Н. Постструктурализм как философская основа художественной культуры постмодернизма // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 34 (74): Аспирантские тетради. Ч. 1. С. 478–483.
16. Тарасов А. Н. Социокультурная трансформация: постмодернизм. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2014.
17. Андреева О. В. Советская культура второй пол. 1960-х – первой пол. 1980-х гг.: «застой» или духовная зрелость общества? // National cultures in social space and time: materials of the VI international scientific conference: сб. тр. конф., Прага, 01–02 марта 2019 г. / Baku State Univ. Баку, 2019. С. 8–17.
18. Окунева Е. Лики зеркальности в «Сюите зеркал» А. Волконского // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2010. № 6 (24). С. 1–13.
19. Зайдель Н. Андрей Волконский, друзья, судьбы. Сетевой портал «Заметки по еврейской истории». URL: <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer5/Zajdel1.php> (accessed 19.10.2019).
20. Шекалов В. А. Возрождение клавесина в России во второй половине XX века // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9, № 46. С. 118–127.
21. Дубинец Е. А. Князь Андрей Волконский. Партитура жизни. М.: Риппол-Классик, 2010.
22. Сеидова Г. Н. Искусство мугама в традиционной культуре мусульман-шиитов // Вопр. культурологии. 2010. № 7. С. 97–102.
23. Зенкин К. В. Андрей Волконский: между авангардом и традицией, между Востоком и Западом // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2009. № 4 (17). С. 1–6.
24. Андреева О. В. Музыка А. Шнитке в межкультурном пространстве // Актуальные проблемы языкознания. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 136–143.

25. Переверзева М. В. Алеаторика как принцип композиции: автореф. дис. ... д-ра искусствовед. / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 2015.

26. Ануфриева Н. И., Аврамкова И. С. Влияние культуры Западной Европы на отечественное музыкальное искусство XX века в контексте межкультурной коммуникации // Учен. записки Рос. гос. соц. ун-та. 2018. Т. 17, № 3 (148). С. 85–93.

27. Гринберг Р. С. Невыученные уроки // Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. С. 56–63.

28. Сиднева Т. Б. Музыка в ситуации смены мировоззренческих парадигм // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 361–366.

Информация об авторе.

Андреева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры истории культуры государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 22 научных публикаций. Сфера научных интересов: история России, культурология, история мировой культуры, зарубежная культура XX в., советская культура, религиоведение. E-mail: osa3f@mail.ru

REFERENCES

1. Batagova, T.E. (2018), "On some aspects of the performance of Russian vocal music of the Avant-garde II", *Bulletin of Moscow state University of culture and arts*, no. 3 (83). pp. 97–105.

2. Kholopov, Y.N. (2011), "New paradigms of musical esthetics of 20th century", available at: <https://www.holopov.ru/pgdom.html> (accessed 19.10.2019).

3. Petrenko, G.K. and Shumkov, A.A. (2014), *Rech' i muzyka: tochki soprikosnoveniya* [Language and music: touch points], ETU Publishing House, SPb, RUS.

4. Kolomiets, G.G. (2010), "Sense and value of music", *Tsennosti i Smysly* [Values and meanings], no. 1 (4), pp. 43–57.

5. Suminova, T.S. (2012), "Problem of searching for the harmony as a system – concept of creation", *Bulletin of Moscow state University of culture and arts*, no. 6 (50), pp. 26–31.

6. Demchenko, A.I. (2013), "Music cosmogony", *Problemy Muzykal'noj Nauki*, [Music Scholarship], no. 2 (13), pp. 125–133.

7. Maiorov, G.G. (1996), "Fate and work of Boethius", *Boetsii. «Uteshenie Filosofiei» i drugie traktaty* [Boethius. Consolation of Philosophy and other tractates], in Maiorov, G.G. (ed.), Nauka, Moscow, RUS.

8. Bychkov, V.V. and Man'kovskaya, N.B. (2011), "Postmodern Aesthetics as Phenomena of Technocratic Civilization", *Art Studies Magazine*, no. 1–2, pp. 188–210.

9. Stepin, V.S. and Kuznetsova, L.F. (1994), *Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii* [Scientific worldview in the culture of technocratic civilization], RAS Institut of Philosophy, Moscow, RUS.

10. Stepin, V.S. (2011), *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture], Univ. of the Humanities and Social Sciences, SPb, RUS.

11. Tsaregradskaya, T.V. (2016), "The space of the Gestures in the Work of John Cage", *Russian Gnesins Academy of Music*, no. 2 (17), pp. 19–42.

12. Sukhonosova, S.V. (2012), "The theory of frames: the opportunities to study of everyday life", *Chelovek v Mire Kul'tury* [Man in the world of culture], no. 2, pp. 29–34.

13. Mureyko, L. and Bakhtin, M. (2014), "Postmodernism: from destruction of "structure" to identification of elementary thinking acts", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State regional university. Series: philosophical sciences], no. 4, pp. 51–64.

14. Pospelova, N.I. (2007), "Intellectual and playing aspect of musical creation", *Herald of Vyatka State University*, no. 17, p. 55–58.

15. Tarasov, A.N. (2008), "Poststructuralism as a philosophical basis of art culture of postmodernism", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 34 (74), pt. 1, pp. 478–483.
16. Tarasov, A.N. (2014), *Sotsiokul'turnaya transformatsiya: postmodernizm* [Socio-cultural transformation: postmodernism], Izdatel'stvo Pershina R.V., Tambov, RUS.
17. Andreeva, O.V. (2019), "The Soviet culture of the second half of 1960-s and the first half of 1980-s: stagnation or a society cultural maturity?", *National cultures in social space and time: materials of the VI international scientific conference*, Prague, CZE, March 01–02, 2019, pp. 8–17.
18. Okuneva, E. (2010), "Images of specularity in the "Suite of mirrors" by A. Volkonsky", *Israel XXI. Music magazine*, no. 6 (24), pp. 1–4.
19. Zaidel', N. (2009), "Andrey Volkonsky, friends, fates", *Zametki po evreiskoi istorii* [Notes about Jewish culture], available at: <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer5/Zajdel1.php> (accessed 19.10.2019).
20. Shekalov, V.A. (2007), "The harpsichord revival in Russia in the second half of XX century", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, vol. 9, no. 46, pp. 118–127.
21. Dubinets, E.A. (2010), *Knyaz' Andrei Volkonskii. Partitura zhizni* [Prince Andrey Volkonsky. Score of life], RIPOL Klassik, Moscow, RUS.
22. Seidova, G.N., (2010), "Mugam Art in the Traditional Culture of Muslim Shiits", *Voprosy Kul'turologii*, [Culturology issues], no. 7, pp. 97–102.
23. Zenkin, K. (2009), "Andrey Volkonsky: between avant garde and tradition, between the East and the West", *Israel XXI. Music magazine*, no. 4 (17). pp. 1–6.
24. Andreeva, O.V. (2019), "The music of A. Schnittke in intercultural space", *Actual problems of linguistics*, ETU Publishing House, SPb, RUS, pp. 136–143.
25. Pereverzeva, M.V. (2015), "Aleatory composition as one of the principles of composition", Dr. Sci. (Art history) Thesis, Moscow Conservatory, Moscow, RUS.
26. Anufrieva, N.I. and Avramkova, I.S. (2018), "Influence of culture of the West Europe on Russian musical art of 20th century in the context of intercultural communication", *Uchenye zapiski RGSU* [Scientific notes of Russian State Social University], vol. 17, no. 3 (148), pp. 85–93.
27. Grinberg, R.S. (2009), "Unlearned lessons", *Dialog of cultures and partnership of civilizations. International scientific readings by Likhachev*, SPb, SPbGUP Publishing House, RUS, pp. 56–63.
28. Sidneva, T.B. (2011), "Music in the context of changes worldview paradigms", *Bulletin of Nizhny Novgorod University*, no. 3 (1). pp. 361–366.

Information about the author.

Olga V. Andreeva – Senior Lecturer at the Department of the History of Culture of State and Law, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 22 scientific publications. Area of expertise: history of Russia, culturology, history of world culture, foreign culture of the 20th century, Soviet culture, science of religions. Email: osa3f@mail.ru

Идеологический ракурс современной конфликтной реальности в закрытом обществе: северокорейский кейс

Б. В. Кабылинский✉

*Институт политических исследований, Белград, Сербия
Тайский королевский университет NIDA, Бангкок, Таиланд*

✉boris_kabylinskiy@mail.ru

Введение. Социально-философские исследования закономерностей конфликтного бытия в современном дискурсе нуждаются в прояснении с позиций онтологии. Анализа конфликтной специфики закрытого общества в идеологическом ракурсе позволяет обнаружить онтологические основы я-в-конфликтности. С целью эмпирического подкрепления конфликтных исследований взаимосвязь конфликта и идеологии необходимо рассматривать на примере конкретных кейсов. Северокорейские социокультурные реалии относятся к наиболее наглядным формам закрытого общества в современном дискурсе и предоставляют широкие возможности для постижения конфликтной реальности, моделируемой идеологическими инструментами воздействия на массовое сознание.

Методология и источники. Методологически работа базируется на социально-философской рефлексии по итогам непосредственных наблюдений в Северной Корее в ходе визита в Пхеньян осенью 2016 г. и контент-анализе литературы на русском языке, приобретенной в Северной Корее (труды Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, фундаментальные научные работы северокорейских ученых и периодические издания идеологического характера).

Результаты и обсуждение. Идеология понимается как многообразие транслируемых субъекту взглядов и идей с целью переориентации или удержания его восприятия в определенном модусе социокультурной реальности. Идеологическое программирование субъекта в современном дискурсе претендует на лидирующие позиции в сфере моделирования социокультурного бытия в целом и, в частности, кластера «конфликтная реальность». Автор анализирует идеологические основы северокорейской конфликтной реальности, заложенные основателем государства Ким Ир Сеном и продолженные его наследником Ким Чен Иром в военизированной доктрине сонгун.

Заключение. На основании исследования идеологических аспектов конфликтной реальности в КНДР можно сделать вывод о том, что в закрытом обществе проводится устранение онтологической границы между реальным и кажущимся в повседневном бытии. В то же самое время общество закрытого типа с военизированной идеологией соответствует критериям благополучного развития для страны третьего мира, зафиксированным в глобалистской догматике.

Ключевые слова: конфликтное бытие, идеология, дискурс, закрытое общество.

Для цитирования: Кабылинский Б. В. Идеологический ракурс современной конфликтной реальности в закрытом обществе: северокорейский кейс // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 38–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-38-48

© Кабылинский Б. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 06.12.2019; принята после рецензирования 26.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

The Ideological Perspective of Modern Conflict Reality in a Closed Society: the North Korean Case

Boris V. Kabylinskiy✉

Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia

National Institute of Development Administration, Bangkok, Thailand

✉boris_kabylinskiy@mail.ru

Introduction. Socio-philosophical studies of the patterns of conflict being in modern discourse need to be clarified from the point of ontology. The analysis of the conflict specifics of a closed society in an ideological perspective allows us to discover the ontological foundations of self-conflict. In order to empirically reinforce conflict research, the relationship of conflict and ideology should be considered on the basis of specific cases. North Korean sociocultural realities are among the most visible forms of a closed society in modern discourse and provide ample opportunity to comprehend the conflicting reality modeled by ideological tools of influencing the mass consciousness.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on social and philosophical reflection based on direct observations in North Korea during a visit to Pyongyang in the autumn of 2016 and a content analysis of Russian literature acquired in North Korea (works by Kim Il Sung and Kim Jong Il, fundamental scientific works by North Korean scientists and periodicals of an ideological nature).

Results and discussion. Ideology is understood as a variety of views and ideas transmitted to the subject with the goal of reorienting or keeping his perception in a certain mode of sociocultural reality. The subject's ideological programming in modern discourse claims to be a leader in the field of modeling sociocultural life in general and, in particular, the "conflict reality" cluster. The author analyzes the ideological foundations of North Korean conflict reality, laid down by the founder of the state, Kim Il Sung, and continued by his heir Kim Jong Il in the militarized Songun doctrine.

Conclusion. On the base of study of the ideological aspects of conflict reality in the DPRK, it can be concluded that in a closed society, the ontological boundary between the real and the apparent in everyday life is eliminated. At the same time, a closed society with a paramilitary ideology meets the criteria for a successful development for a third world country, as embodied in globalist dogma.

Key words: conflict being, ideology, discourse, closed society.

For citation: Kabylinskiy B. V. The Ideological Perspective of Modern Conflict Reality in a Closed Society: the North Korean Case. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 38–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-38-48 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.12.2019; adopted after review 26.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. Алгоритмы целенаправленного манипуляторного воздействия на массовое сознание присутствуют в историческом развитии в настоящее время и обнаруживаются в каждой эпистеме. В социально-философском ракурсе идеология может быть определена как многообразие транслируемых субъекту взглядов и идей с целью переориентации или

удержания его восприятия в определенном модусе социокультурной реальности. При этом идеология всегда отражает актуальную мировоззренческую установку Я и Другого, но здесь не идет речь о частных убеждениях, а подразумевается система взглядов, навязываемая Еgo в качестве правильной жизненной установки и соответствующих ориентиров. Соответственно, идеологическое программирование субъекта в современном дискурсе претендует на лидирующие позиции в сфере моделирования социокультурного бытия в целом и кластера «конфликтная реальность» в частности.

В современной эпистемологической сетке знания о механизмах идеологического воздействия на индивидуальную волю превалируют элементы, содержащие информацию о системе представлений и убеждений, сформированной под влиянием всемирной экспансии глобалистской культуры. Эпоха глобализации провозгласила в качестве приоритетной задачи борьбу за выравнивание уровня жизни по всему миру и уменьшение разрыва между доходами населения в развитых и развивающихся странах, поэтому идеологи стремятся убедить широкие слои населения в том, что экономический кризис и сопутствующие угрозы могут привести к разрушению сложившегося мирового порядка. Идеологическая маскировка истинной природы вещей применяется на практике для того, чтобы переключить общественное внимание на альтернативные раздражители, отвлекающие политическое большинство от нежелательного возмущения после осознания широкими социальными массами невозможности влиять на решения, принимаемые политическими элитами.

Контрадикторность идеологии в эпоху глобализации состоит, например, в том, что провозглашенное стремление к экономическому равенству в мировом масштабе необязательно предполагает, что после наступления золотого века человечества каждый индивид получит свободный доступ к источнику процветания и изобилия. Приходится констатировать, что принятие курса на глобальную экономику не способствовало устранению проблемы неравенства в значимом социальном масштабе. Для минимизации негативных последствий перераспределения трудовых задач, т. е. фактически сохранения проблемы социального неравенства, глобалистская идеология предлагает корректирующее внедрение таких практических мер, как использование потенциала внутренних ресурсов страны и ограничение внешнего манипулятивного воздействия инвесторского капитала. Примечательно, что аналогичные мировоззренческие установки содержатся в конфликтных идеологических паттернах закрытого общества. Например, доктрина, утверждающая приоритет опоры на собственные силы, выражает национальную идею Северной Кореи, фактически изолированной от внешних инвестиций хотя и не по доброй воле, а вследствие принятых США и в целом поддержанных международным сообществом мер санкционного характера. В связи с этим исследование идеологического ракурса современной конфликтной реальности в закрытом обществе (в интерпретации термина, предложенной К. Поппером) представляет гносеологический интерес как своеобразное бытие наизнанку глобального дискурса.

Методология и источники. Философское постижение сущности идеологии в северокорейском обществе затрудняется существенной ограниченностью доступа к научной литературе по данному вопросу. Кроме того, северокорейский имидж скандалиста и возмутителя спокойствия на мировой геополитической арене затрудняет беспристрастную рефлексию при попытке объективного оценивания реальных процессов в северокорейской политике и обществе. С целью выработки максимально научного подхода к анализу северо-

корейского идеологического конфликтного паттерна автор использовал метод наблюдения в ходе визита в Пхеньян осенью 2016 г. и контент-анализ литературы на русском языке, приобретенной в Северной Корее (труды Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, фундаментальные научные работы северокорейских ученых и периодические издания идеологического характера). Безусловно, содержание доступных иностранцу в КНДР печатных материалов предельно цензурировано, а маршрут перемещения по стране продуман таким образом, чтобы у визитера сформировалось максимально благоприятное впечатление от поездки в Северную Корею. Несмотря на эти обстоятельства, автор полагает, что следование библейскому принципу «имеющий глаза да видит, имеющий уши да слышит» является достаточным для формирования определенного представления о принципах идеологического программирования конфликтного сознания среднестатистического гражданина КНДР.

Результаты и обсуждение. Изложение результатов исследования целесообразно начать с уточнения сущностных аспектов идеологии в КНДР. Вопреки распространенному убеждению, северокорейский конфликтный дискурс не является марксистским в содержательном плане. Точнее, реалии конфликта являются таковыми по сути, но современные северокорейские толкователи трудов Ким Чен Ира и Ким Ир Сена неукоснительно выводят идею о том, что идеология чучхе по существу относится к независимому теоретическому учению. Слово «чу» означает в корейском языке «хозяин», а «чхе» переводится как «природа, тело» [1, с. 121–134]. Получается, что человек является хозяином своего тела, природы и окружающего мира. Впервые идеи чучхе были публично озвучены на совещании в городе Калунь в уезде Чанчунь Китайской провинции Гирич, проходившем с 30 июня по 2 июля 1930 г., где Ким Ир Сен выступил с докладом «Путь корейской революции». Именно Калуньское совещание считается исторической точкой отсчета для идей чучхе. Основополагающее начало чучхе, сформулированное Ким Ир Сеном, гласит: хозяевами в революционной борьбе являются народные массы, и революция может победить, когда на участие в ней мобилизуются широкие общественные слои. Согласно основным требованиям идей чучхе, все вопросы революции нужно решить силами ее творцов, т. е. корейского народа, в соответствии с конкретными экономическими и социальными условиями, а также на самостоятельных и творческих началах. В корейской литературе приводится значительное количество отличий идеологии чучхе от марксизма, но основное отличие сводится к тому, что движущая сила революции не рабочий класс, а вооруженные силы, и акценты в целом смещены с интернационализма в сторону построения социализма в отдельно взятой стране.

В центре идеологии чучхе размещена фигура великого вождя товарища Ким Ир Сена. День рождения вождя празднуется в стране как день Солнца. Современный календарь в Северной Корее отсчитывается с года рождения Ким Ир Сена. В честь его дня рождения был воздвигнут циклопический обелиск идей чучхе напротив центральной площади Пхеньяна, названной в честь Ким Ир Сена. После смерти великого вождя в КНДР был объявлен траур на три года. Даже после смерти Ким Ир Сен сохранил за собой пост вечного президента. Примеры культа личности в стране выстраиваются в бесконечную вереницу нонсенсов, хотя и типичных в целом для тоталитарного общества XX в. По нашему мнению, необычность этого культа вождя состоит в том, что в Северной Корее сформировался специфический тип правления, напоминающий наследственную монархию. Действительно, ни один диктатор не сумел в новейшей истории передать страну и власть сыну, а тот

впоследствии – третьему прямому потомку рода по мужской линии. Поэтому неудивительно, что культ личности в Северной Корее распространяется и на Ким Чен Ира, увековеченного рядом с отцом в монументах и народной памяти. Вожди в Северной Корее как будто вездесущие, они везде: улыбаются с плакатов, напоминают о себе памятными знаками и фотографиями в отелях, ресторанах, пионерских лагерях. Каждый кореец обязан носить на пиджаке, френче и другой официальной одежде нагрудные значки с изображением вождей. В каждом доме висят портреты любимых вождей. Примечательно, что у каждого корейца есть небольшие цитатники с изречениями вождей на все случаи жизни. Например, Ким Чен Ир оставил потомкам универсальный нравственный ориентир по вопросам верности, убеждения и воли, науки и физкультуры.

Приведем некоторые цитаты из сборника изречений Ким Чен Ира:

1. Преданность партии и вождю должна стать честью, совестью, долгом и делом практики, прежде чем быть обязанностью.

2. Вера в величие своего вождя, своей партии, вера в свой народ, в самого себя – это источник силы и страсти, это, можно сказать, краеугольный камень революционного оптимизма.

3. Взгляд и подход к науке и технике есть взгляд и подход к революции. Пренебрегать наукой и техникой все равно что отказаться от революции.

4. Крепкое физическое здоровье – источник юношеского задора и жизнедеятельности молодых, гарантия созидательного труда и героической борьбы [2, с. 35–36].

Северокорейская идеология сопровождает гражданина КНДР в течение всей жизни и использует наглядные агитационные материалы, а также радиовещание, телевидение, даже Интернет северокорейского образца. Особенно запомнился автору статьи легендарный журнал «Корея», заботливо врученный каждому пассажиру рейса Владивосток–Пхеньян. Чтобы сохранить журнал на память, его пришлось аккуратно сложить пополам, следствием чего явилась неприятная беседа при прохождении пограничного контроля, ведь портреты вождей нельзя складывать. Впрочем, изображения вождей также нельзя фотографировать, обрезая картинку, и недопустимо показывать на портреты и статуи пальцем, а можно только указывать рукой в соответствующем направлении.

Постепенно в центре внимания идеологической машины КНДР оказывается нынешний глава государства Ким Чен Ын. Воспевание немеркнущих свершений великого Ким Ир Сена и великого Ким Чен Ира органично дополняется выражениями пламенного, глубокого чувства почтения людей к юному вождю. В настоящее время северные корейцы именуют Ким Чен Ына уважаемым маршалом, но еще придет время для более пышных титулов, а пока что в Музее подарков трудящихся великим вождям надстроен третий этаж для демонстрации подношений внуку Ким Ир Сена. Среди экспонатов есть точная копия ракеты, которая вывела на орбиту Земли искусственный спутник «Кванмёнсон», и маленькие фигурки игроков НБА, подаренные лидеру американским баскетболистом Родманом. В идеологической программе, создающей культ личности Ким Чен Ына, его страсти к космосу и баскетболу отведено почетное место. Ким Чен Ын стал первооткрывателем космоса на Олимпе политической власти в КНДР и принял американского гостя с визитом дружбы, значит, в соответствии с идеологической парадигмой не за горами и строительство экономической державы, могучего и процветающего государства.

Идеология КНДР утверждает образ молодого вождя, занимающего пост первого секретаря Трудовой партии Кореи, в качестве центрального элемента в сфере партийного строительства. В последнее время ключевые задачи развития Трудовой партии закреплены за партийными ячейками. Партийные ячейки должны изжить бюрократические пережитки и выработать у руководящих работников, а также рядовых членов партии благородное отношение к народному хозяйству. Ким Чен Ын вслед за отцом и дедом вникает во все вопросы экономики, устройства армии и общественной жизни страны. Примечательно, что о визите вождя на производство в газетах КНДР обычно сообщается примерно следующее: «Товарищ Ким Чен Ын посетил молодежное химическое объединение. Он, довольный увиденным, сказал, что сельскохозяйственный фронт в социалистическом экономическом строительстве – главное направление приложения усилий, арсенал, снабжающий сельскохозяйственный фронт социализма боеприпасами. Надо больше выпускать удобрений, продолжал он, чтобы наша страна стала страной с излишками риса. И он узнавал, какие выдвигаются вопросы в увеличении объема выпуска удобрений, и помог работникам в решении наболевших вопросов» [3, с. 14].

Необходимо подчеркнуть, что тоталитарная идеология КНДР призвана подкреплять и оправдывать милитаристский способ государственного устройства. Очевидно, что в качестве верховного главнокомандующего уважаемый маршал Ким Чен Ын постоянно намечает новые задачи по более полному, безупречному усовершенствованию боеготовности, как того требует сложившаяся ситуация. Не забывает молодой вождь и о сохранении памяти народа о великих делах минувших дней. При Ким Чен Ыне воздвигнут новый величественный музей Победы в Отечественной освободительной войне, открываются монументы вождей и памятники героям революции по всей стране. Пристальное внимание юного маршала к этим вопросам продиктовано тем, что военная сила Северной Кореи отражается в идеологическом паттерне как наиболее могущественная в мире. Например, при описании хроники гражданской войны 50-х гг. в Корее историки КНДР придерживаются следующей позиции: «американские захватчики потерпели непоправимое военно-политическое поражение»; «война обрекла американских генералов-убийц на гибель и позор»; «в мае 1951 г. правящие круги США, страдавшие от нехватки войск, просили своих сателлитов отправить еще больше наемников на корейский фронт»; «американские войска потерпели крупнейшее поражение в истории сухопутных войск США». Только после того, как «США стянули в Корею силы большинства своих сухопутных, военно-морских и вооруженных сил и привлекли в Корею силы 15 стран-сателлитов, Народной Армии КНДР пришлось совершить стратегический отход за 38 параллель» [4, с. 18–22]. Северокорейская идеология активно внушает гражданам глубокое убеждение в том, что война под руководством непобедимого стального полководца Ким Ир Сена завершилась победой над империалистами. Эта «победа» породила шаткое равновесие, сохраняющееся на Корейском полуострове по сей день. С тех пор уже несколько поколений северных корейцев вынуждены жить в состоянии постоянной готовности к войне. Для того чтобы глубже понять сущность конфликтных аспектов сознания граждан Северной Кореи, сформированных идеологией, следует раскрыть основные принципы современной военной доктрины КНДР.

Достоверной информации о политике сонгун в отечественных печатных научных исследованиях, а также в информационном электронном дискурсе крайне немного. В связи

с этим уместно строго следовать первоисточнику, т. е. произведениям Ким Чен Ира, чтобы представить идеологический конфликтный паттерн в максимальном приближении к его восприятию рядовыми гражданами КНДР в северокорейском дискурсе.

Каждому гражданину Северной Кореи известно, что родная страна – твердыня социализма на Востоке. Основа идеологического паттерна в КНДР сформирована в соответствии с принципами политики сонгун. По мысли Ким Чен Ира, сформулировавшего милитаристскую доктрину, военное дело является важнейшим государственным приоритетом и определяет армию как главную движущую силу истории. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в идеологическом паттерне зафиксировано, что политика сонгун – вынужденная мера, навязанная КНДР враждебными силами. Во-вторых, политика сонгун в системе мировоззренческих установок граждан Северной Кореи считается демократическим способом ведения политики при социализме и никогда не именуется военной диктатурой, т. е. антинародным, фашистским способом ведения политики при кризисе капитализма. В-третьих, политика сонгун руководствуется идеями чучхе о самостоятельности народных масс, страны и нации.

Несмотря на то, что политика сонгун утвердилась в идеологическом паттерне около 10 лет назад, официальная пропаганда заявляет, что отдача приоритета военному делу и оружию укоренена в корейской традиции. Вследствие идеологической обработки население страны вынужденно усваивает идею о том, что самосознание корейского народа накрепко запомнило беды, постигшие страну в первой половине XX в. после утраты суверенитета и оккупации японскими империалистами впервые и единственный раз за историю нации. В связи с этим идеология учит тому, что эталоном общественного и политического устройства для северных корейцев должно стать древнее государство Когурё, в котором царил дух постоянной военной подготовки. Примечательно, что основатель царства Когурё спустился с вершины священной горы Пэктусан, у подножия которой много веков спустя родился Ким Чен Ир. Итак, идеологический паттерн в КНДР насыщен идеями мифической преемственности силы великого вождя и проявляется в социокультурном бытии с целью напомнить корейцам, что трагедия утраты независимости не просто горький урок, а назидание потомкам о том, что только оружие и военная сила гарантируют суверенитет страны.

По официальной идеологии КНДР революционная борьба против японских захватчиков под руководством будущего великого вождя Северной Кореи Ким Ир Сена проходила под лозунгом «Революционным насилием ответим на контрреволюционное насилие!» [5, с. 3]. С целью свержения японского империализма и решения задачи по освобождению Кореи путь вооруженной борьбы был утвержден Ким Ир Сеном как приоритетный в стремлении к независимости. Именно тогда было сформировано ядро идей сонгун, суть которого в том, что в революционной борьбе народных масс против империализма нужно придать важнейшее значение силе оружия, и для завоевания победы в революционной борьбе следует вооружить народные массы, чтобы водрузить знамя революции над всей страной. Впоследствии из вооруженных партизан Ким Ир Сена была создана Корейская народная армия, главная сила продвижения современной политики сонгун. Идеологическая доктрина деликатно обозначает, что партия и государство были созданы Ким Ир Сеном позже, вследствие готовности выковывать собственные вооруженные силы и при опоре на них прокладывать путь к решению судьбы страны и нации.

После обретения независимости Кореи в августе 1945 г. страна вновь оказалась, по мысли официальной идеологии, перед лицом внешней угрозы со стороны американской военщины. С целью разоружения японских войск уже в сентябре 1945 г. юг Кореи был оккупирован американскими войсками, и произошло разделение страны по 38-й параллели, сохраняющееся по сей день. Антикоммунистический настрой и американская пропаганда на юге страны с целью искоренения социализма на севере побудили Ким Ир Сена развивать оборонную промышленность и обеспечивать опережающее создание отечественной оружейной промышленности и регулярных вооруженных сил. Мудрое руководство Ким Ир Сена и героизм Корейской народной армии привели спустя три года к поражению американского агрессора, развязавшего войну в 1950 г. Досадное поражение спровоцировало американских военных разместить на юге Кореи к 1990 г. более одной ракеты на 100 кв. км. Разумеется, все эти годы мудрый Ким Ир Сен укреплял обороноспособность, и упомянутая генеральная линия с приоритетом на военном деле десятки лет неукоснительно претворялась в жизнь. В этой интерпретации ядро идей сонгун транслируется в виде идеологического паттерна государственными институтами на все уровни повседневного социального бытия.

В соответствии с доктриной северокорейской идеологии, Ким Чен Ир еще при жизни отца определил, что роль армии состоит не только в защите рубежей страны, но и в подготовке революционных сил и ускорении строительства социализма в соответствии с лозунгом «Партия решит – мы сделаем!». Тем не менее эта политика не называлась «сонгун» до середины 1990-х гг. Только в конце XX в. окончательно утвердилась система управления государством с ее стержнем – Государственным Комитетом Обороны (ГКО). Официальная доктрина Северной Кореи свидетельствует о том, что КНДР фактически осталась последним оплотом социализма на востоке, так как после распада СССР американская военщина обрела бесконтрольную мощь мирового гегемона и стала разжигать пожар войны в государствах, попавших в сферу интереса заокеанских империалистов. Тогда же в отношении КНДР была введена экономическая блокада и наступили так называемые годы «Трудного похода», но даже в это время Ким Чен Ир продолжал считать, что преодолевать трудности необходимо не на стезе хозяйственного строительства, а укрепляя обороноспособность страны. Участь, постигшая Балканы, Ирак, Афганистан, Ливию, укрепила северных корейцев в мысли о том, как важно для современной страны уметь защищать и отстаивать суверенные интересы с оружием в руках. По воле великого руководителя политика сонгун стала стратегией, целью которой по сей день является защита социализма корейского образца в условиях существования империализма на Земле. Иными словами, сонгун в идеологическом конфликтном паттерне КНДР – это всерьез и надолго, как сказал некогда классик революционной теории по схожему поводу.

Сущностные идеологические аспекты политики сонгун сводятся к тому, что суверенитет страны и нации гарантируется обороноспособностью, т. е. подразумевается ежеминутная готовность Народной Армии вступить в вооруженный конфликт с внешним агрессором. По этой причине верховный главнокомандующий Корейской Народной Армии Ким Чен Ир осуществил подавляющее большинство своих рабочих поездок в войсковые части, превратив инспекционные визиты вождя в неотъемлемый элемент политики сонгун. По сей день армия остается идеологизированной и политизированной волей партии и вождя. В соответствии с доктриной сонгун любая страна, пусть даже и малая, определив военное дело

в качестве важнейшего государственного приоритета, может располагать такими военными силами, которые вполне способны противостоять крупным полчищам противника. При этом Народная Армия – надежная опора власти и главная движущая сила в стране. Ким Чен Ир определил военных, а не рабочий класс в качестве движущей силы революции за такие качества, как боевитость и организованность. Важно подчеркнуть, что северокорейская идеология призывает широкие массы брать пример с народноармейцев, сливаясь с ними в одну могучую политическую силу. Кстати сказать, провозглашение политики сонгун неспроста совпало с кончиной Ким Ир Сена. Именно военные стали той силой, на которую мог опереться новый лидер, нацелившийся занять место отца на вершине пирамиды абсолютной власти. Расчет оказался точным, и Ким Ир Сен был утвержден в качестве вечного президента КНДР, а фактическим главой страны до конца своей жизни оставался глава Государственного Комитета Обороны Ким Чен Ир. С тех пор идеология Северной Кореи и политика сонгун стали понятиями, близкими к синонимам. Председатель ГКО КНДР является главой государства и занимает высшую служебную должность, направляет и контролирует в совокупности все вопросы политики, военного дела и экономики, организует и ориентирует защиту государственной системы, укрепление и развитие обороноспособности страны в стремлении к тому дню, когда корейская нация вновь станет единой.

Сущность идеологии в Северной Корее указывает на *de facto* закрытое общество, утратившее связь с реальностью и способность воспринимать контрадикторность искусственно прививаемого конфликтного архетипа, не выдерживающего объективной проверки на соответствие между идеологически конструируемой в массовом сознании реальностью и наличествующим бытием. Подтверждения справедливости такой оценки можно почерпнуть в ходе наблюдения за научной деятельностью и сельским хозяйством. Уровень развития науки в Северной Корее невозможно определить в ходе туристического визита, но опыт работы в российских университетах в качестве преподавателя и административного работника позволяет автору сделать некоторые выводы по итогам посещения Аграрного университета в северокорейском городе Вонсан, позиционируемого официальной идеологией в качестве лучшего сельскохозяйственного высшего учебного заведения в стране. В 1948 г. по личной инициативе Ким Ир Сена 16 преподавателей начали обучение первых 300 студентов в этом храме северокорейской науки. По официальной версии, в настоящее время обучение проходят 3000 студентов под чутким руководством 450 преподавателей, т. е. на одного лектора приходится 15 студентов. По статистике, 99 % студентов завершают обучение с красным дипломом [6, с. 52]. Туристам демонстрируют одну лекционную аудиторию с проектором и компьютерной техникой, и лично декан провожает гостей к циклопической теплице стоимостью 200 000 евро, подаренной университету лично Ким Чен Иром. Стоит заметить, что Аграрный университет расположен в центре большой парковой территории и претендует на соответствие реального кажущемуся, если бы не одно обстоятельство, к которому мы обязательно вернемся после краткой характеристики образца сельского хозяйства в КНДР, продемонстрированного автору принимающей стороной.

Вполне очевидно, что КНДР по уровню развития относится к аграрным странам с крайне неблагоприятным географическим положением. 80 % территории страны занимает горный ландшафт, непригодный для ведения сельского хозяйства. Эффективное ведение сельского хозяйства на плодородных землях относится к вопросам выживания нации.

За пределами Северной Кореи в средствах массовой информации интенсивно артикулируется тема голодания и недоедания среди населения КНДР, поэтому каждого туриста активно стараются в этом разуверить. Во-первых, гостей кормят три раза в день максимально обильно. Во-вторых, при наличии времени иностранцы посещают образцово-показательный сельскохозяйственный кооператив. Действительно, в городе Вонсан расположено прекрасное фермерское хозяйство, где хурма плодоносит в количествах, достаточных даже для экспорта, а сушеный рис выложен напоказ, и рабочие не стесняются ходить по нему. Ощущение от визита меняется с положительного на диаметрально противоположное после знакомства с фермерами, хозяйствующими в кооперативе. Свинья, которую содержат ударники труда, такая исхудавшая, что неприглядная реальность сельского быта немедленно выглядывает из-под образцового фасада, потому что возникает когнитивный диссонанс с фотографией из музея Аграрного института, демонстрирующего достоинства породы свиней, выведенных северокорейскими учеными-аграриями и достигающих веса 300 кг. В реальности таких свиноматок нет даже в лучшем сельскохозяйственном кооперативе страны, а есть только изголодавшийся костлявый поросенок, символически представляющий унылую пародию на свиноводческое достижение из музея лучшего сельскохозяйственного вуза страны. Наблюдение приводит к аналогичным выводам и на основании других факторов: северокорейские рабочие даже в Пхеньяне используют ручные тележки; в Аграрном университете не замечено ни одного студента или преподавателя, на работу пришли только гиды и декан; даже турист ни разу не вкушает говядины за время пребывания в КНДР; в стране нет полных людей; непонятно где работают тысячи выпускников аграрного вуза, если почти вся территория страны покрыта горами. Итак, идеологические мистификации и преувеличения являются обыденностью для северокорейского конфликтного дискурса.

Таким образом, научные результаты проведенного исследования содержат анализ идеологического ракурса конфликтности в закрытом обществе на примере северокорейского кейса. На основании проведенной аналитики конфликтных реалий северокорейского государства мы утверждаем, что основная форма социокультурного бытия в КНДР, моделируемая с помощью идеологического инструментария, в онтологическом смысле указывает на несовпадение кажущегося и реального.

Заключение. На основании исследования идеологических аспектов конфликтной реальности в КНДР можно сделать вывод о том, что в закрытом обществе проводится устранение онтологической границы между реальным и кажущимся в повседневном бытии. В то же самое время общество закрытого типа с военизированной идеологией соответствует критериям благополучного развития для страны третьего мира, зафиксированным в глобалистской догматике. Аналитика закрытого общества как бытия наизнанку современной глобальной культуры указывает на то, что в современной идеологии присутствует существенный потенциал для формирования дисперсного мировоззрения, подверженного разрушительному внешнему негативному воздействию, нацеленному на дестабилизацию демократических аксиологических установок и принципов организации социально-политического устройства. Иными словами, к глобализации и ее повсеместному социально-культурному доминированию следует относиться с осторожностью во избежание вероятности актуализации тоталитарных сценариев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ким Чен Ир. Изречения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2015.
2. Ли Чон Чхор. КНДР: Политика сонгун. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012.
3. Вон Чхун Гун. Реалии раскола Кореи. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
4. Ким Ир Сен. Полное собрание сочинений. Т. 3. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010.
5. Ан Чхоль Ган. Маршал Ким Чен Ын в 2013 г. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
6. Ким Чи Хо. О Коре: история. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2016.

Информация об авторе.

Кабылинский Борис Васильевич – кандидат философских наук (2016), ведущий научный сотрудник Института политических исследований, ул. Светозара Марковича, д. 36, Белград, 11000, Сербия; приглашенный профессор тайского королевского университета NIDA, Сери тай роуд 118, Бангкок, 10240, Таиланд. Автор 59 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, феноменология конфликта, современная культура. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

REFERENCES

1. Kim, Jong-il (2015), *Izrecheniya* [Sayings], Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.
2. Li, Chong Chkhor (2012), *KNDR: Politika songun* [DPRK: Policy Songun], Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.
3. Vaughan, Chkhun Gong (2014), *Realii raskola Korei* [Realities of split of Korea], Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.
4. Kim, Il Sung (2010), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], vol. 3, Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.
5. An, Chkhol Gunn (2014), *Marshal Kim Chen Yn v 2013 g.* [Marshal Kim Jong Un in 2013], Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.
6. Kim, Chi Huo (2016), *O Koree: istoriya* [About Korea: History], Publishing house of literature in foreign languages, Pyongyang, DPRK.

Information about the author.

Boris V. Kabylinskii – Can. Sci. (Philosophy) (2016), Visiting Researcher of the Serbian Institute for political sciences, Svetozara Markovica 36, 11000, Belgrade, Serbia; Invited Professor at the National Institute of Development Administration, Seri Thai road 118, Bangkok, 10240, Thailand. The author of 59 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, cathartical practices, phenomenology of conflict, modern culture. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

УДК 316.72

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-1-49-61>

Оригинальная статья / Original paper

Музыка как объект исследования культурной антропологии Джорджем Херцогом

М. П. Замотин[✉]

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[✉]jethro79@mail.ru

Введение. Статья посвящена определению места музыкологии в пространстве осмысления теоретических, методологических и практических проблем исследования в антропологии музыки. Цель статьи – освещение исследовательской деятельности Джорджа Херцога, изучавшего музыку как культурную и социальную категорию примитивных народов и развивавшего дисциплину «этномузыковедение». Благодаря его усилиям изучение народной «примитивной» музыки вышло за рамки музыковедения и разнообразило предметную область культурной антропологии. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что имя Дж. Херцога и его взгляды недостаточно известны в России, кроме специализированных областей и отсылок к его работам в этнографических публикациях.

Методология и источники. В качестве методологической основы использованы сравнительно-историческая методология и структурно-функциональный метод для изучения научных текстов и последующей обработки и обобщения теоретических построений Дж. Херцога. Также для понимания контекста времени и раскрытия интеллектуального генезиса ученого применялся биографический метод.

Результаты и обсуждение. Проведена работа по выявлению малоизвестных взглядов на музыку как явление в культурно-антропологической традиции музыкологии, описана интеграция методологий и проблем исследования культурно-исторической школы и этномузыковедения в США в XX в. Рассмотрены вопросы этномузыковедения и антропологии музыки в контексте научной деятельности американского этномузыка-исследователя Дж. Херцога. Представлен научный генезис Херцога как исследователя народной «примитивной» музыки. Дж. Херцог использовал методы транскрипции и звуковой анализ в сочетании с теориями и методами школы Ф. Боаса, которые включали в себя концепцию диффузии и метод полевой работы.

Заключение. Междисциплинарность подхода в использовании методов для фиксации и интерпретации музыкального материала в этномузыкалогических исследованиях Дж. Херцога позволила преодолеть эволюционную линейную методологию изучения музыкальной культуры примитивных народов и обратить внимание на контекст исполнения и исполнителей. Этот междисциплинарный подход находит отклик во многих этномузыкалогических исследованиях и сегодня.

Ключевые слова: этномузыковедение, антропология музыки, этномузыкалогия, народная музыка, примитивная музыка, язык, песни.

© Замотин М. П., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Замотин М. П. Музыка как объект исследования культурной антропологии Джорджем Херцогом // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 49–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-49-61

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.12.2019; принята после рецензирования 19.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Music as a Research Object of Cultural Anthropology by George Herzog

Maksim P. Zamotin✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia

✉jethro79@mail.ru

Introduction. Being a universal art form, music in cultural anthropology was understood as a key element of human life throughout the world, represented in a variety of genres, ways of processing sounds, creating harmony, creating song folklore that reflects all aspects of human life. Ethnomusicology, as a unique research field, combined an interest in music both in the form of art and in its sociocultural context. This paper is devoted to the research activity of J. Herzog, thanks to whose efforts the study of folk “primitive” music went beyond musicology and diversified the subject area of cultural anthropology. The relevance of this study is due to the fact that the name of Herzog and his views are not well known in Russia, except for specialized areas of ethnographic and musicological nature.

Methodology and sources. As a methodological basis, a comparative historical methodology and a structural-functional method are used to study scientific texts and subsequent processing and generalization of the theoretical constructs of G. Herzog. A biographical method was used as well to understand the context of time and reveal the scientist’s intellectual genesis.

Results and discussion. One of the pioneers in the field of ethnomusicology, G. Herzog used transcription methods and sound analysis in combination with theories and methods of the Boas school, which included the concept of diffusion and the method of field work. Interdisciplinary cooperation in the study of primitive and folk music was an important step for the researcher, since this approach brought the study of folk music to a new level of conceptualization. Herzog was interested in explaining and classifying primitive music and songs in terms of the “root” terms and concepts used by his informants.

Conclusion. The interdisciplinary approach in the use of methods for fixing and interpreting musical material in ethnomusicological research by G. Herzog made it possible to overcome the evolutionary linear methodology of studying the musical culture of primitive peoples and draw attention to the context of performance and performers.

Key words: ethnomusicology, anthropology of music, ethnomusicology, folk music, primitive music, language, songs.

For citation: Zamotin M. P. Music as a Research Object of Cultural Anthropology by George Herzog. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 49–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-49-61 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.12.2019; adopted after review 19.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. Музыка – это универсальная художественная форма, отражающая и демонстрирующая разнообразие человеческой природы, включая как биологическую составляющую, так и человеческие разнообразные культурные формы выражения. Так же, как поэ-

зия и устное творчество, музыка присутствует во всех обществах, она возникает довольно спонтанно из знакомых формул (и описаний), которые имеют свои корни в местных социальных традициях, с историями, которые можно проследить за бесчисленными поколениями. Задолго до появления систем письма песни, часто в виде эпической поэзии, позволили людям во всем мире документировать свою историю как устное творчество. Музыка представляет собой подобие саундтрека для жизни большей части человечества на всем протяжении существования отдельных людей. Часто местные традиции в музыке пересекаются, подобно тому, как люди сталкиваются в качестве соседей, в торговле, браке или войне. Это порождает новые и смешанные типы композиций – явление, которое называется синкретизмом во многих областях науки, и это порождает вопрос: почему люди такие музыкальные как биологический вид, тогда как наши ближайшие биологические «родичи» – приматы – обделены музыкальным даром? Если музыка является биологической особенностью, как язык, как она могла возникнуть так внезапно, в относительно недавней истории родословной гоминид? Многие ученые со времен Дарвина пытались найти ответ на этот вопрос, и это стремление продолжает генерировать новые идеи.

Культурные антропологи со своих позиций изучают этот центральный аспект человеческой жизни уже более века, и в этом научном поле песня стала одним из самых интересных аспектов изучения всех человеческих вселенных. С этой точки зрения, песня – это история, спетая (и, следовательно, рассказанная) вслух перед аудиторией, с использованием почти бесконечного диапазона жанров, отражающих множество сказаний, которые будут рассказываться в течение жизни. Таким образом, музыка как ключевой элемент в жизни человека во всем мире предлагает ответы на многие вопросы, касающиеся человеческой природы, в том числе те, которые возникли в наше время, такие как глобализация человеческой культуры, так называемая мировая музыка.

Антропологи с самого начала определяли пространство музыкального творчества в жизни человека двояко: как место исследования мирового культурного наследия и как точку входа для понимания конкретных человеческих обществ с интимной, местной точки зрения. Вообще говоря, лингвистические и культурные антропологи нашли способы интегрировать музыку, и особенно песни, в свои исследования повседневного человеческого опыта всего мира.

Методология и источники. Франц Боас (1858–1942), один из первопроходцев в этой области, на протяжении всей своей карьеры проявлял живой интерес к музыке, глубоко формируя направление профессии, культивируя у большинства своих учеников серьезный интерес к музыке. В своих самых ранних работах Боас призывал будущие поколения ученых обратить пристальное внимание на вокальное и словесное искусство – антропологи хорошо знакомы с тем фактом, что нет народа и племени, которые не имели бы какой-то поэзии и музыки, но изучение этой отрасли литературы аборигенов практически не начато [1].

В настоящее время, более века спустя, эта работа, документирующая поэзию и музыку мира, продолжается, и большая часть ее проводится под названиями «этномузыкалогия», а также ее близких интеллектуальных двоюродных братьев – лингвистической и культурной антропологии.

Для Боаса и его учеников принцип культурного релятивизма имел решающее значение при попытке добиться равноправного изучения человеческого опыта любой культуры

и этноса, особенно в сферах искусства, музыки и религии, где субъективность играет важную роль. В то время как более ранние ученые часто воспринимали качество музыки других народов как экзотическое, антропологи, как правило, стремились понять музыку, основываясь на том значении, которое она имеет в сообществах, создающих эти звуки. Занимая такую релятивистскую позицию, которая придает легитимность точке зрения информантов, антропологи стремились противостоять зачастую бессознательной этноцентрической тенденции того времени – основывать интерпретацию музыки в собственном культурном фоне наблюдателя. Принцип релятивизма оказался жизненно важным в области музыки, где многие слушатели наивно предполагают, что музыкальные структуры прозрачнее других аспектов культуры или доступнее посторонним.

Уже в первой крупной этнографии, которая состояла из описания повседневной жизни инуитов острова Баффин (1888), Боас использовал песни, чтобы понять точку зрения информантов. В одном из своих первых публичных заявлений об этом исследовании он поставил в центр и язык, и музыку: «Когда я выучил язык этого народа, я смог понять старые песни и сказки, которые передаются от их предков. Когда я жил среди них как один из них, я узнал их привычки и пути, я видел их обычаи, относящиеся к рождению и смерти, их праздникам и т. д.» [2]. В своих последующих этнографических исследованиях он продолжил сравнение сложной модальной структуры инуитских песен с восточноиндийскими, григорианскими песнями и даже классической китайской музыкой, учитывая, что все они были основаны на схожих перестановках, хорошо узнаваемых уровнях или взаимосвязи между нотами относительно предсказуемо разнесенных интервалов в поле. Несмотря на структурные параллели между этими традициями, Боас настаивал на том, что интерпретация песен должна корениться в повседневном опыте среди их композиторов-инуитов. Во-первых, песни были спеты на инуитском языке, обеспечивая слой символизма, который только специалист или носитель языка мог бы интерпретировать в данный момент, особенно с точки зрения тонких нюансов смысла, возникающих при введении слов или мелодий в новые контексты. В этом аспекте он также уделял пристальное внимание фактуре песен, даже тональности голоса, которую исполнители использовали, подражая звукам персонажей-животных в сказках. Без этого ключа к языковым и культурным слоям смысла, несущего длительное воздействие на песни в течение многих лет, наблюдатель ничего бы не понял в значении песен. Таким образом, вместо того, чтобы предположить, что песни имели какую-то основополагающую сущность, кроме данного исполнения, Боас в числе первых указал, что смысл песни может формироваться той настройкой, в которой она исполнялась. Музыка выступает прежде всего как побочный продукт относительно спонтанного социального взаимодействия, а не строго из традиций, каким-то образом «высеченных в камне».

Одна из самых ранних существенных отсылок к музыке в рамках антропологии появляется в монографии Ф. Боаса 1888 г. «The Central Eskimo» («Центральные эскимосы»), которая содержала транскрипции и некоторый анализ двух десятков эскимосских песен в контексте всеобъемлющей этнографии. Это не только заложило основу для антропологического подхода к изучению незападной музыки, но и представляет собой научные изыскания в сравнительном музыковедении. Боас работал вместе с коллегой Стампфом, собирая и анализируя музыку коренных народов Северо-Западного побережья, впоследствии опубликованную в 1886 г. в «Vierteljahrsschrift für Musikwissenschaft», в одном из самых

ранних журналов о сравнительном музыковедении. Поэтому было бы ошибкой предположить, что сравнительные музыковеды и антропологи действовали в отрыве друг от друга. Тем не менее общие подходы к изучению незападной музыки у музыковедов и культурных антропологов во многом отличались друг от друга. Сравнительные музыковеды были мотивированы теориями о происхождении и структуре музыки и проанализировали соответственно материалы Боаса и Стампфа. В работе Боаса над музыкой отсутствовала теория такого типа, вместо этого она вписывалась в рамки скрупулезно детализированной и этнографической описательной работы.

Помимо музыки, содержащейся в «The Central Eskimo», Боас в 1888–1925 гг. публиковал статьи по музыке Квакиутля, Чинука, Эскимо и Сиу. Каждая из них, сосредоточившись на музыке, содержала элементы, которые стали ассоциироваться с боасской культурной антропологией. В статье «Об определенных песнях и танцах Квакиутля Британской Колумбии» содержится несколько музыкальных транскрипций песен (предположительно, сделанных самим Боасом), включая записи ритуалов, тексты песен и очень пространную версию мифологии, относящуюся к песням. Его статья «Chinook Songs» содержит три краткие нотации вместе с 38 текстами песен и глоссарий из нескольких десятков слов. Две статьи, обе под названием «Eskimo Tales and Songs», представляют тексты песен вместе с пояснениями десятков слов, используемых в них. В статье «Teton Sioux Music» рассматриваются вопросы музыкальной формы, включая ритм, фразеологию и структуру, и содержится 11 довольно подробных музыкальных надписей. Несмотря на то, что он не акцентирует внимание на технических и аналитических деталях работы некоторых сравнительных музыковедов, Боас был наравне со многими, а его работы по музыке недооцениваются, вероятно, из-за огромного объема работ по другим предметам исследований.

В то время как более раннее поколение антропологов включило музыку в свои этнографические работы, этномузыкологи во многом изменили этот прежний акцент, сделав музыку главным объектом изучения, хотя и сфокусировав взгляд на местных культурных особенностях. Таким образом, родились новые «подполя», которые были специально посвящены изучению одного из величайших подарков человечества, способности создавать музыку. Ученик Боаса Джордж Херцог (1901–1983) открыл эту новую интеллектуальную дисциплину, передавая целостное видение этномузыкологии многим будущим поколениям ученых. Обучаясь в Королевской консерватории в Будапеште, он находился под сильным влиянием исследований народной музыки Белы Бартока и Золтана Кодали. С 1923 по 1925 г. Херцог работал у Эрика фон Хорнбостела в Берлинском фонограмм-архиве, важнейшем архивном учреждении сравнительного музыковедения до Второй мировой войны, в 1925 г. эмигрировал в США и изучал антропологию под руководством Боаса. Херцог столкнулся с проблемой, что антропологам, пишущим о музыке, и этномузыкологам как специалистам в этой области приходится задумываться над вопросами методологии и проблемой субъективности в отношении представления музыкального опыта других народов. Этномузыковед Мэнтл Худ (1918–2005), например, утверждал, что бимзыкальность, или свободное владение музыкальными традициями по крайней мере двух культур, потенциально создает эпистемологическую почву для понимания этих традиций с точки зрения инсайдера. Хотя это утверждение было спорным, учитывая, что инсайдеры также могут говорить за себя и цитироваться антропологами относительно их собственной субъективности.

Влияние Боаса на межкультурное изучение музыки наиболее сильно ощущается не столько в его собственных исследованиях и публикациях, сколько в исследованиях его учеников и их учеников. Эдвард Сепир, этнограф, лингвист и поэт, также был музыкантом и вырос в музыкальной семье (его отец был профессиональным кантором). Его первая углубленная работа над песнями датируется 1910 г., когда он переписывал у 200 индейцев Paiute (Северная Аризона/Южная Юта) тексты песен и зафиксировал записи 120 песен на восковых цилиндрах. Кроме этого материала, большая часть которого не опубликована, существовала обширная контекстная информация о выступлениях, людях и местах, связанных с песнями. Записи Сепира были переписаны его отцом Якобом Сепиром. Это исследование явилось материалом к статье Сепира «Song Recective in Paiute Mythology», которая включала в себя его собственные музыкальные транскрипции и музыкальный анализ, ориентированный прежде всего на ритм. Это явилось заметным отходом от привычных в то время взглядов на интерпретацию подобного материала, учитывая сильный акцент в сравнительном музыковедении на вопросах мелодии, самобытности и интервалов.

Другим видным учеником Боаса, оказавшим большое влияние на развитие антропологического подхода к незападной музыке, был Мелвилл Херскович. Хотя Херскович не издавал больших публикаций на музыкальные темы, его интерес к взаимоотношениям между африканской и афроамериканской культурой определялся интересом к роли музыки. Он руководил докторскими диссертациями Ричарда Уотермана и Алана Мерриама (которые являются весьма заметными фигурами в области этномузыкологии) и сделал полевые записи музыки в Голландской Гвиане, Гаити, Тринидаде, Бразилии, Дагомее, на Золотом побережье и в Нигерии.

За последнее столетие социологи и антропологи неоднократно демонстрировали позицию: для того чтобы интерпретировать какой-либо один аспект поведения человека, такой, как язык или музыка, надо заглянуть за пределы этой единственной черты социального взаимодействия, рассмотреть все остальные способы общения, которые реализуют люди, таким образом формируя его смысл. Таким образом, чтобы понять музыку, надо заглянуть далеко за ее пределы, раскрыть многочисленные скрытые слои ее смысла, как они отражены в другом месте социального взаимодействия сообщества.

Исходя из такого положения, даже при просмотре и прослушивании одаренного музыканта в контексте, например, оперы или филармонии, музыку надо рассматривать наряду со всем остальным, что окружает действо, т. е. со всем символическим подтекстом события, помимо чисто музыкального, которое способствует восприятию и переживанию. Словесный язык, жест, выражение лица и даже пространственный макет сцены также могут сыграть роль в интерпретации того, что происходит во время спектакля, даже с точки зрения интерпретации самой музыки. Рассмотрим, например, интимный характер религиозного действия, где слова песнопения обернуты в специализированные смыслы своих писаний, при этом каждое движение среди исполнителей принимает священный оттенок. Кровь, кресты или жертвоприношения таким образом занимают видное место в американской евангелической музыке, создавая контекст, забирая его непосредственно из Библии в качестве основного источника, в то время как аудитория наслаждается представлением.

Подобное священное действие (являясь для аудитории актом традиции) контрастирует с гораздо более сексуализированным тоном светской музыки, например, американского рок-н-ролла или кантри, где смысл вытекает как из религиозных, так и из светских источ-

ников, для аудитории, состоящей в основном из незнакомых людей. Таким образом, наличие в США того или иного жанра музыки, например, «Рок против Евангелия», предполагает довольно обширное понимание тематики материала (духовное братство против светской любви), а также расстановку, темп и даже характер социального взаимодействия между присутствующими (участие против прослушивания).

Антропологи понимание культуры, в том числе такого ее аспекта, как повседневная музыка, часто сравнивают с процессом написания романов, охватывающих истории целых наций, эпох или поколений. Работа для антрополога или романиста состоит прежде всего в переводе целых музыкальных значений для далеких аудиторий, которые не присутствовали в том или ином спектакле. Безусловно, это нелегкое дело для писателя, отчасти из-за сложного характера символизма, которым обмениваются люди при общении. То же самое касается толкования значения человеческого социального взаимодействия с антропологической точки зрения, что является столь же сложной задачей, как написание романов или пьес, в которых запечатлен дух общества. Таким образом, ключ к социальному взаимодействию, как говорят среди антропологов, лежит в его символике, которая сама по себе лучше всего рассматривается как тип действия, учитывая, что участники обмена формируют представления друг друга во время взаимодействия, влияющего на последующие действия. Один из самых красноречивых писателей-антропологов, Клиффорд Гирц (1926–2006), когда-то резюмировал это настроение, сказав, что культура – это исторически передаваемая модель значений, воплощенных в символах, система унаследованных представлений, выраженных в символических формах, с помощью которых люди общаются, увековечивают и развивают свои знания о жизни и отношении к ней. Очевидно, что язык обеспечивает один из основополагающих слоев символизма, так как каждое слово состоит из ряда звуковых узоров, которые вместе несут в себе смысл, как со словами «собака», «кошка», «любовь», которые в противном случае не означают ничего, похожего на то, что они скорее абстрактно, даже произвольно, представляют. Все становится гораздо сложнее, когда музыка создает картину и певец начинает модулировать свой голос изменениями в поле, распределяя эти слова слоями музыкальной значимости.

Для любого, изучающего человеческое социальное взаимодействие, от социолога до философа, язык почти обязательно входит в картину, становясь первичным средством общения, даже при описании отдаленно родственных сфер искусства, музыки или литературного воображения. По этой причине музыковед и композитор Чарльз Сегер (1886–1979) заметил, что при анализе музыки ученый неизбежно обращается к языку, преобразуя всю природу дискурса из одной семиотической модальности в другую. Что-то теряется в переводе с языка музыки на язык научного объяснения, при переключении между этими двумя семиотическими модальностями, не в последнюю очередь среди которых – текстура («ароматность» музыки). Слышимая музыка в этом смысле довольно сильно отличается от разговора о ней. Это происходит отчасти потому, что музыкальный опыт учитывается вне дискурса [3]. Также французский семиотик Ролан Барт (1915–1980) утверждал, что язык был единственной символической системой, которая не могла бороться только с другими семиотическими методами, такими, как жест или музыка.

По мнению одного из пионеров антропологии Бронислава Малиновского (1884–1942), наблюдатель человеческого поведения, или проницательный этнограф, должен внимательно учитывать как то, что говорят люди, так и то, что они делают, чтобы нарисовать картину

происходящего в любой конкретной общине. С помощью такой позиции он инициировал всю область анализа дискурса, или изучение человеческого символического действия в самом широком понимании, включая язык, музыку, жесты и любые, связанные с этим, действия. Музыка в этом смысле играет важную роль в формировании как того, что говорят люди, так и того, что они впоследствии делают в повседневной жизни. Таким образом, Малиновский отметил, что тень дискурса часто смещается по мере того, как оратор переходит от обычного языка к музыке: большая магия, более того, скандируется в песнях, что с самого начала сильно отличается от обычных высказываний. Это смещение от повседневного языка к усиленному религиозному регистру, отмеченное музыкальной интонацией, создает почву для чувства магии и таинства, связанного со священными религиозными повествованиями. Так, он отметил: как на самом деле декламированы в заклинании, песни произносятся в соответствии со специальной фонологией, в песнях, с их собственным ритмом и с численно сгруппированными повторениями [4].

Результаты и обсуждение. Когда речь заходит о музыке, ничто не может быть более ярко выраженным и бросающимся в глаза, по мнению многих исследователей, чем кажущееся глубокое сходство и различия в сфере звучания, как это представлено через многочисленные музыкальные традиции человечества. Один из первопроходцев в области этномузыкологии Джордж Херцог даже зашел настолько далеко, что заявил, что в музыке есть только диалекты, которые нельзя свести к пониманию диалекта в лингвистике [5].

Таким образом, в англоязычной литературе существовало мнение, что музыка является универсальным языком, она может быть чем-то иллюзорным, основанным на культурных ожиданиях. Музыка должна быть «мгновенно доступна» в силу своей простоты, как простой звук, и изучение ее не должно занимать годы, чтобы понять ее с точки зрения более глубоких слоев социальной значимости. И действительно, представление о музыке как об универсальном языке, обладающем способностью мгновенно посредничать в межкультурном общении, является распространенным мнением в значительной части ранней литературы о путешествиях, которая была популярна до расцвета профессиональной антропологии.

В то время как некоторые ученые повторяли общее утверждение, что музыка – это универсальный язык, одинаково доступный для всех наблюдателей и каким-то образом выходящий за пределы культуры, другие подчеркивали столь же очевидные различия, такие как структура и текстура музыки или ее связь с языками, несущими лирические и повествовательные слои смысла. В конце XIX в. музыковеды впервые стали принимать к сведению огромное разнообразие музыки всего мира. Гвидо Адлер (1855–1941) был в числе первых, кто изложил общий план исследований, опубликовав в 1885 г. революционную для своего времени работу, в которой определил область того, что тогда называлось «сравнительное музыковедение». Признавая универсальность музыкальных структур в обществах, Адлер также стремился основывать интерпретацию музыкальной выразительности в повседневном культурном опыте [6].

Исследования Херцога народной и примитивной музыки начались в Будапеште, где он изучил методы исследования народной песни Бартока и Кодали. Переехав в Берлин в начале 1920-х гг., Херцог учился под руководством специалиста по сравнительному музыковедению Эрика фон Хорнбостеля. Методы Хорнбостеля, как и методы первых преподавателей Херцога в Будапеште, включали подробные транскрипцию и звуковой анализ. Эти

методы, наряду с широко распространенным пониманием музыки как социокультурного явления, которое лежало в основе сравнительного подхода Хорнбостеля, оказывало влияние на Херцога на протяжении всей его карьеры. После обучения в Европе Херцог переехал в США, привезя с собой часть Берлинского архива, чтобы учиться у Франца Боаса в Колумбийском университете. В Колумбии Херцог обучался боасским теориям и методам, которые включали в себя концепцию диффузии и обширный метод полевой работы. Боас критиковал сравнительные методы, за которые выступал Хорнбостель, но Херцог в большинстве своих работ опирался на теоретические и методологические элементы обоих своих наставников, сочетая деконтекстуализированный звуковой анализ Хорнбостеля и сравнительную перспективу с акцентом Боаса на полевую работу и диффузию. С исторической точки зрения, Херцога можно рассматривать как связующее звено между двумя значительными историческими эпохами и школами мысли в этномузыкологическом поле. Позже в своей карьере Херцог перешел в университет Индианы, где преподавал, исследовал и основал архив, известный сегодня как Архив традиционной музыки.

Подобно тому, как Херцог сочетал существующие методы и идеи в своей подготовке и последующих исследованиях, он стремился позиционировать себя как междисциплинарного ученого. Он считал, что изучение примитивной (традиционной, простой) музыки должно стать единым полем. Херцог опубликовал в 1936 г. исследования о примитивной и народной музыке Соединенных Штатов как попытку охарактеризовать и объединить то, что он считал областью, нуждающейся в единстве с точки зрения теории и метода. Прежде всего он хотел наконец-то профессионализировать изучение примитивной и народной музыки, подчеркнув необходимость серьезной подготовки для изучения этой проблемы.

Херцог часто писал о важности междисциплинарного сотрудничества и в разные моменты своей карьеры согласовывал изучение примитивной музыки с различными смежными дисциплинами. Он пытался ориентировать направление новой дисциплины согласно своему убеждению, что изучение первобытной и народной музыки касается студентов – культурных антропологов, сравнительных музыковедов, психологов и музыкантов, а также слушающей эту музыку публики [7]. Еще позже, находясь в Индиане, Херцог заявил в газетной статье, что исследования в примитивной и народной музыке связывают антропологию, фольклор и музыковедение. Это в некоторой степени иллюстрирует то, как в Индианском университете была создана идея формирования новой дисциплины – этномузыкологии. Чтобы лучше понимать контекст ситуации, стоит отметить, что в то время широкий спектр интересов был приемлемым в рамках антропологии, но не в рамках изучения музыки. Можно было изучать музыку в рамках антропологии, но само изучение примитивной музыки в эклектичной манере, в которой к ней подходил Херцог, еще не было само по себе признанной дисциплиной. Научная деятельность Херцога отражает тот факт, что он жил в совсем другое время, когда принцип сравнительных исследований был правилом, а не исключением, как сегодня, и эволюционные идеи были еще очень сильны. Музыкальный и антропологический миры понимались в широком смысле в широких масштабах: тенденции во времени (эволюция) и в пространстве (диффузия).

Херцог регулярно писал на тему «музыки индейцев», и его исследования, как правило, обнаруживали общность между племенами, что позволило ему писать с точки зрения

широких обобщений. Вместе с другими учениками Боаса (такими как Кларк Уисслер и Альфред Кребер) и некоторыми его современниками в области этномузыкологии (такими как Хелен Робертс) Херцог стремился создать «родственные» области североамериканской культуры на основе интенсивной, локализованной полевой работы. Это была систематическая попытка разрешить обобщения на большей территории, географической или культурной, чем отдельно описанное племя или община. В отличие от гораздо более ранних сравнительных работ, в которых основное внимание уделялось сопоставлению музыкальных систем целых народов, Херцог и его коллеги следили за распространением конкретных стилей в географическом пространстве.

Херцог соглашался с Боасом, отвергая предположение, что «племенной стиль» должен быть комплексным накоплением песен, наделенных теми же особенностями. Для Херцога наиболее очевидными отличиями были не «племенные стили», а «различные категории песен, используемых в одном месте». Каждая так называемая примитивная группа имеет отличительную музыку. В 1936 г. Херцог опубликовал чрезвычайно подробное, контекстно обоснованное исследование пословиц Джабо («Jabo Proverbs from Liberia: Maxims in the Life of a Native Tribe») [8].

Еще один вопрос, вызывавший большое беспокойство у Херцога, важный для многих ученых в этот период, – это неуклонное исчезновение чистых форм примитивной музыки. Данная проблема подстегнула Херцога интенсивно заняться наполнением архива и сохранением музыкальных образцов. Это привело к тому, что в 1949 г. было учреждено хранилище, которое сегодня является Архивом традиционной музыки Индианского университета. В исследовании «Primitive and Folk Music» Херцог заявил, что интерес к сохранению был, возможно, сильнее в Соединенных Штатах Америки, чем где-либо еще, потому что американская народная музыка находится на грани вымирания, в то время как мы только собираемся осознать ее значение. Одним из главных мотивов Херцога к написанию этой книги было то, что он видел, как материал быстро исчезает. Для него было важно, чтобы образцы музыки многих коренных американских племен были сохранены, прежде чем станет слишком поздно.

Херцог посвящает целый раздел своей статьи западноафриканской барабанной сигнализации: «Drum Signaling in a West African Tribe». Тогда же Херцог призвал к необходимости изучения «родной» классификации песен при записи примитивной музыки. Хотя он, возможно, не обращал такое внимание на анализ «народных» терминов и понятий, как мы сегодня, но фактом является то, что он интересовался этой проблемой значительно раньше своих современников.

Херцог часто писал о полезности сохранения примитивной музыки для будущего использования западными композиторами. В заявочном эссе для стипендии Гуггенхайма он написал: «Музыка нашего века имеет много пользы от изучения индейской музыки. Песни, когда они представлены в адекватной форме, могут быть использованы нашими современными композиторами» [9]. Здесь мы видим, что в то время об авторском праве и собственности представителей этнических общин на исполнение и фиксирование продуктов своего творчества не было и речи. После записи эти песни были доступны в качестве полезного материала для вдохновения или как материал для его включения композиторами в их композиции. Это явление наблюдалось в последующие десятилетия, так как западные

артисты включали в свои собственные записанные композиции фактические полевые записи, выстраивая эти композиции вокруг «экзотических» звуков первобытных народов, и это считалось нормой.

Со временем Херцог приходит к пониманию ограниченности использования своих методов. Он пришел к мысли, что полевой работник, изучая и собирая примитивную музыку, редко может расширить свое исследование, пытаясь приобрести на месте очень интимные знания о племенной жизни, которая в Северной Америке оскудела или вообще исчезла. Таким образом, поскольку образ жизни, который он должен был изучать, исчез, он видел идеальный вариант в проведении анализа музыкального звука в изоляции.

Но изоляция от контекста может привести к значительному непониманию, и часто это отражалось на исследованиях Херцога и его соратников. Например, Херцог в 1934 г. писал Андраду, проводившему исследования в Центральной Америке: «К сожалению, среди майя нет индейской музыки (очевидно, вообще нет)» [9]. С одной стороны, это заявление может свидетельствовать об отсутствии контекстного опыта, с другой стороны, это может указывать на ограничение, которое исследователи примитивной музыки поставили своей задачей: изучение только «чистой» примитивной музыки. Возможно, Херцог имел в виду тот факт, что не было музыки майя, которая не была бы в некотором роде затронута испанским присутствием в регионе. Забота о чистоте возникает как постоянная тема в трудах Херцога. В 1936 г. он сетовал на такое явление: певцы из разных областей контактируют друг с другом, тем самым постоянно тонируя ранее чистые музыкальные стили. Музыку можно было держать чистой и можно было изучать в ее чистом виде, «захватывая» ее на «объективных записях» – теперь это все менее реально.

Херцог предложил достаточно сложное понятие индивидуального и группового взаимодействия в человеческом творческом процессе, в отличие от статического понятия традиции, которое было доминирующим в эту эпоху. Херцог ценил «родные» музыкальные идеи. Взгляд Херцога на первобытную музыку был в значительной степени опосредован западными понятиями о музыке. Тем не менее он твердо верил в важность изучения индейской музыки как особой формы, разработанной в особой обстановке, в какой-то момент критикуя исследователя музыки Дж. С. Филлмора, который утверждал, что индейские песни демонстрируют «неявное» ощущение гармонии. Херцог считал, что музыкальные категории Запада не обязательно межкультурны: музыка, судя по всему, не является универсальным языком. Особенности, которые в одном стиле несут определенное эмоциональное или символическое значение, могут иметь совершенно другое значение в другом стиле или могут функционировать в совершенно другой области [7].

Его понимание оформилось в представление о том, что идеал и концепция неподвижной художественной формы, передаваемой будущим поколениям через письменную запись, в «истинном» или «правильном» варианте, контрастирует с более текучей формой, которая воссоздается, а не «воспроизводится» каждый раз, когда выполняется. Затраты на печать музыкальной записи, однако, часто препятствуют публикации более одной «характерной» версии мелодии. То, что было опубликовано до сих пор в расширенном виде, было предложено без анализа вариативности [7].

В дальнейшем Херцог предложил печатать множественные транскрипции одних и тех же песен в этномузыкологических изданиях, чтобы точнее представлять музыку как текучую.

Он изображал пословицы Джабо не как статические формы, передающиеся между поколениями, а как словесные формы, которые демонстрируют «гибкость в образах, мышлении и применении».

Херцог также писал о важности признания того, что идеи народов о музыке не обязательно совпадают между культурами: элемент эстетической оценки присутствует в примитивной жизни, хотя формы, в которых он выражен и используется, могут быть не строго эквивалентны нашим собственным. Пропустить это отсутствие прямой эквивалентности было бы ошибкой, так как тем самым пропускается одно из самых важных «переживаний», которые «носитель» может пережить или передать [10].

Заключение. Как было сказано выше, Херцог, предпочитая изучать первобытные искусства, которые оставались чистыми и не смешивались с другими культурами, очевидно, понимал, что его присутствие влияло на материал, который он собирал. Относительно сборника пословиц Джабо он писал о том, что многие пословицы цитировались уроженцами в связи с пребыванием их в экспедиции. Обстоятельства, при которых цитировалась пословица, всегда фиксировались, какой бы банальный ни был случай. «Есть надежда, что этот фон даст читателю представление о жизни народа (племени), о том, как действуют и применяются пословицы и, кстати, об отношении этих людей к белому человеку, который временно является его соседом» [8].

То, что Херцог учел влияние своего присутствия на собранные им материалы и написал об этом, было для его времени необыкновенным. Манера изложения текста в «Поговорках Джабо» тоже впечатляет. Херцог опубликовал текст на языке Jabo, а затем буквальный перевод на английский и, наконец, вариант в распространенном английском языке.

Херцог предвосхитил многие положения и идеи, которые должны были стать стандартной практикой в новой дисциплине. Этномузыковеды не только в значительной степени опирались на лингвистические теоретические модели, но и понимали язык до такой степени, что смогли понимать «народную» терминологию, что сейчас стало нормой и для многих этнографов музыки. Дж. Херцог до сих пор является ученым в своей области, который заслуживает большего внимания за свои инновационные взгляды, чем он получил. В то время как он во многом является фигурой своего исторического периода, в котором работал, в других отношениях его научная деятельность и выдвигаемые положения были новаторскими. Дж. Херцог был новатором в том смысле, что сочетал в научной работе разные подходы для изучения материала из различных источников и в то же время стал ведущим в публикации практических, беспристрастных и объективирующих моделей. Этот междисциплинарный подход находит отклик во многих этномузыкалогических исследованиях сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boas F. Poetry and Music of Some North American Tribes // Science. 1887. Iss. 220. P. 383–385. DOI: 10.1126/science.ns-9.220.383.
2. Boas F. A Journey in Cumberland Sound on the West Shore of Davis Strait in 1883 and 1884 // J. of the American Geographical Society of New York. 1884. Vol. 16. P. 242–272.
3. Seeger Ch. Studies in Musicology 1935–1975. Berkeley: Univ. of California Press, 1977.
4. Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic: The Language and Magic of Gardening. Vol. II. 1935. URL: <https://archive.org/details/coralgardensandt031834mbp/page/n15> (дата обращения: 15.11.2019).

5. Nettl B. *The Study of Ethnomusicology: Thirty-one Issues and Concepts*. 2nd ed. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2005.
6. Nettl B. *Nettl's Elephant: On the History of Ethnomusicology*, Urbana, Springfield and Chicago: Univ. of Illinois Press, 2010.
7. Herzog G. *Research in Primitive and Folk Music in the United States, a Survey*. Bulletin № 24. Washington: American Council of Learned Societies, 1936.
8. Herzog G. *Jabo Proverbs from Liberia: Maxims in the Life of a Native Tribe*. London: Oxford Univ. Press, 1936.
9. Reed D. The Innovator and the Primitives: George Herzog in Historical Perspective // *Folklore Forum*. 1993. Vol. 26, iss. 1–2. P. 69–92.
10. Herzog G. Recording Primitive Music in Africa and America // *The Folk-Song Society of the Northeast*. 1934. P. 2–3.

Информация об авторе.

Замотин Максим Павлович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 23 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социальная и культурная антропология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>. E-mail: jethro79@mail.ru

REFERENCES

1. Boas, F. (1887), "Poetry and Music of Some North American Tribes", *Science*, iss. 220, pp. 383–385. DOI: 10.1126/science.ns-9.220.383.
2. Boas, F. (1884), "A Journey in Cumberland Sound on the West Shore of Davis Strait in 1883 and 1884", *Journal of the American Geographical Society of New York*, vol. 16, pp. 242–272.
3. Seeger, Ch. (1977), *Studies in Musicology 1935–1975*, Univ. of California Press, Berkeley, USA.
4. Malinowski, B. (1935), *Coral Gardens and Their Magic: The Language and Magic of Gardening*, vol. II, available at: <https://archive.org/details/coralgardensandt031834mbp/page/n15> (accessed 15.11.2019).
5. Nettl, B. (2005), *The Study of Ethnomusicology: Thirty-one Issues and Concepts*, 2nd ed., Univ. of Illinois Press, Urbana, USA.
6. Nettl, B. (2010), *Nettl's Elephant: On the History of Ethnomusicology*, Univ. of Illinois Press. Champaign, USA.
7. Herzog, G. (1936), "Research in Primitive and Folk Music in the United States, a Survey", Bulletin no. 24, *American Council of Learned Societies*, Washington, USA.
8. Herzog, G. (1936), *Jabo Proverbs from Liberia: Maxims in the Life of a Native Tribe*, Oxford Univ. Press, London, UK.
9. Reed, D. (1993), "The Innovator and the Primitives: George Herzog in Historical Perspective", *Folklore Forum*, vol. 26, iss. 1–2, pp. 69–92.
10. Herzog, G. (1934), "Recording Primitive Music in Africa and America", *The Folk-Song Society of the Northeast*, pp. 2–3.

Information about the author.

Maksim P. Zamotin – Senior Lecturer at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 23 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, social-cultural anthropology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>. E-mail: jethro79@mail.ru

Изучение своей родословной как фактор культурной самоидентификации личности

М. Е. Кудрявцева✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉mashutka331@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается проблема культурной самоидентификации личности под влиянием изучения своей родословной. Научная новизна данной статьи обусловлена вниманием к психологическим аспектам самоидентификации личности под влиянием изучения человеком своей родословной, причем прежде всего в ситуации обнаружения им нежелательной информации о прошлом своей семьи. Выдвинута гипотеза, что мотивы, связанные с потребностью переосмысления своей социальной роли в аспекте ответственности за деяния предков, не играют существенной роли при изучении истории своей семьи.

Методология и источники. В статье анализируются результаты пилотажного интернет-исследования, проведенного с целью определения мотивов и методов изучения человеком своей родословной, а также стабильности интереса к этой деятельности. Целевой аудиторией данного исследования были все, кто заинтересован в изучении своих предков, независимо от возраста или профессиональной принадлежности. Использовалась анкета полузакрытого типа. Всего было опрошено 154 чел.

Результаты и обсуждения. Результаты исследования показали, что у 46,8 % респондентов интерес к своей родословной имеет игровую природу; 37,0 % желают через историю своей семьи лучше понять историю своей страны; 33,0 % опрошенных интересуются родословной для того, чтобы лучше разобраться в мотивах своего поведения (что является необходимым компонентом самоидентификации личности); 32,0 % – чтобы найти предков, которыми можно было бы гордиться. Однако в случае обнаружения нежелательной информации о жизни своих предков готовы сделать выводы относительно собственной жизни менее 4 % респондентов.

Заключение. Автор считает, что выдвинутая в статье гипотеза о том, что мотивы, связанные с потребностью переосмысления своей социальной роли в аспекте ответственности за деяния предков, не играют существенной роли при изучении истории своей семьи, подтверждается результатами проведенного исследования. В случае обнаружения нежелательных результатов преимущественно актуализируются защитные механизмы, обеспечивая сохранение психологического комфорта.

Ключевые слова: самоидентификация личности, история семьи, изучение родословной, нежелательная информация, деяния предков, ответственность.

Для цитирования: Кудрявцева М. Е. Изучение своей родословной как фактор культурной самоидентификации личности // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 62–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-62-71

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.12.2019; принята после рецензирования 20.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

© Кудрявцева М. Е., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Studying Genealogy as a Factor of Cultural Self-Identification of the Person

Maria E. Kudryavtseva✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉mashutka331@yandex.ru

Introduction. The paper considers the problem of cultural identity influenced by the study of ancestry. The scientific novelty of this paper is due to the attention to the psychological aspects of self-identity under the influence of the study of person, her or his ancestry, and, above all, in a situation of detection of undesirable information about his or her family's past. It is hypothesized that motifs associated with the need to rethink its social role in terms of responsibility for the acts of their ancestors, do not play a significant role in the study of family history.

Methodology and sources. The paper analyzes the results of the pilot Internet study conducted to determine the motives and methods of the study of person's ancestry, as well as the stability of interest in this activity. The target audience of this study were all who are interested in learning their ancestors, regardless of age or occupational category. The questionnaire used was semi-closed. A total of 154 people were interviewed.

Results and discussion. The results showed that 46.8 % of respondents interest in their ancestry has a playful nature; 37.0 % desire through your family history to better understand the history of their country; 33.0 % of respondents are interested in their ancestry in order to better understand the reasons for their behavior (which is a necessary component of self identification); 32.0 % would like to find ancestors, who could be proud of. Nevertheless, in the case of unsolicited information about the life of their ancestors, are ready to make conclusions about his or her own life less than four percent of the respondents.

Conclusion. The author believes that the paper put forward the hypothesis that motifs associated with the need to rethink its social role in terms of responsibility for the acts of their ancestors, do not play a significant role in the study of family history is confirmed by the results of the study. In case of detection of unwanted results, mainly protective mechanisms are becoming actual, ensuring the preservation of psychological comfort.

Key words: self-identification of a person, family history, genealogy study, undesirable information, deeds of ancestors, responsibility.

For citation: Kudryavtseva M. E. Studying Genealogy as a Factor of Cultural Self-Identification of the Person. DISCOURSE. 2019. vol. 6, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-62-71 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.12.2019; adopted after review 20.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. Культурная социализация личности, необходимая для ее самоидентификации, начинается с освоения человеком отечественной культуры и неизбежно связана с обращением к прошлому, его изучением и оценкой. С нашей точки зрения, этот процесс станет гораздо более эффективным, если будет содержать компонент личной, кровной, родовой причастности человека к прошедшему, осознания своей ответственности перед ним.

Огромные информационные ресурсы, ставшие доступными в цифровую эпоху, открывают возможности для созидательной деятельности человека, связаны не только с мощным движением в будущее, но и с прорывом в прошлое, обретением своих корней, своей культурной основы, на которой только и может держаться разумная жизнь общества.

В западных странах на генеалогических сайтах зарегистрированы миллионы пользователей, в России интерес к своим предкам тоже начинает набирать обороты, как будто наверстывая упущенное в XX в. Как отмечает психоаналитик Мария Тимофеева, «незнание своих предков в советскую эпоху было обусловлено в частности страхом: страшно было обнаружить, что твои предки были дворянами, не дай бог аристократами. Жестокий XX в. вынуждал рвать родственные связи, вычеркивать из памяти близких людей, уничтожать семейные документы, скрывать свое происхождение, в том числе и от собственных детей. Знать свое прошлое было смертельно опасно, забвение стало механизмом выживания» [1]. В настоящее время изучение прошлого становится не только безопасным, но и поощряемым обществом и стимулируемым в медиапространстве, в общественном мнении знание своих предков – это уже хороший тон. Если говорить о научных исследованиях в этой области, то они в основном носят историко-культурный характер. Социально-психологические вопросы поднимаются преимущественно либо в психотерапевтическом аспекте обеспечения психологического благополучия [2], либо в аспекте актуальности семейных традиций, их роли для молодежи [3–5]. Существует ряд исследований психолого-педагогического характера, в которых рассматриваются организационно-педагогические воспитательные аспекты обращения [6–8]. Рассматриваются генеалогические вопросы также в аспекте психологического здоровья семьи [9].

Научная новизна данной статьи обусловлена вниманием к психологическим аспектам самоидентификации личности под влиянием изучения человеком своей родословной, причем прежде всего в ситуации обнаружения им нежелательной информации о прошлом своей семьи. С этой целью в статье предпринимается попытка определения мотивов людей, изучающих своих предков. Мы предположили, что основными мотивами являются стремление человека к повышению психологического комфорта и утверждению своей значимости, а также желание лучше узнать историю своей страны. Мотивы же, связанные с культурной самоидентификацией, с переосмыслением человеком своей жизни и своей социальной роли в аспекте ответственности за деяния своего предка, в соответствии с нашей гипотезой не играют существенной роли.

Методология и источники. Роль генеалогических исследований в процессе социально-психологического самоопределения человека в научной литературе отмечалась уже не раз. Например, в исследовании И. Н. Извекова и О. А. Зимовиной, проведенном в русле историко-педагогического подхода «Генеалогическая культура в системе влияний на саморазвитие самосознания молодежи в регионах России», отмечается, что «ценностно-генеалогический подход к воспитанию и образованию позволяет молодежи приобщаться не к абстрактным ценностям внешнего свойства, а ощущать свою причастность к более значимым для нее ценностям своих предков, что в конечном счете повышает воспитательный эффект» [5, с. 98]. Ученые отмечают также высокий психологический и психотерапевтический эффект изучения прошлого своей семьи, который может быть достигнут составлением так называемой геносоциограммы: «Одним из инструментов воссоздания семейных мифов о прошлом рода может стать геносоциограмма. В отличие от сухой документальности генеалогического дерева данная схема строится с использованием эмоционально окрашенных фактов... На стыке, с одной стороны, обрывков личной информации и мифов общественной хроники, с другой, в памяти могут всплыть такие пласты, о которых

человек ранее и не подозревал. И они будут еще несколькими кирпичиками в основание психологического благополучия, о котором мечтает любой человек» [2].

О тенденции изучать свое прошлое свидетельствует не только растущее число научных исследований на данную тему, но и практика общественной жизни, где как на государственном, так и на уровне общественных организаций прослеживается стремление стимулировать соответствующий интерес. Если говорить о стратегиях стимулирования интереса к изучению своей родословной, то, опираясь на материалы наблюдений, можно выделить две основные: от человека к оставленным им в культуре следам и от культурных следов к человеку.

В русле первой стратегии, во-первых, можно говорить о государственно-патриотической технологии, главным инструментом которой является «Бессмертный полк» – ставшая уже не только всероссийской, но даже всемирной ежегодная акция, проходящая 9 мая. Выполняя важную функцию объединения нации, она способствует поддержанию интереса людей к своим отцам, дедам и прадедам, от воинского подвига которых интерес распространяется и на военно-исторические события прошлого. Широкий успех данной технологии определила высокая эмоциональная насыщенность акции, обеспечиваемая трагическим ореолом памяти погибших. Примечательно, что в последние годы были отмечены случаи, когда люди выходили на акцию с портретами погибших не только в Великую Отечественную войну, но и в Первую мировую войну, и в Гражданскую.

Данная акция быстро стала предметом научной рефлексии в русле различных подходов. Рассматривая акцию «Бессмертный полк» в символическом аспекте, А. С. Токарев пишет: «Наиболее важная функция данного мероприятия связана с самим фактом сакрализации образов ветеранов. Выбранная модель позволяет установить и сохранить межпоколенческую связь с умершими участниками войны». По мнению А. С. Токарева, «это позволит продлить актуальность Дня Победы и сохранить ту символическую форму и эмоциональное сопровождение, которые удалось сконструировать на протяжении последних лет» [10, с. 81]. Отмечая, однако, что процесс межпоколенческой передачи и накопления травматического опыта продолжает оставаться неясным, автор предполагает, что сам опыт является «результатом грамотной работы акторов политической памяти, конструирующих необходимое восприятие и отношение к истории страны» [10, с. 80].

Другая технология в русле этой стратегии – акцентирование личной уникальности каждого, определяемой уникальностью каждого из ряда уходящих в прошлое предков.

В русле второй стратегии существует краеведческая технология, предполагающая развитие интереса от истории и культуры города или поселка к биографиям живших там людей, поиску их потомков. Истоки ее в настоящее время связаны с идеей импортозамещения в туристической сфере. В последние годы в России активно развивается внутренний туризм, экономически стимулирующий интерес жителей различных населенных пунктов к изучению своей истории и культуры. Так, в ряде населенных пунктов создаются энциклопедии, собирающие сведения о семейных кланах, в нескольких своих поколениях принадлежавших данному городу или поселку. В качестве примера можно привести интернет-проект социальной сети города Пушкин под названием «Энциклопедия Царского села», в котором, в частности, собираются материалы, связанные с семьями, проживавшими в Царском селе в конце XIX – начале XX вв.

В основе другого варианта краеведческой технологии лежит идея восстановления какого-либо разрушенного культурного или культового памятника (часто это разрушенные

храмы, которых по России десятки тысяч). Сведения о причастности той или иной персоны к строительству данного памятника, собранные активистами, инициируют поиск потомков этой персоны, что, в свою очередь, стимулирует их интерес к своей родословной и становится примером для других населенных пунктов.

В русле этой стратегии – от культурных следов к человеку – актуальным является изучение архивных документов. Так, например, существует интересный интернет-проект «frompastwithlove» [11], автор которого по старинным открыткам восстанавливает переписку и судьбы людей второй половины XIX – начала XX вв. В этом увлекательном расследовании, по словам автора данного проекта, растет число желающих разобраться в хитросплетениях человеческих судеб, однако немногие способны правильно распорядиться попавшими в руки документами.

И та и другая стратегия в конечном итоге сфокусированы на человеке и обусловлены в первую очередь его личным интересом к своим предкам. Изучение мотивов этого личного интереса в аспекте культурной самоидентификации личности, во-первых, может дать ценную информацию, необходимую для его поддержания и развития, а также будет полезным для психолого-педагогической работы с подростками и молодежью в плане развития у них чувства ответственности не только за настоящее, но и за прошлое своей страны.

С целью определения мотивов и методов изучения своей родословной, а также стабильности интереса к этой деятельности с помощью анкетирования нами было проведено интернет-исследование. Целевой аудиторией данного исследования были все, кто заинтересован в изучении своих предков, независимо от возраста или профессиональной принадлежности. Исследование носило пилотажный характер, его задачи состояли в получении ориентировочных данных по интересующей нас проблеме, в уточнении ее аспектов. Всего было опрошено 154 чел.

Была предложена анкета полузакрытого типа (наряду с готовыми вариантами ответов допускался и свой вариант) со следующими вопросами:

- В чем Вы видите основную причину интереса к своей родословной?
- Как бы Вы реагировали, если бы оказалось, что Ваш предок обманул Ваши ожидания (оказался человеком, по Вашим представлениям, недостаточно достойным)?
- Какие методы в исследовании Вы предпочитаете использовать?
- Насколько Вы продвинулись в своих поисках, до какого колена дошли?

Результаты и обсуждение. Как показало исследование, у большинства респондентов интерес к своей родословной имеет игровую природу – для 46,8 % опрошенных поиск предков это «своеобразная игра-квест с детективным оттенком». На втором месте желание через историю своей семьи лучше понять историю своей страны, на третьем – желание лучше разобраться в мотивах своего поведения (33,0 %) и на четвертом, с отставанием в один процент, желание найти предков, которыми можно было бы гордиться (32,0 %). Найти своих родственников-современников хотят 14,9 % опрошенных; 11,7 % хотели бы больше узнать о своих наследственных заболеваниях; 5,2 % респондентов хотят изучать своих предков, чтобы знать, какие их грехи нужно замаливать, и лишь 4,5 % респондентов руководствуются чисто прагматическими соображениями о возможном наследстве.

Из собственных вариантов ответа заслуживают внимания следующие:

- «Хочу знать точнее о своем происхождении, о своих предках – эта связь времен поддерживает».

- «Изучаю родословную, чтобы сохранить о предках память и передать потомкам».
- «Изучаю родословную, чтобы передать информацию моим детям, внукам по истории рода».

Данные ответы интересны тем, что в них прослеживается внимание к межпоколенческим связям – идея своеобразной передачи эстафеты от предков к потомкам. Роль межпоколенческих связей отмечается и в научных исследованиях, так, есть мнение, что этот механизм межпоколенного воспроизводства можно рассматривать в двух аспектах:

1. Опыт предков как *условие* личностного развития потомков. Под условиями в данном случае понимается все то, что образует внешнюю *среду*, в которой формируется и развивается личность.

2. Опыт предков как *функциональная модель* поведения в разных социальных контекстах. Под моделью в традиции теории социального научения мы понимаем образец, пример, который моделируется (имитируется, копируется) в индивидуальном поведении [12].

Ученые в связи с этим также обращают внимание на глубокие психологические корни интереса к предкам, связанные со страхом смерти, а также глубинной, не всегда отрефлексированной обеспокоенностью человека о том, что останется после него. Вот что пишет автор статьи «Тема русской духовной традиции в медиадискурсе» О. Ф. Нескрябина: «Многие мыслители в разные времена приходили к выводу, что страх смерти побеждается чувством причастности к роду. <...> Если человек не видит в окружающем его социуме должного уважения к предкам, он вправе задуматься о том, что будет с памятью о нем. Может ли он рассчитывать, что его жизнь оставит хоть какой-то след в будущем, если сам он не помнит своих прародителей. Знание истории и “аргумент к истории” являются элементами культа рода, который наполняет смыслом индивидуальное существование» [13, с. 92].

Примечательно, что треть опрошенных нами респондентов интересуется своей родословной для того, чтобы лучше разобраться в мотивах своего поведения, т. е. лучше понять себя, что является необходимым компонентом самоидентификации личности.

Наиболее важным для нашего исследования нам видится вопрос о предке, который обманул ожидания и оказался недостойным человеком. Думается, что таких в процессе изучения родословной может оказаться в масштабах страны немало, учитывая как социально-политические катастрофы XX в., так и тот факт, что по недостойному поведению найти человека в архивах проще, чем по достойному. Ответы на данный вопрос распределились следующим образом: 92,0 % респондентов выбрали вариант ответа: «Буду искать дальше, ничем не смущаясь – это всего лишь часть истории моего рода, и я приму ее такой, какая она есть». Лишь 3,9 % респондентов готовы в этом случае сделать выводы относительно собственной жизни. 1,3 % респондентов в этом случае вообще не склонны озадачиваться, для них поиск предков не более чем увлекательная игра. Примечательно, что при ответе на предыдущий вопрос – о причинах интереса к поиску своих предков – этот поиск рассматривали как игру более 46,0 % респондентов. Таким образом, для абсолютного большинства из этих 46,0 % при обнаружении недостойного предка эта игра перестает быть игрой, не перерастая, однако, в личную проблему.

Заслуживает внимание самостоятельный ответ на этот вопрос: «Буду думать, похож ли я на него».

Малый процент ответов тех, кто готов делать выводы относительно своей жизни, с нашей точки зрения, вполне ожидаем, поскольку в нашу позитивистскую эпоху мысль о том, что поведение предков в прошлом как-то может влиять на нашу жизнь здесь и сейчас, пока не является популярной, так же, как и мысль об ответственности за поступки своих предков.

Необходимо отметить внимание к вопросу о «неудобных предках» со стороны ученых. С одной стороны, как отмечается в уже упоминавшихся выше тезисах уральских родоведческих конференций, «с психологической (прагматической) точки зрения, не говоря уже о нравственном аспекте (уважение к своим предкам), гораздо эффективнее признание всех моментов жизни уже умершего или еще живого предка. Психологи на своих консультациях и тренингах часто занимаются оказанием помощи клиентам в принятии своего личного и родового прошлого таким, какое оно было» [2]. Эта позиция, как видно из распределения ответов на вопрос нашего исследования, уже хорошо усвоена, в частности, потому что является вполне комфортной для человека.

Однако помимо такого психотерапевтического подхода к «неудобным» предкам имеет смысл отметить и некоторые другие.

Вызывает интерес судьбоанализ, введенный в научный обиход Леопольдом Зонди. Судьбоанализ – такое направление, которое делает сознательными бессознательные притязания рода (предков) личности. Это означает, что «индивидуум в судьбоанализе конфронтрует со своими бессознательными возможностями судьбы и стоит перед другой личностной формой существования» [14, с. 38]. Заслуживает также внимания книга французского психолога, основателя Международной ассоциации групповой психотерапии А. Шутценбергер, созданная на основе ее двадцатилетней научной деятельности и клинической практики, в которой она приходит к выводу, что человек далеко не так свободен, как ему кажется, и порой ему приходится оплачивать долги своих предков.

Находясь на позициях трансгенерационного подхода, А. Шутценбергер отмечает: «Очевидно, что некоторые из нас носят в себе “склепы”, или могилы, где они как бы закопали плохо захороненных покойников, “плохо умерших” – похороненных с такими тайнами, о которых невозможно рассказать потомкам, либо преждевременно умерших (ставших жертвами убийства, геноцида)» [15]. На позициях этого же подхода находится французский психоаналитик, педиатр, специалист в области детского психоанализа Ф. Дольто. Исследуя механизмы межпоколенной передачи, она предполагает наличие связи между бессознательным матери и бессознательным ребенка, который угадывает и чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений [16]. С позиций этого подхода простое «принятие» своего предка таким, каким он есть, вряд ли может привести к желаемому психологическому равновесию, и единственное, что может помочь, это ясное и трезвое осознание всей меры своей личной ответственности за прошлое своей семьи.

Следующий наш вопрос был о предпочитаемых методах исследования. Как оказалось, большая часть респондентов (45,5 %) предпочитает использовать все перечисленные нами методы исследования; на втором месте – опрос родственников и разбор семейного архива (31,2 %). На третьем месте стоит использование электронных баз данных и Google (5,8 %), на четвертом месте – работа в архивах и библиотеках (3,2 %) и на последнем месте – поиск предков в социальных сетях (1,9 %). Такое распределение ответов оказалось отчасти ожидаемым, поскольку первоначальный толчок к изучению прошлого своей семьи, скорее

всего, дается в самой семье, а не извне, и прежде всего ведет к изучению семейного архива. Посещение же архивов и библиотек в цифровую эпоху мало кому видится эффективным, что представляется заблуждением и свидетельствует о пока еще недостаточно высокой культуре работы с информацией. Минимальный процент тех, кто предпочитает искать родственников в социальных сетях, возможно, связан с недоверием к этому методу, отразившимся в одном из свободных ответов: «Использую все, кроме социальных сетей – слишком много ботов и аферистов».

На вопрос о том, насколько удалось продвинуться в своих поисках, ответы распределились следующим образом: 31,8 % хорошо изучили своих предков до четвертого колена (прабабушек и прадедушек); 29 % изучили своих бабушек и дедушек; 16,2 % – изучивших своих предков пятого колена (прапрабабушек и прапрадедушек); глубже в поиски ушли всего 22,1 % респондентов. По нашему мнению, это свидетельствует о среднем в целом уровне стабильности интереса к изучению своей родословной и вполне коррелирует с распределением ответов на предыдущий вопрос, поскольку сведения о предках третьего и четвертого поколений в большинстве случаев можно получить из семейного архива. Преимущественное обращение к семейному архиву также косвенно свидетельствует о причинах того, что люди мало подготовлены к принятию информации о недостойном поведении своих предков, поскольку сведения такого характера по понятным причинам редко попадают в семейный архив.

Заключение. Результаты проведенного эмпирического исследования отчасти подтвердили нашу гипотезу. Выводы из него можно сделать следующие:

1. Интерес к изучению своей родословной обусловлен желанием как заполнить досуг увлекательным занятием, так и изучить прошлое своей семьи и тем самым лучше понять историю страны. Мотив повышения собственной значимости хотя бы в собственных глазах также играет определенную немалую роль.

2. В случае обнаружения нежелательных результатов преимущественно актуализируются защитные механизмы, обеспечивая сохранение психологического комфорта.

3. Исследование показало определенную стабильность в изучении респондентами своей родословной, достаточную для того, чтобы углубиться в поиски предков пятого колена и выше.

В заключение следует отметить, что результаты проведенного исследования могли бы лечь в основу дальнейших исследований, связанных с изучением ответственности человека за прошлое своей семьи как проблемы культурной самоидентификации личности, ориентированных на отдельные группы респондентов, дифференцированных по возрасту, по социальному положению, а возможно, и по ряду других параметров. Результаты таких исследований, с нашей точки зрения, помогли бы увидеть в новом ракурсе проблему духовной жизни общества, а также стали бы важным вкладом в теорию и практику психолого-педагогической науки и социальной работы с различными группами населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Psychologies. Зачем мы ищем своих предков. URL: <http://www.psychologies.ru/roditeli/generations/zachem-myi-ischem-svoih-predkov/> (дата обращения: 07.10.2019).

2. Гладышев Д. Тезисы Уральских родоведческих конференций «Принятие прошлого во имя психологического благополучия». URL: <http://www.okorneva.ru/teziyi-uralskih-rodovedcheskih-konferentsiy/prinyatie-proshlogo-vo-imya-psiologicheskogo-blagopoluchiya/> (дата обращения: 07.10.2019).

3. Интерес россиян к своей родословной и традициям своей семьи. URL: <https://so-obshchestvo.ru/issledovaniya/reliz-issledovaniya-interes-rossiyan-k-svoej-rodoslovnoj-i-traditsiyam-svoej-semi/> (дата обращения: 07.10.2019).

4. Лагойда Н. Г. Изучение истории семьи и ее значение для современной молодежи // Вестн. БГУ. 2008. № 5. С. 225–232.

5. Извеков И. Н., Зимовина О. А. Генеалогическая культура в системе влияний на саморазвитие самосознания молодежи в регионах России // Региональные проблемы. 2014. Т. 17, № 2. С. 97–100.

6. Бабушкина О. Ю. Особенности организации генеалогических исследований школьниками // Исследователь/Researcher. 2009. № 2. С. 166–179.

7. Аксельрод В. И. Соединить разорванную нить // Вестн. Акад. детско-юношеского туризма и краеведения. 2013. № 2 (107). С. 72–79.

8. Полевая И. А. «Чьих будете» (опыт составления родословной) // Вестн. Акад. детско-юношеского туризма и краеведения. 2015. № 3. С. 178–184.

9. Гуткевич Е. В. Современная семья в аспекте психологии здоровья личности: проблемы развития и возможности превенции // Сибирский психол. журн. 2014. № 51. С. 120–131.

10. Токарев А. С. «Бессмертный полк» – символический анализ // Вестн. Пермского научного центра УРО РАН. 2016. № 5. С. 77–85.

11. Тычинина М. Сокровища архива. Что расскажут документы эвакуации из блокадного Ленинграда? URL: <http://frompastwithlove.com/kak-iskat-predkov> (дата обращения: 07.10.2019).

12. Сапоровская М. В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психол. исслед.: электрон. журн. 2010. № 1 (9). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n1-9/287-saporovskaya9.html> (дата обращения: 03.11.2019).

13. Нескрябина О. Ф. Тема русской духовной традиции в медиадискурсе // Вестн. Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2010. № 2 (6). С. 90–95.

14. Соловьев Г. Е. Судьбоанализ Леопольда Зонди // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2005. № 9. С. 35–45.

15. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / пер. с фр. И. К. Масалкова; ред. М. Бурняшев. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001.

16. Дольто Ф. На стороне ребенка / пер. с фр. Е. В. Баевской, О. В. Давтян. Екатеринбург: Рама Паблишинг. 2010.

Информация об авторе.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творчества, самоидентификация и развитие личности, свобода и ответственность личности в медиaprостранстве. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>. E-mail: mashutka331@yandex.ru

REFERENCES

1. Psychologies. Why are we looking for our ancestors, available at: <http://www.psychologies.ru/roditeli/generations/zachem-myi-ischem-svoih-predkov/> (accessed 07.10.2019).

2. Gladyshev, D. Theses of the Ural pedagogical conferences “Acceptance of the past in the name of psychological well-being”, available at: <http://www.okorneva.ru/teziy-uralskih-rodovedcheskih-konferentsiy/prinyatie-proshlogo-vo-imya-psihologicheskogo-blagopoluchiya/> (accessed 07.10.2019).

3. The interest of Russians in their family tree and the traditions of their family, available at: <https://so-obshchestvo.ru/issledovaniya/reliz-issledovaniya-interes-rossiyan-k-svoej-rodoslovnoj-i-traditsiyam-svoej-semi/> (accessed 07.10.2019).

4. Lagoyda, N.G. (2008), "Studying of a History of Family and its Value for Modern Youth", *BSU bulletin*, no. 5, pp. 225–232.
5. Izvekov, I.N. and Zimovina, O.A. (2014), "Genealogical culture influence on the development of youth self-consciousness in Russia", *Regional'nye problemy* [Regional Problems], vol. 17, no. 2, pp. 97–100.
6. Babushkina, O.Yu. (2009), "Features of the organization of genealogical research by schoolchildren", *Issledovatel'/Researcher*, no. 2, pp. 166–179.
7. Aksel'rod, V.I. (2013), "Connect ripped thread", *Vestnik akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya* [Bulletin of the Academy of Children and Youth Tourism and Local History], vol. 2 (107), pp. 72–79.
8. Polevaya, I.A. (2015), "WHOSE will?" (the experience of developing pedigree), *Vestnik akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya* [Bulletin of the Academy of Children and Youth Tourism and Local History], no. 3, pp. 178–184.
9. Gutkevich, E.V. (2014), "Modern family in aspect of psychology of health of the personality: problems of development and possibilities of prevention", *Siberian Journal of Psychology*, no. 51, pp. 120–131.
10. Tokarev, A. (2016), "Immortal Regiment" – Symbolic Analysis", *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 77–85.
11. Tychinina, M. "Treasure archive. What will the evacuation documents from the besieged Leningrad tell?", available at: <http://frompastwithlove.com/kak-iskat-predkov> (accessed 07.10.2019).
12. Saporovskaya, M.V. (2010), "Methodology, theory and practice of studying intergenerational relation in family context", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies], no. 1 (9), available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n1-9/287-saporovskaya9.html> (accessed 03.11.2019).
13. Neskryabina, O.F. (2010), "Russian Spiritual Tradition in Media Discourse", *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, no. 2 (6), pp. 90–95.
14. Solov'ev, G.Ye., (2005), "Leopold Zondi's destiny analysis", *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, no. 9, pp. 35–45.
15. Schutzenberger, A.A. (2001), *AIE, MES AIEUX! Liens transgenerationels, secrets de famille, syndrome d'anniversaire transmission des traumatismes et pratique du genosiciogramme*, Transl. by Masalkov, I.K., in Burnyashev, M. (ed.), Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, Moscow, RUS.
16. Dolto, F. (2010), *La cause DES ENFANTS*, Transl. by Baevskaya, E.V., Davtyan, O.V., Rama Publishing, Ekaterinburg, RUS.

Information about the author.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy) (2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 140 scientific publications. Area of expertise: Psychology and pedagogy of creativity, self-identification and development of personality, freedom and responsibility of the individual in the media space. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>. E-mail: mashutka331@yandex.ru

Expert Estimation of Effectiveness of Social Work with Migrants in Russian Government Institutions and Non-Profit Organizations

Ekaterina A. Kovtun[✉], Anastasia D. Yakolenko

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

[✉]ekaterin.kovtun@yandex.ru

Introduction. The main challenge faced by many migrants is problems arising during the integration in host communities. Social work with migrants and their families in Russia is an important area. However, up to now, a systematic understanding of what methods of social works used in government institutions and non-profit organizations with migrants are effective is still lacking. The purpose of the research is to study the state of social work with migrants in Russia and to identify the risk factors and the problems in the course of adaptation and integration of migrants into Russian society.

Methodology and sources. Data for this study were collected using the qualitative method of a survey to assess the practices of social work with migrants. Semi-structured interviews (30 interviews) were conducted in 2017–2019 in St Petersburg, Moscow and Kazan with employees of professional centers for work with migrants, scientists specializing in the study of migration processes in their various aspects, and organizers of regular events (seminars, conferences) on this topic. Sampling was formed using the snowball method to select the most qualified specialists and practitioners. The number of interviews made it possible to cover various areas of social work with migrants, both in government structures and in non-profit organizations, and to examine both the practice of social work and the management sphere. Processing of results was conducted using the method of expert assessments.

Results and discussion. According to the results of interviews, authors identify that the effectiveness of the social works in this sphere is determined by different components of integration with the host community: legal literacy of foreign citizens, increasing their legal security, improving access to health care and education, to housing and the labor market, improving the professional skills of migrants and their knowledge of the Russian language, history and socio-cultural foundations of Russian society.

Conclusion. Based on expert assessments, the most effective practices of social work with migrants in the process of adaptation were identified: legal advice, orientation courses, mobile counseling points where migrants can get advice from a social worker, a lawyer, and a doctor, and mobile applications integrated with state and non-state organizations. The results obtained show that the role of non-profit organizations (national cultural organizations for the preservation and development of cultures, the House of Friendship of Peoples) is growing.

Key words: expert, expert assessments, migration, migrants, social work, migration policy, work with migrants.

For citation: Kovtun E. A., Yakolenko A. D. Expert Estimation of Effectiveness of Social Work with Migrants in Russian Government Institutions and Non-Profit Organizations. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 72–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-72-82

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 11.11.2019; adopted after review 06.12.2019; published online 25.02.2020

© Kovtun E. A., Yakolenko A. D., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Экспертная оценка эффективности социальной работы с мигрантами в российских государственных учреждениях и некоммерческих организациях

Е. А. Ковтун[✉], А. Д. Яколенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]ekaterin.kovtun@yandex.ru

Введение. Социальная работа с мигрантами и их семьями в России является важным направлением государственной политики. Однако до сих пор отсутствует системное понимание того, какие методы социальной работы с мигрантами, используемые в государственных учреждениях и некоммерческих организациях, наиболее эффективны. Целью исследования является изучение состояния социальной работы с мигрантами в России и определение рисков и проблем в ходе адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Методология и источники. Данные для исследования были собраны с использованием качественного метода оценки практик социальной работы с мигрантами. Полуструктурированные интервью (в количестве 30) были проведены в 2018–2019 гг. в Санкт-Петербурге, Москве и Казани с сотрудниками профессиональных центров по работе с мигрантами, с учеными, специализирующимися на изучении миграционных процессов, и организаторами регулярных мероприятий (семинаров, конференций) на эту тему. Выборка формировалась методом снежного кома. Количество проведенных интервью позволило охватить различные направления социальной работы с мигрантами, как в государственных структурах, так и в некоммерческих организациях, а также рассмотреть как практики социальной работы, так и управленческую сферу. При обработке данных использовался метод экспертных оценок.

Результаты и обсуждение. В результате исследования выявлено, что эффективность социальной работы с мигрантами определяется следующими обстоятельствами: улучшением информационной осведомленности и правовой грамотности иностранных граждан, повышением уровня их правовой защищенности, улучшением доступа к услугам здравоохранения и образования, помощью в поиске жилья и трудоустройстве, повышением профессиональной квалификации и совершенствованием знания русского языка, истории и социально-культурных основ жизни российского общества.

Заключение. На основе экспертных оценок определены наиболее эффективные практики социальной работы с мигрантами: юридические консультации, адаптационные курсы, мобильные консультационные пункты, а также мобильные приложения, интегрированные с государственными и негосударственными организациями. Полученные результаты показывают, что возрастает роль некоммерческих организаций (национальных культурных организаций по сохранению и развитию культур, Домов дружбы народов), которые помогают мигрантам быстрее и эффективнее адаптироваться к новым условиям и интегрироваться в принимающее сообщество.

Ключевые слова: эксперт, экспертные оценки, миграция, мигранты, социальная работа, миграционная политика, работа с мигрантами.

Для цитирования: Ковтун Е. А., Яколенко А. Д. Экспертная оценка эффективности социальной работы с мигрантами в российских государственных учреждениях и некоммерческих организациях // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 72–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-72-82

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 11.11.2019; принята после рецензирования 06.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Introduction. Migration processes lead to the transformations in society and either perform significant social functions, contributing to the preservation of socio-political stability or lead to some dysfunctional changes. Migration today is one of the most topical social processes considered at various levels: from the international high-level dialogue on migration with the participation of the UN (UNGA resolution 66/288) to decisions at the level of countries and regions. There is a great variety of migration flows caused by changes in social, economic, political, demographic conditions in different regions of the world.

International migration makes a significant contribution to the economy of host countries, complementing the local workforce and filling the labor shortage. At the same time, migrants in the host community are facing challenges in adapting and socializing to the new environment as lack of knowledge of the host country language, its legislation, especially in the field of labor relations, rules of stay and obtaining official status, obtaining the necessary legal and social assistance, including unfamiliar culture and the household way. Integration should be seen as a natural outcome of the process that allows a migrant to live independently of external support and obtain a social status that ensures his or her stability including the permanent employment, social support, permanent dwelling, and education for children [1]. The institutions of social work with migrants on the state level and level of non-government organizations have a significant role as a guarantee of the human rights protection and provide contributions for the successful integration of migrants in the host society because the rights of migrants and national jurisdictions appear to be closely [2].

The study of migration by the methods of sociological science is started by T. I. Zaslavskaya, who singled out three phases of the migration process: the decision to resettle, self-movement and adaptation in the new environment, and revealed that the individual's stereotypes and social attitudes influence the population's migration behavior [3]. According to A. A. Lakomova, a migrant chooses a strategy of behavior, a scenario of adaptation and integration, based on the problems that he/she faces [4]. In this regard, the urgent adaptation of migrants requires the identification and study of emerging problems of migrants and their families in the host country. For example, researchers note the following aspects of migration experience identified during interviewing migrants: the language and cultural barrier; the feeling of loneliness, including regard to friends or family; problems of friendly contacts in the new environment; migration status and length of stay in it; previous work experience [5].

According to the International Migration Report 2017, prepared by the UN Population Division, by mid-2017, the number of international migrants reached about 258 million people (3.4 % of the total world population). According to statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2018, there were 17 764 489 facts of migration registration of foreign citizens and stateless people [6]. In sociological science, migration is considered as a special social process. The specificity of migration lies in shaping the factors of mobility, the process of the movement itself, the adaptation of migrants in the new territory while preserving group identity [7].

The development of the government and non-profit institutions of social work poses new questions: what social problems of migrants are the most acute, what methods of social work with migrants and their families are most effective? We would like to highlight a point of view that areas of migration research are evolving. The key feature of the development of the research process is interdisciplinary [8] that integrating different levels of analysis, rethinking the relationship between migration processes and exploring the institutions of interaction with migrants in host communities

[9]. It is noted that the analysis of the basic structures of society and socially important spheres of activity, which also developed and implemented measures for adaptation and integration of migrants (politics, economics, law, health care, religious communities, the institution of the family, the mass media and others), as they determine the success of the integration of the migrant in the host community should be included in the study as well.

Methodology and sources. The institute of social work plays one of the most important roles in the process of integration of migrants in the host community. Existing studies highlight the importance of state and charitable social support for workers and their families because they are faced with the problems of different nature in the process of adaptation: social, legal, educational, medical, labor ones.

Questions of social support for migrants are mainly viewed through the migration policy trends, while questions which are also interested us are following: what specific problems do migrants most often face in Russia and which social work practices are the most successful in working with migrants?

The aim of the paper is to examine the state of social work with migrants on state-level and level of non-profit organizations in Russia and to identify the key problems of adaptation and integration of migrants into Russian society through the prism of expert assessments. The stages of research included:

- analysis of expert opinions and determination of the general characteristics of the state of social work with migrants in Russia at the moment;
- identification of the effectiveness of existing mechanisms for working with migrants;
- identification and ranking the social, political, economic factors influencing the processes of adaptation and integration of migrants in the host community;
- highlighting the groups of migrants who most in need of social support.

Social values of social and cultural patterns changes as a result of migration are also important in their influence on the shape and scope of migratory mobility [8], which implies consideration of migration as a central part of the processes of social change. Qualitative research methods are necessary to ensure an understanding of individual actions and actions of a social community, and to understand the cultural characteristics of countries of origin, transit and host countries [10, p. 21], which makes it possible to identify the main possible problems of migrants who fall into the new social environment. Our research is directly focused on the practices of social work which include the daily interaction of migrants and their families with representatives of social services, authorities, public organizations. According to L. M. Libakova and E. A. Sertakova [11], the advantage of using expert interviews is the ability to obtain previously unknown reliable information, assessments and opinions from the respondents with high professional qualifications and competent in the research question. This determines the choice of expert semi-structured interviews as a research method.

In 2018–2019 semi-structured interviews (N = 30) were conducted among the scientists who specialize in the study of migration, practicing sociologists and lawyers, specialists in the field of social policy and work with migrants, including employees of the Russian branch of the Red Cross and the High Commissioner of the UN Refugee Agency in Russia, civil servants. Sampling is based on the snowball method. The sample includes employees of professional

centers for work with migrants, scientists specializing in the study of migration processes in their various aspects, and organizers of regular events (seminars, conferences) on this topic.

Sociology provides opportunities for a comprehensive study of migration as a social process in all its diversity. The field of sociological study of migration includes a wide range of issues such as, for example, the intensity of migration mobility of various population groups, the dynamics of social attitudes of migrants and citizens of host countries, the features of migration processes and the adaptation process of migrants in different regions, forecasting the impact of migration processes on countries of origin, transit countries and host countries. T. Yudina in her study emphasizes the role of sociology as an integrative science and expresses the need to create an integral special sociological theory of migration [7]. One of the most popular problems in the sociology of migration is the adaptation of migrants.

Results and discussion. Based on the results of the interview we identified the types of problems that migrants most often face and which they address to organizations and structures that provide social assistance to migrants (tab. 1).

Table 1. Problems faced by migrants

Problem	Extracts of the interview
Employment problem	<i>Illegal employment:</i> "... very often we are confronted with the problem that people who officially have refugee status are denied employment. Therefore, migrants and refugees have to work illegally and support the shadow economy", "... many employers violate the law, for example, migrants come seasonally for 3 months, they do not get a working patent because it is expensive", "... if migrants have a good command of the language, then they, of course, have fewer problems. However, if they speak the language poorly, they can be deceived by employers and middlemen in finding employment". <i>Violation of employment conditions:</i> "... medical and sanitary standards are at a critical level"
Access to information	<i>Knowledge of legislation:</i> "... they don't know specific regulations and how they change", "... when they get to a big city, they don't know where to go, often turn to countrymen for help in drawing up documents, often face legal difficulties", "... they have major questions: where to go? What is the procedure?", "... migrants do not have time to keep track of new rules, for example, the changed terms of registration"
Quality of life	"... if you take, for example, labor migrants from Central Asia, they have the minimum wage level"
Financial problem	"... the cost of migrant entry into the labor market has increased. This includes the purchase of a patent and payment of courses, documentation, housing rental, etc."
Education	"... in recent years there have been many questions about education. Migrants want to get an education, want to educate their children because many come with children", "... there is a lot of negative experience when a migrant is a specialist in the industry that is not in demand or has a diploma of a sample from another country not listed in Russia"
Promotion and protection of human rights	"... the migrant is afraid to apply to the authorities in case of violation of labor rights, because he/she is simply not sure of the legality of the registration of his/her own documents", "... the social insurance, medical and pension insurance system just got started to work"
Socialization and adaptation	"... stigmatization of certain migrant groups in the public consciousness and the media, transmission of stereotypes and myths about migrants"

The main problems of migrants in the opinion of experts are problems associated with employment and salary, difficulties with documents, obtaining medical care, education. In addition, during the interview, the following problems on the level of social and migration policy were noted: calculation of pensions, social insurance, taxation, recognition in the host country of diplomas and qualifications obtained in another country.

Based on the expert interviews we concluded that the mechanisms of social work with migrants in Russia include a variety of effective methods of adaptation: legal advice, orientation courses, medical assistance; and the following tools which are convenient for migrants: mobile applications for migrants, integrated with state organizations and non-government services to help migrants (“Migrant”, “M-Help.”), hotlines, mobile counseling points in migrant work and residence, where migrants can get advice from a social worker, a lawyer, and a doctor. Special categories of migrants, most in need of social support, are provided with accommodation and meals, there are such programs as “Nochlezhka”, “Mother and Child”, “Thank you”, “Light of Hope”, “Searchfund”, “Karita”, etc. (tab. 2).

Table 2. Practices of social work with migrants in Russia

Field of activity	Social work practices
Health care	Free medical consultations
Education	Preparation of migrant children for school and final exams, courses for adults: language courses, professional retraining courses
Legal assistance, information	Free consultations on various issues: legislation, employment, social assistance, education; publications in different languages with information about the procedures for obtaining social services, execution of documents
Socialization and adaptation	Thematic forums, visits, and events that unite and reveal the national characteristics of peoples and cultures; integration centers and shelters for the temporary stay of vulnerable categories of migrants
Conflict mediation	Monitoring international relations; training; social advertising aimed at increasing tolerance; psychological counseling; involvement of diasporas and non-profit organizations in conflict resolution

According to expert estimates, consulting services are very popular among migrants; about 80 % of requests for social support are consultations on various issues: employment, registration of documents, and registration at the place of stay. For example, the Russian Red Cross provides advice on asylum, citizenship, social benefits, conducts training and retraining courses (web design, hairdressing, culinary courses, etc.). Children from families of migrants can attend courses on preparation for final examinations at school. Education enables migrants and their children to supply skills that can be used in work and everyday life [12, 13].

It should be noted that many experts highlight the positive role of non-profit and charitable organizations in working with migrants and their adaptation. These include regional branches of international organizations (for example, the Russian Red Cross branch) and separate small projects (assistance to vulnerable categories of abandoned children, pregnant migrant women). Adaptation of migrants is also necessary for the host society itself. According to one of the experts, adaptation is impossible only at the state level, the practice of socialization and adaptation of migrants and their families should be implemented through volunteer centers, non-profit organizations. At the level of the state policy, such projects are supported through a system of grants, state authorities provide assistance in organizing events, providing venues for information, informational support, and allocating subsidies for events.

According to the experts' integration with the host community allows migrants to adapt faster and more efficiently. In this regard, the role of non-profit organizations (national cultural organizations for the preservation and development of cultures, the House of Friendship of Peoples) that preserve the cultures of peoples and develop a dialogue between them is growing. Successful adaptation of migrants in the host society is the basis for stability within the state,

protecting the security of both citizens and migrants, as well as preserving state sovereignty. At the same time, experts highlight the need for adaptation and integration among families arriving for permanent residence, who, on the one hand, want to integrate, and on the other, want to preserve their culture.

The state system of social insurance, medical and pension benefits for migrants is in the development process. Today Russia protects the rights of migrants and provides a minimum level of social protection and social guarantees for migrants, including, for example, medical care. Among positive practices of migration policy and social assistance, there are simplified procedures for ensuring social guarantees under agreements between countries (CIS, the Eurasian Economic Union): recognition of diplomas, the record of work experience, reduced tax rate, unscheduled medical care, etc.

Among the surveyed experts, labor migrants (legal) are most frequently mentioned in the context of the provision of social services and the amount of social assistance. Also frequently raised are issues related to the mechanisms for the simplified provision of social assistance rights for migrants. Also, it is noted that illegal migrants and their families are one of the most socially unprotected categories. During the interviews processing the categories of migrants most in need of social assistance and support both on the state-level and level of charitable, non-government structures, were also identified: temporary labor migrants, people arriving for permanent residence, unemployed members of migrant families, children of migrants, refugees and asylum seekers, displaced people and compatriots, foreign students.

During the interview, the experts noted that there are no universal practices of social work with migrants in the government institutions and non-government organizations, because we should take into account the specifics of each region and its possibilities. Nevertheless, the possibility of exchanging practical experience is positive, both for practitioners and scientists studying migration processes, allowing them to share experiences and build social work with migrants more effectively.

In general, there are four levels of social work: local, municipal, regional, federal. At the local level, it is possible to provide targeted assistance, work with certain categories of migrants, and with representatives of organizations that help in the adaptation of migrants, for example, representatives of cultural centers and diasporas. At the municipal level, social work is represented by working in collaboration with educational and medical institutions. At the regional level, many organizations develop and carry out activities, programs for the adaptation of migrants and the development of interethnic relations, the formation of tolerance, and cooperation with cultural institutions. At the federal level, social work with migrants includes the development of a state migration policy strategy, the removal of barriers in the field of pension insurance through international agreements with transit countries, and work with the media to create the tolerant perceptions of migrants by the host society. The development of effective social work practices on the state-level will make it possible to use the benefits of international migration in the interests of countries of origin and destination, in the interests of migrants and their families, and also reduce the negative effects of migration.

During the interview experts noted areas of work with migrants that are important for the effective development of social work with migrants in Russia and for improving the quality of migrants' life (tab. 3).

Table 3. Directions of work with migrants (recommendations)

Direction	Recommendations
Employment	Do not increase the cost of the patent to attract migrants to the labor market and to reduce the likelihood of their transition to the underground economy. It is proposed to work with employers, at the invitation of which the migrant came, in case of refusal to provide work
Taxation	Encourage law-abiding migrant workers through tax cuts
Social security, insurance	The development of agreements between states to simplify procedures for recording seniority, recognition of diplomas, and retirement benefits
Active involvement of non-profit organizations in work with migrants	Primary receptions, consultations can be carried out through volunteer centers, personnel centers, non-profit organizations

Among the possible areas of work and prospects experts also called the introduction of a procedure to restrict the legality of stay, location, and origin of migrants to provide rights and social guarantees to those migrants who have lived for long in the territory of one state and integrated into society. Besides, experts put forward the ideas of creating single documents for pension insurance, which will remove several restrictions and barriers for migrants through agreements between countries and groups of countries. Also, respondents noted the importance of social work with migrants of various categories, including illegal migrants in Russia, because it will reduce the negative perception of migrants in the host society.

Conclusion. The results of the study showed that the institute of social work in Russia is necessary and it solves a wide range of problems related to the problems faced by migrants. Russian government institutions and non-profit organizations play an important role in the process of social support and integration migrants in the host society. The main difficulties that migrants face during the adaptation are paperwork, access to information, legal and financial difficulties, and employment issues. Analyzing the current state of social protection of migrants, experts noted that migrants have fewer opportunities to get social assistance in comparison with Russian citizens who receive more social services. However, at the same time, experts emphasize that under special agreements and arrangements, for example, in the EAEU, migrants can receive social guarantees as health insurance and pension benefits in a simplified manner.

Social work with migrants in Russia at various levels includes such practices as counseling on problematic issues (paperwork, migrant health, legal assistance, explanation of procedures and the provision of information), the provision of local social assistance (provision of temporary housing and food), the organization of social and cultural events (forums, festivals), mediation in resolving conflicts and harmonizing inter-ethnic relations. An important role in each of these areas is played by non-profit and charitable organizations and diaspora communities.

Many scientists note the positive role of moderate migration and the harm of large-scale one [14, 15]. The optimal number of migrants is reflected in how quickly they join the indigenous population. Social work is a mechanism of socialization, adaptation and integration of migrants in the host community. A proponent of mass migration Michael Clemens believes that society needs to ask whether immigration will bring long-term benefits to the population of a country [15]. The key aspect is not economic consequences, but “social results”. Paul Collier notes among them an increase in the diversity of society, which provides more opportunities and therefore creates an additional incentive and choice. Migration processes in Russia have had and continue to have a significant impact on the formation of the socio-economic situation, while

maintaining the traditional character and obvious significance for the development of production in the country [16].

After analyzing the range of social work practices both in the government institutions and in non-profit organizations identified during the interview, it is legitimate to conclude that the system of social work with migrants in Russia is quite flexible. Within this system, the choice of social work mechanisms takes into account the specifics of the region. In many ways, it leads to the absence of unified practices of social work with migrants. At the same time, the use of various modern practices and the exchange of experience with other countries can improve the efficiency of the social work system with migrants and their families.

REFERENCES

1. Brednikova, O.E. (2018), "Social work on the integration of labor migrants in transnational contexts", *The scientific and practical conference "Integration and adaptation of migrants and refugees in Russia"*, Spb, RUS, 15 Nov. 2018, pp. 49–55.
2. Boyashov, A. and Kuteynikov, A. (2017), "Migrant's Rights at a System of the European Convention on Human Rights", *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, Future Academy*, no. XXXVIII, pp. 89–96. DOI: 10.15405/epsbs.2018.04.11.
3. Zaslavskaya, T.I. and Rybakovskij, L.L. (1978), "The processes of migration and their regulation in a socialist society", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 64–72.
4. Lakomova, A.A. (2016), "Social adaptation of migrants: Russian and international experience", *Ogarev-online*, no. 23, available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (accessed 21.11.2019).
5. Vazquez Maggio, M. and Westcott, H. (2014), "Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants", *Qualitative Research Journal*, no. 14(3), pp. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029.
6. Summary of the main indicators of the migration situation in the Russian Federation during January-December (2018), *Ministry of internal Affairs of the Russian Federation*, available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/> (accessed 21.11.2019).
7. Yudina, T.N. (2006), *Sociologiya migracii* [Sociology of Migration], Akademicheskij Proekt, Moscow, RUS.
8. Amelina, A. and Horvath, K. (2017), "Sociology of migration", in Korgen, K. (ed.), *The Cambridge Handbook of Sociology Core Areas in Sociology and the Development of the Discipline*, pp. 455–464, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: 10.1017 / 9781316418376.046.
9. Kraal, K. (2008), "The future for migration research in Europe", *IMISCOE Policy Brief*, no. 7, pp. 1–7.
10. Vargas-Silva, C. (ed.) (2012), *Handbook of Research Methods in Migration*, Cheltenham, Norzhampton: Edward Elgar, Cheltenham, UK. DOI: 10.25336/P6H03S.
11. Libakova, N.M. and Sertakova, E.A. (2015), "The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North", *Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences*, no. 1, pp. 114–129. DOI: 10.17516 / 1997-1370-2015-8-1-114-129.
12. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls (2018), *UNESCO*, Paris, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (accessed 21.11.2019).
13. Good Practices in Migrant Integration: trainer's manual (2018), *OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR)*, available at: <https://www.osce.org/odihr/393527?download=true> (accessed 21.11.2019).
14. Collier, P. (2016), *Exodus: How Migration is Changing Our World*, Transl. by Edel'man, N., Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Moscow, RUS.

15. Clemens, M.A. (2011), "Economics and emigration: Trillion-dollar bills on the sidewalk?", *Journal of Economic Perspectives*, vol. 25, no. 3, pp. 83–106.

16. Epstein, N.D. (2012), "The role of the migration of population in the formation of the socio-economic situation", *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO* [Economics, statistics and computer science. Bulletin of UMO], no. 4, pp. 164–169.

Information about the authors.

Ekaterina A. Kovtun – Master (Sociology) (2018), Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 14 scientific publications. Areas of expertise: social work with migrants, sociology of corruption, anti-corruption policy in Russia. E-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

Anastasia D. Yakolenko – Master (Sociology) (2018), Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 19 scientific publications. Areas of expertise: sociology of law, political sociology, human rights. E-mail: yakolenko@mail.ru

Acknowledgments. The authors are grateful to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the financial support of the project "Creating a model of a multifunctional centre of competencies in social work with migrants under conditions of their growing inflow in Russia and Switzerland to mitigate threats to society, the economy, the state". Project ID is RFMEFI61317X0072.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бредникова О. Е. Социальная работа по интеграции трудовых мигрантов в транснациональных контекстах // Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России: сб. мат. науч.-практ. конф., СПб., 15 ноября 2018 г. С. 49–55.

2. Boyashov A., Kuteynikov A. Migrant's rights at a system of the European Convention on Human Rights // WELLSO, 2017. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, Future Academy*, XXXVIII, 2017. P. 89–96. DOI: 10.15405/epsbs.2018.04.11.

3. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социол. исслед. 1978. № 1. С. 64–72.

4. Lakomova A. A. Социальная адаптация мигрантов: отечественный и международный опыт // ОГАРЁВ-ONLINE. 2016. № 23. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (дата обращения: 21.11.2019).

5. Vazquez Maggio, M., Westcott, H. Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants // Qualitative Research J. 2014. № 14 (3). С. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029.

6. МВД России. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/> (дата обращения: 21.11.2019).

7. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический проект, 2006.

8. Amelina A., Horvath K. Sociology of migration // *The Cambridge Handbook of Sociology Core Areas in Sociology and the Development of the Discipline*, in K. Korgen (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 455–464. DOI: 10.1017 / 9781316418376.046.

9. Kraal K. The future for migration research in Europe // IMISCOE Policy Brief. 2008. № 7. P. 1–7.

10. Vargas-Silva, C. (ed). *Handbook of Research Methods in Migration*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2012. DOI:10.25336/P6H03S.

11. Libakova N. M., Sertakova E. A. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North // J. of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences. 2015. № 1. С. 114–129. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-1-114-129.

12. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls (2018), UNESCO, Paris, available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (accessed 21.11.2019).

13. Good Practices in Migrant Integration: trainer's manual. Warsaw, OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). URL: <https://www.osce.org/odihr/393527?download=true> (дата обращения: 21.11.2019).

14. Коллиер П. Исход: Как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

15. Clemens M. A. Economics and emigration: Trillion-dollar bills on the sidewalk // J. of Economic Perspectives. 2011. № 22 (3). P. 83–106.

16. Эпштейн Н. Д. (2012). Роль миграции населения в формировании социально-экономической ситуации // Экономика, статистика и информатика. Вестн. УМО. 2012. № 4. С. 164–169.

Информация об авторах.

Ковтун Екатерина Андреевна – магистр (социология, 2018), аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная работа с мигрантами, социология коррупции, антикоррупционная политика в России. E-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

Яколенко Анастасия Данииловна – магистр (социология, 2018), аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 19 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология права, политическая социология, правозащитные организации. E-mail: yakolenkoad@mail.ru

Тройное социальное конструирование питания

Ц. Цзинь✉

Пекинский университет, Пекин, Китай

✉j530519513@126.com

Введение. Человек и продукты питания постоянно находятся в взаимообусловленных отношениях. На протяжении всей истории человечество пыталось изменить или улучшить подобные регламентированные взаимоотношения.

В статье рассматриваются проблемы социологии питания, связанные с изучением социальных практик питания. Отмечается целесообразность включения в рамки социологии питания продуктов питания как объектов, которые влияют на конструирование социальных и организационных практик и оказывающих влияние на социальное взаимодействие акторов. Подчеркивается обратное воздействие питания на поведение человека как фактора социального процесса.

Методология. В данной работе для анализа социальной практики питания как социального процесса использована понятийная конструкция «социальное конструирование» с точки зрения социологии вещей, социологии познания и социологии питания.

Результаты и обсуждение. Социальное конструирование питания, делится на три типа. Номинативный тип – элементарное осознание веществ. Измерительный тип – дальнейшая систематизация знаний о продуктах питания и действиях, имеющих к ним отношение (различение веществ по признаку съедобности, установление различных основ продуктов или их социальные атрибуты, определение основных способов изготовления продуктов питания). Институциональный тип – определение, в какой форме проводить действия с продуктами и всем, что с ними связано (возникновение порядка трапезы и режима питания, преодоление первобытного натурализма в питании).

Исследуется гипотеза о том, что каждый уровень конструирования обуславливается социальной и структурной средой взаимодействия акторов.

Заключение. В современной системе питания номинативный, измерительный и институциональный типы конструирования находятся в сложном и запутанном состоянии. По причине временной последовательности истории система знаний, сконструированная предшественниками, превратилась в «наличные знания». Последующие поколения постепенно перестали различать сложность многоуровневых социальных конструкций реальности.

Анализ социального конструирования реальности может помочь лучше понять социальную природу питания. В частности, дать ответ на вопрос: как сами продукты питания являются социальными конструкциями, как они создаются нашим сознанием под воздействием уже имеющейся наличной системы знания, как конструируются их свойства (их вкусы), которые, как оказывается, являются не столько биологическими, но социокультурными свойствами.

Ключевые слова: питание, социология познания, номинативное социальное конструирование, измерительное социальное конструирование, институциональное социальное конструирование.

Для цитирования: Цзинь Ц. Тройное социальное конструирование питания // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 83–95. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-83-95

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 04.11.2019; принята после рецензирования 06.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Triple Social Construction of Food and Eating

Junkai Jin✉

Peking University, Beijing, China

✉j530519513@126.com

Introduction. Sociology of food and eating studies social practices of diet. It is necessary to include these issues in the framework of sociology of food and eating, such as how people construct food as a social object and organize social practices of diet; and how diet as a social process affects human behavior. This paper aims to show the social nature of diet and reveal the process of knowledgization and institutionalization of food and eating.

Methodology. This article analyzes the social construction of food and eating, focusing mainly on three directions - sociology of things, sociology of knowledge and sociology of food and eating.

Results and discussion. Social construction of food and eating is divided into three dimensions: nominal, measuring and institutional construction of food and eating. Each dimension of construction is determined by the social and structural environment.

Conclusion. In the modern system of food and eating, the nominative, measuring, and institutional type of construction are in a complex and confusing state. Because of the temporal sequence of history, the knowledge system constructed by the predecessors has become "knowledge at hand". Subsequent generations are gradually unable to recognize the complexity of multilevel social constructs of reality.

Key words: diet, sociology of knowledge, nominative social construction, measuring social construction, institutional social construction.

For citation: Jin J. Triple Social Construction of Food and Eating. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 83–95. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-83-95 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.11.2019; adopted after review 06.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. Человек и продукты питания постоянно находятся во взаимообусловленных отношениях. Предметы, являющиеся пищевыми продуктами, могут существовать в том или ином виде или исчезать и при отсутствии человека, при этом человечество при отсутствии продуктов питания, созданных из натуральных веществ, окажется на пороге гибели. Такая взаимосвязь человека и продуктов питания создает одно из самых важных – базовых – материальных отношений человечества. На протяжении своей долгой истории человечество пыталось изменить или улучшить подобные регламентированные взаимоотношения. Ф. Бродель обнаружил, что в истории человечества были четыре «продовольственные революции». Первая приходится на эпоху палеолита и знаменует собой переход к потреблению мяса. Вторая приходится на эпоху неолита – это переход к земледелию и скотоводству. Следующий переход связан с созданием мировой экономики и глобальной системы питания как следствие начала географических открытий и развития морской грузовой торговли. Последний переход связан с началом массового промышленного производства и созданием системы потребления [1]. Однако это не снимало полностью все ограничения, а являлось лишь попыткой человечества

найти некоторые пути компенсации напряженности на этом уровне материальных отношений. Однако в обществе вследствие человеческой деятельности (внутренней и внешней) на этом уровне материальных отношений снова появляется множество новых социальных отношений. Питание людей, будучи самой важной деятельностью в повседневной жизни человека, не стало объектом исследования в основных течениях социологии раннего периода. Начиная с Дюркгейма, социология вывела все натуральные, предметные и материальные отношения за рамки исследований. Только позже Бруно Латур по-настоящему ввел анализ материальных объектов в качестве объекта социологического исследования (примеры конкретных теоретических рамок и объектов исследования социологии питания даны в работах Ю. В. Веселова «Социология питания: теоретические основания» (2014), «Современная социальная система питания» (2015), «Повседневные практики питания» (2015) [2–4].

Социология вещей Б. Латура ставит перед нами два вопроса: «Что такое вещь?» и «Как материальный объект становится вещью?» [5]. По мнению автора, ответ на первый вопрос заключается в следующем: вещь – это то, что имеет фиксированную сущность; ответ на второй вопрос приводит к анализу истории и контексту процесса становления вещи. Б. Латур утверждает, что вещи как актанты не имеют фиксированной сущности и границы, они всегда находятся во временном союзе со своими социальными конструктами. Чтобы понять, как образуются материальные и вещественные факторы питания в качестве социальной составляющей, а также проследить взаимное влияние продуктов питания и человека, необходимо применить особый подход в рамках конструктивистского реализма при помощи исследования социального конструирования питания, объединяющего два момента – реальность и конструкцию питания.

В данной статье не ставится задача дать конечный ответ на философские вопросы о проблемах универсалий (реализм и номинализм, детерминизм материи и сознания и т. п.), создать общую теорию социального конструирования объективного существования общества. Здесь лишь предпринята попытка анализа восприятия человеком материальных предметов, используемых в качестве продуктов питания, с точки зрения социологии, а также анализа материальных отношений начального уровня (люди и признанные продуктами питания материальные предметы), в которых осуществляется социальное конструирование, и влияния социального конструирования на ограничение действий людей в общественной жизни. Некоторые положения данной статьи могут показаться сомнительными или носящими критический характер, однако это следствие попытки автора самостоятельно исследовать процесс социального конструирования питания.

Социальное конструирование социального мира и социология познания. Понятие «социального конструирования» в большой степени подверглось влиянию неокантианства и традиций феноменологии. Действительно, в основе исследования «Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания» [6] Питера Бергера (Peter L. Berger) и Томаса Лукмана (Thomas Luckmann), опубликованного в 1966 г., лежат идеи Альфреда Шюца (Alfred Schutz). Авторы исследования считают, что социология познания является основанием теории социологии, ее задача – проведение анализа социального конструирования реальности, а именно проведение анализа двойственного характера общества. С одной стороны, общество рассматривается как объективный факт (о чем говорил Дюркгейм), с

другой стороны, оно имеет доказанное Вебером субъективное значение понимания. Именно поэтому социология познания должна дать теоретическое объяснение объективному и субъективному конструированию.

А. Шюц также считал, что реальность и порядок многообразны. Каждый из них имеет свою собственную специфику и индивидуальную манеру существования (*style of existence*). Шюц разделил реальный мир на несколько видов: мир чувственного восприятия, или мир природных/натуральных вещей – это основная реальность (*paramount reality*), отдельно в этом виде реальности стоит мир «науки»; мир воображаемых/идеальных отношений; мир племенных идолов (*idols of the tribe*); сверхъестественный мир различных мифов и религий; различные миры особых личных мнений; чистый сумасшедший мир и мир фантазии [7, с. 291]. Конструирование реальности помимо наличия кратной конструктивности имеет также и культурные ограничения. Эти культурные ограничения носят исторический характер. Шюц считал, что мир повседневной жизни – межсубъективный мир (*intersubjective world*), который существовал задолго до нашего рождения, проинтерпретированный в результате опыта наших предшественников как организованный мир. Любая интерпретация этого мира основана на запасе (*stock*) предыдущих его познаний, а также на совокупности нашего собственного опыта и опыта, переданного нам нашими родителями и учителями. Данный запас познаний в форме «наличного знания» (*knowledge at hand*) [7, с. 208] функционирует в качестве схемы референции.

Автор не отрицает наличие объективных явлений и материи. Реальность подразумевает соответствие объективным явлениям, однако данные объективные явления, по сути, есть овеществление продукта социального конструирования человека. Это касается и натуральных предметов, хотя их существование обусловлено наличием определенных закономерностей в таких областях, как время, пространство, свойство и пр. Но каким образом человек может осознавать и выражать эти закономерности? Человек использует номинативное и измерительное конструирование для символизации этих закономерностей. Например, в естествознании ученые создали целый ряд математических, химических и физических номинативных знаков для обозначения неких реалий (время, пространство, таблица химических элементов и т. п.). После того как подобные знаки были приняты в научных кругах, они прошли символизацию и превратились в некую социальную реальность. Помимо этого, для более качественного исследования данных реальностей ученые также создали разнообразные знаки и формулы измерительного и вычислительного характера: единицы измерения времени и пространства, цифры, единицы веса и т. д.

Следует отметить, что у разных обществ существуют разные единицы измерения, например, измерения времени. Так, в ряду древних китайских единиц исчисления времени, помимо аналогичных арабских и римских математических цифр, имеются также иероглифические единицы времени, которые отличаются от принятых в современной науке: они делятся на две группы – это знаки десятичного цикла, так называемые «небесные столбы» (甲, 乙, 丙, 丁, 戊, 己, 庚, 辛, 壬, 癸), и знаки двенадцатилетнего цикла, так называемые «земные ветви» (子, 丑, 寅, 卯, 辰, 巳, 午, 未, 申, 酉, 戌, 亥). «Небесные столбы», в свою очередь, делятся на пять нечетных (мужских) и пять четных (женских); «земные ветви» тоже делятся на шесть нечетных (мужских) и шесть четных (женских) ветвей; «нечетные столбы» и «нечетные ветви» сочетаются друг с другом по порядку, так же, как и «четные

столбы» и «четные ветви». В итоге они образуют систему исчисления времени, состоящую из 60 циклически повторяющихся сочетаний.

По-видимому, подобное социальное конструирование мы и воспринимаем как научное. Такое измерение не может ограничивать человечество в процессе «научных» исследований и наблюдений, и в отношении этих закономерностей больше не проводится их вторичное субъективное конструирование. Представители классической социологии, например, Роберт Мертон (Robert K. Merton), считали, что наука занимает особое место в теории познания (гносеологии) [8], так как научные знания существенно отличаются от других форм познания (например, религиозной или идеологической). Последние явно испытывают влияние факторов среды и общественной истории, характеризуются определенной относительностью и ограниченностью. Научные знания не подвержены влиянию социальных факторов и вследствие этого носят всеобщий и универсальный характер. Поэтому классическая социология познания не включает научные знания в сферу объектов своих исследований. Однако после 70-х гг. XX в. ученые, находящиеся под сильным влиянием концепции философа Томаса Куна (Thomas Kuhn), также стали включать научные познания в сферу своих исследований [9]. Была сформулирована идея о том, что научные познания также являются продуктом социального конструирования и неизбежно подвергаются влиянию социально-культурных факторов. Например, Бруно Латур, Стив Вулгар (Steve Woolgar), Карин Кнорр-Цетина (Karin Knorr-Cetina) [10–11] и другие ученые в процессе социологических исследований широко применяли концепцию социального конструирования в анализе научных явлений, а также проводили углубленный анализ процесса микроконструирования научной практической деятельности.

Действительно, «наука» – это своего рода продукт социального конструирования человечества, т. е. продукт, созданный в условиях некоей особой «социальной среды» и возникающий как определенный «научный» конструкт. Однако относительно «научного» социального конструирования существует некая тенденция поиска «истины», которая привела к тому, что у человечества возникло суждение о «правильности и ошибочности». Это означает, что на пути поиска «истины» все многообразие реальностей может быть сведено к бинарной оппозиции. Например, система традиционной китайской фармацевтики построена на базе представлений об инь и ян (и пяти стихиях – основных элементах природы). В китайском традиционном обществе подобная лечебная система считалась правильной. Однако в западной «научной» системе лечения восточное толкование медицины «инь-ян» считается абсурдным, ненаучным. Вполне очевидно, что в сегодняшнем глобализированном мире обе стороны в определенной мере пересмотрели понятие «научности» и постепенно начали признавать некоторые позиции оппонентов, т. е. можно сказать, что в различных социальных средах возникают различные конструкции «научности», однако современная «научная концепция», по-видимому, склонна все эти многочисленные реальности сводить к бинарной системе противопоставления «либо одно, либо другое», «научное» или «ненаучное», где «ненаучное» загоняется в сферу понятия «ошибочное». Мир, в котором мы живем, столь сложный, что, очевидно, некая единственная «наука» не может объяснить существование всех реальностей. В качестве примера можно привести слова Мишеля Фуко из предисловия к книге «Слова и вещи» (*Les Mots et les choses: un archeologie des sciences humaines*), где автор говорит, что к написанию подобной книги его побудил Х. Л. Борхес, который, цитируя «некую китайскую

энциклопедию», приводил имеющуюся там следующую классификацию животных: а) животные, принадлежащие Императору; б) бальзамированные животные; в) прирученные животные; г) молочные поросята; д) сирены; е) сказочные животные; ж) бродячие собаки; з) животные, включенные в данную классификацию; и) животные, буйствующие, как в безумии; к) неисчислимы животные; л) животные, нарисованные очень тонкой верблюжьей кистью; м) другие животные; н) животные, которые только что разбили кувшин; о) животные, издавляемые мухами [12]. Такого рода знания в «истинной» для китайцев реальности трактуются как абсурдные, ошибочные в других социальных средах. Поэтому в отношении объективного, действительно, существование обладает кратной степенью реальности.

Что же в таком случае делать социологам? Как указывал Вернер Старк (Werner Stark), задача социологии познания состоит вовсе не в критике и разоблачении искаженных обществом знаний, а в проведении системного исследования социальных условий, без которых невозможно существование знаний как таковых [13]. Социологи должны понимать, что социальная относительность «знаний» и «реальности» связана с социальной средой. Социология познания вынуждена рассматривать различия подобных социумов. Социологам следует анализировать процессы осознания человечеством разнообразных знаний и опыта, а также разнообразные процессы превращения этих знаний в реальность посредством социального конструирования. Из всего изложенного можно понять, что социальное конструирование реальности носит характер «социальной включенности». Будь то начальное конструирование опыта и знания человеком или двойное конструирование от знаний к реальности, – всё проявляет социальную включенность, в том числе в реальность структурную и культурную (здесь использовано понятие «структурной включенности», которое отличается от понятия, введенного Грановеттером).

Так называемые знания и реальность являются естественными социальными конструкциями некой включенности в социальную среду. Создание такого социального конструирования подвержено структурным и историческим ограничениям социальной среды. Здесь структурная включенность означает не только социальные отношения, существующие в жизни общества, совокупность систем взаимодействия, но также и все материальные структуры жизни общества или совокупность сочетаний человека и материи. Культурная включенность подразумевает совокупность всех общественных, исторических и культурных фонов, в которых пребывает субъект. Теперь рассмотрим, как выглядит социальное конструирование питания.

Тройное социальное конструирование питания. Во-первых, акт принятия пищи имеет объективное ограничение – сами продукты питания. Без них невозможен и акт принятия пищи. Это рассматривается как объективное существование внешнего мира материи пищевых продуктов. У человека касательно этого имеется первичная интернализационная форма (картина мира). Наиболее ранняя форма интернализации – элементарное осознание веществ. Что такое элементарное осознание веществ? Формы интернализации начинают передаваться путем символического наименования. Каждый определенный предмет маркирован человеком через условные знаки. Такое выражение может быть представлено в виде некоего поступка, настенной росписи, слова или крика и т. п. Подобные элементарные символы, субъективно предположенные человеком или появившиеся случайно, в один момент

получают признание других индивидов или групп, после чего вступают в процесс объективизации обозначения, и тогда эти обозначения (символы) обретают социальные атрибуты. Эти условные элементы, которые имеют связующую функцию и помогают запоминанию, становятся базовыми конструктами осознания человечеством социума. Они обладают свойством элементарности. При отсутствии названий этих материальных вещей они по-прежнему будут объективно существовать, но для человеческого знания и опыта непоименованные социальные конструкты не смогут конструировать знания следующего уровня. Конечно, подобный тип социального конструирования имеет свойство социальной включенности. Различные структуры окружающей среды и историческая культура действительно определяют разнообразие именных форм символов. Например, начальное конструирование некоторых продуктов, осуществленное четырьмя великими древними цивилизациями, оказывается различным, особенно в языковом аспекте. Люди каждой цивилизации проводят конструирование на базе структур среды, окружающей обозначенные вещества, на структурах среды, окружающей человека и предметы, а также на накопленном историческом опыте взаимодействия местных людей с данными предметами, поэтому и возникает разнообразие социального конструирования каждой цивилизации в отношении данных предметов.

Второй вид социального конструирования – это социальное конструирование, созданное в процессе дальнейшего осознания человеком конструкций именуемых форм. Данные социальные конструкции содержательны по характеру и обладают свойством социального измерения. Его конструктивное значение состоит в том, чтобы проводить дальнейшую систематизацию знаний о продуктах питания и действиях, имеющих к ним отношение: например, различение веществ по признаку съедобности и установление различных основ продуктов или их социальных атрибутов (религиозная социальная конструкция – чистые и нечистые продукты), определение основных способов изготовления продуктов питания (с использованием огня или с использованием воды) и т. д. Одним словом, подобная имеющая оценочное значение социальная конструкция позволяет людям более полно осознавать продукты питания. Такого рода многогранные социальные конструкции также ограничиваются накопленным историческим опытом, связанным с этим веществом и окружающей материальной структурой, в которой пребывает человек. Например, вкусовые свойства продуктов необходимо различать, используя новые социальные методы оценки. Люди начинают объяснять новые социальные конструкции посредством других, уже известных социальных конструкций моделей наименования. У некоторых первобытных племен было такое разделение вкусов: кислый (вкус фруктов из семейства цитрусовых), сладкий (это вкус редко встречающегося меда, считался превосходным лакомством), соленый (считался еще более ценным вкусом, чем сладкий), острый (почти не встречающийся вкус) [14]. Приведем еще один, более сложный, пример. Пища в сознании китайца неразрывно связана с учением об универсальных мироустроительных силах: мужском начале – ян (символизирующем тепло, активность, развитие и свет) и женском начале – инь (символизирующем холод, пассивность, тьму, изображаемом прерывистой чертой). Согласно этому учению все в мире, в том числе и еда, может быть атрибутировано либо как иньское, либо как янское. Основная идея этой концепции – поддержание баланса между мужским и женским началами. Таким образом, продукты, будучи отнесенными либо к «ян», либо к «инь», либо к нейтральным, должны быть составлены в рационе так, чтобы не нарушать описанный баланс [15]. Однако подобная социальная

конструкция далеко не во всех обществах воспринимается как обоснованная. Нам необходимо понимать, что такие понятия, как «кислое, сладкое, соленое, острое, горькое» и «инь» и «ян», всего лишь воплощение созданных людьми социальных конструкций и являются только лишь сложившимися различными способами их оценки вследствие факторов «социальной включенности».

После того, как описаны две обозначенные конструкции, возникает следующий вопрос: «Что в истории появилось раньше – различие съедобного-несъедобного, т. е. базовых атрибутов некоторых продуктов (измерительная конструкция), или же номинативная конструкция, т. е. появление продуктов либо некоторых названий продуктов?». Неважно, в философском аспекте или в антропологическом, мы не в состоянии дать точный ответ на данный вопрос. Однако эти два вида конструирования эффективно выстроили систему знаний человечества о питании. Если посмотреть с точки зрения истории, эти две социальные конструкции питания переплетаются друг с другом. В процессе знакомства человека с продуктами питания появлялись новые сочетания, производились новые продукты, люди давали им названия, затем снова появлялась новая измерительная социальная конструкция.

Третий вид указывает на необходимость на основании объективных реальностей обозначенных социальных конструкций провести институциональное социальное конструирование, связанное с продуктами питания. Упорядоченная структура знаний человека о продуктах и действия человека, связанные с продуктами, имеют взаимные ограничения. Люди в процессе осознания продуктов питания могут определять, в какой форме проводить действия с продуктами и всем, что с ними связано; а в процессе этих действий люди могут выявить новые формы интернализации, тем самым проводить новые действия по восприятию продуктов либо же другие действия, в основе которых те находятся. Например, возникновение порядка трапезы и режима питания (хотя мы не можем установить, по какой причине они появились, но мы знаем, что они являются реальным продуктом нашего конструирования) способствовало тому, что трапеза формировалась как временная закономерность – человек принимает пищу вовсе не тогда, когда он достигает определенного уровня голода, но тогда, когда социальная группа согласно условленному времени собирается вместе и сообща проводит акт совместного приема пищи. Это первое преодоление первобытного натурализма в питании. Второе преодоление – многослойность совместного приема пищи, т. е. очередность питания, установленная обществом. Третье преодоление – нормы этикета приема пищи [16]. Помимо этого, приборы на столе и общение в процессе приема пищи между едой как таковой и потребностями субъекта создали необходимое время и расстояние, тем самым превратив процесс питания в разновидность постоянной практики социального характера.

Два вида конструкций питания, о которых говорилось выше, предоставили людям достаточно знаний о еде. В этих реальностях люди породили пристрастия в поведении, связанные с продуктами питания или склонностями к продуктам питания. Подобные пристрастия после практики в определенной форме получают институционализацию и образуют разновидность новой социальной реальности. Например, религии в отношении продуктов провели измерительное конструирование нечистоты, поэтому возникло явление, когда во время поста верующие строго контролируют свое пищевое поведение. Такой вид институционализированной конструкции делает социальную реальность еще более объективной.

Последний вид социального конструирования питания, очевидно, намного более сложный, так как социальная конструкция питания явно может быть связана с содержанием всех других реальностей в едином измерении (в условиях глобализации они теперь даже сравниваются с различными измерениями). Мы не можем принять во внимание все эти связи, но описанное тройное социальное конструирование создает реальность питания в форме взаимодействия друг с другом. К тому же неважно, продукты питания или связанное с ними действие, – все это включено в различные социальные среды и исторические культуры.

Прочие факторы и эмпирическое значение. Также необходимо учитывать, что в сложном конструировании третьего типа мы, по-видимому, забыли о самых базовых материальных отношениях между человеком и предметами. Неравная материальная структура «человек и пища» может в повседневной жизни поставить человека в затруднительное положение. Сорокин утверждал, что, когда появляется недостаток продуктов питания, обычное состояние общества может быть испорчено и нарушено (возрастает показатель преступности, войн, общественных беспорядков и революций), фактор голода приводит к разрушению нормального состояния функции питания общественного организма [17]. Этот пример заставляет нас вновь обратить серьезное внимание на самую базовую материальную структуру и потребность человека. Кроме этого, сегодня мы оказываемся перед лицом двух серьезных проблем. Первая заключается в следующем: продукты и все связанные с продуктами действия в условиях непрерывного социального конструирования третьего типа, пройдя историческое крещение, превратились в «наличные знания» для потомков. Подобные культурные знания после овеществления превратились в объективную реальность современных людей. А это для них несет определенное принуждение. Потомки не смогут абсолютно четко различить, с помощью какой последовательности и логики эти многочисленные социальные конструкции превратились в нынешние реальности. Неважно, что выберут потомки – принять или отказаться от этого опыта, они все равно будут подвергаться влиянию объективных реальностей предыдущей истории. Например, сегодня мы на самом деле не знаем, почему по этикету нельзя одновременно есть два основных продукта питания – рис и лапшу. Мы знаем, что это порядок, оставленный нам в наследство предками, но совершенно не знаем, откуда пошла подобная социальная конструкция. Еще пример, большинство современных китайцев не знает, почему мандарины и помело относят к янским и иньским продуктам соответственно. Потомки узнали об этой классификации только посредством «наличных знаний», но не знают, почему все-таки одно было определено как иньское, а другое как янское. Таким образом, на этой основе мы будем продолжать «выпускать ветви и выбрасывать листья». И это дает нам возможность поднять вторую проблему: в современном обществе потребления созданные человеком социальные конструкции и институты реальностей посредством овеществления порождают новую силу, и эта внешняя сила, наоборот, ограничивает человечество. Она происходит из разрыва между реальностью повседневной жизни и других реальностей (научной, художественной), она отделяет потребителей от творцов новой материи. А люди, живущие повседневной жизнью, из-за нехватки восприятия реальностей других измерений имеют в результате культурное отставание. Между двумя реальностями действительно возник разрыв восприятия, эти люди, находясь в состоянии беспорядка, механически принимают все, что они могут делать. А такие люди в повсе-

дневной реальности в отношении новых вещей порождают новое социальное конструирование. Но эти новые конструкции – не те, которые могут быть приняты создателями. В это время из-за того, что созданная материя является каналом связи двух реальностей, она превращается в субъект, контролирующий обе стороны. Сейчас мы не в состоянии дать ответы на подобные вопросы. Но мы надеемся, что сможем заново осознать эту существующую многоуровневую объективную реальность путем разделения социального конструирования на подклассы.

Может ли описанная трехчастная форма социального конструирования питания, о которой мы сегодня ведем речь, помочь нам объяснить некоторые явления повседневной жизни, связанные с актом приема пищи? Ответ утвердительный, даже если она не может решить абсолютно всё. Например, мы попробуем ответить на вопрос, почему же китайцы в России продолжают в основном посещать китайские рестораны, практически игнорируя местные кулинарные традиции. В первую очередь ответ содержит структурные причины: замкнутость социальных сетей – сетей местных китайцев [18, 19]. Но мы хотели бы проанализировать это с позиций субъективизма поведенческих пристрастий. Люди Древнего Китая сконструировали набор сложных систем знаний о создании пищи на основании природных условий проживания и социальной обстановки (сложные системы, сконструированные с опорой на понятия инь-ян, пяти стихий). Однако пройдя крещение историей, люди долгое время на основании этих систем знаний осуществляли действия, связанные с питанием. Независимо от того, придерживаются китайцы или не соблюдают методы этой особой социальной конструкции измерительного типа, китайская кухня институционализировалась именно в таком процессе. Очевидно, что китайская кухня существует не изолированно, только после появления других способов конструирования питания люди смогли собственную социальную конструкцию питания назвать «китайской кухней». Конечно, следует обратить внимание на тот момент, что этот набор сложных систем знаний китайцев на протяжении истории вовсе не был устойчивым, а проходил через многократные вторжения внутри страны и вовне ее (фактор войн). Но основная система конструирования сохранялась и в конце концов вещественно сформировалась как реальность повседневной жизни. К тому же сейчас глобализация принесла новые системы питания по всему миру, но новые участники процесса, похоже, не могут полностью расшатать подобные социальные конструкции. Когда китайцы прибывают в другие места (например, в Санкт-Петербург), в сравнении они начинают понимать, что реальность, созданная местной социальной конструкцией питания, не удовлетворяет потребности китайцев в отношении сложной и прочной системы знаний о питании; а западные страны либо страны Африки и Америки в отношении измерения конструкции питания под влиянием «социальной включенности» создали реальность другого уровня.

Конечно, в конструкциях базовых атрибутов пищи хотя и имеются определенные культурные различия, но в основном можно отыскать общие величины. Например, социальная конструкция вкусовых ощущений; хотя методы оценки вкуса весьма отличаются, люди из разных мест могут, исходя из такого рода величины, опираясь на социальную конструкцию реальности своей повседневной жизни, найти нечто непривычное и неприятное. Но китайское деление продуктов по системе «инь-ян» и пяти стихий – специфическое. Запросы дан-

ной реальности к продуктам в других реальностях невозможно измерить и сравнить. Давайте спросим, где в ресторанах русской кухни и американского фаст-фуда можно найти «инь-янь» и «пять стихий»? Также стоит обратить внимание на то, что китайцы с течением времени превратили такую социальную конструкцию измерительного типа в бессознательную объективную реальность (конечно, в Китае существуют и другие различия в конструкциях системы питания, но они не являются важными в социальном смысле факторами). Поэтому когда на улице спрашиваешь китайца, почему он предпочитает китайскую кухню, он может ответить, что просто нравится, или же китайская кухня вкусная... Запросы этой специфической реальности как будто не обнаруживаются. На самом деле это реальность, которая глубоко влияет на действия китайцев. В силу исторических причин они могут соприкасаться только с этими овеществленными «наличными знаниями». В этом объяснение того, что в данной статье проанализированы реальности питания по трем типам социального конструирования.

Заключение. Данная статья анализирует социальное конструирование питания с точки зрения социологии вещей, социологии познания и социологии питания. Ее цель не в попытке создать общую теорию социального конструирования реальности. В силу того, что реальность многоуровневая и обладает свойством «социальной включенности», она не позволяет в настоящее время с легкостью проводить общий анализ социального конструирования в отношении всех социальных явлений. Наша сегодняшняя тематика ограничивается развернутым обсуждением вопросов социального конструирования питания, которое делится на конструирование номинативного, измерительного и институционального типа. В современной системе питания эти три типа конструирования находятся в сложном и запутанном состоянии. Но каждый уровень конструирования обуславливается социальной средой и структурной средой реальности, в которой он находится. Вследствие временной последовательности истории, система знаний, сконструированная предшественниками, превратилась в «наличные знания». Последующие поколения тоже постепенно перестали различать сложность многоуровневых социальных конструкций реальности. Что касается адекватного анализа социального конструирования реальности, он может помочь нам лучше понять социальную природу питания, в частности, дать ответ на вопрос: как сами продукты питания являются социальными конструкциями, как они создаются нашим сознанием под воздействием уже имеющейся наличной системы знания, как конструируются их свойства (их вкусы), которые, как оказывается, являются не столько биологическими, но социокультурными свойствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. I. The Structures of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1992.
2. Веселов Ю. В. Социология питания: теоретические основания // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева. 2014. Вып. 10. СПб.: Изд. центр экон. ф-та СПбГУ. С. 168–199.
3. Веселов Ю. В. Современная социальная система питания // Журн. социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, №1. С. 68–82.
4. Веселов Ю. В. Повседневные практики питания // Социол. исслед. 2015. № 1. С. 95–104.
5. Latour B. Reassembling the Social. Oxford, N. Y.: Oxford Univ. Press, 2005.

6. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Harmondsworth: Penguin Books, 1967.
7. Schutz A. *The Phenomenology of Social World* / transl. by G. Walsh, F. Lehnert. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1967.
8. Merton R. K. *Social theory and social structure*. N. Y.: The Free Press, 1968.
9. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. 1st ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1962.
10. Woolgar S., Latour B. *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1986.
11. Knorr-Cetina K. D. *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. N. Y.: Pergamon Press, 1981.
12. Foucault M. *Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. N. Y.: Vintage Books, 2012.
13. Stark W. *The sociology of knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1958.
14. Richards A. I. *Land, Labour, and Diet in Northern Rhodesia: an economic study of the Bemba tribe*. Hamburg: LIT Verlag, 1995.
15. Веселов Ю. В., Цзинь Ц. Санкт-Петербург в зеркале сравнительной социологии питания // *Экономическая культура мегаполиса*. 2017. СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. С. 248–267.
16. Elias N. *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Oxford: Basil Blackwell, 2000.
17. Сорокин П. А. *Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. Петроград: Колос, 1922.
18. Цзинь Ц. Китайские рестораны в Санкт-Петербурге: исследование социологии питания // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20, № 3. С. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.3.6>.
19. Цзинь Ц. Социально-экономические механизмы функционирования китайского ресторана в Санкт-Петербурге // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология*. 2018. Т. 11, № 2. С. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.205>.

Информация об авторе.

Цзинь Цзюнькай – кандидат социологических наук (2018), младший научный сотрудник Гуманитарного института медицины факультета истории науки, техники и медицины Пекинского университета, 38 улица-колледж, Хайдянь район, Пекин, 100191, Китай. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, социология питания, история социологии в Китае и России, социальная история медицины. E-mail: j530519513@126.com

REFERENCES

1. Braudel, F. (1992), *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century. Vol. I. The Structures of Everyday Life*, Univ. of California Press, California, Berkeley and L. A., USA.
2. Veselov, Y.V. (2014), "Sociology of food: theoretical foundations", in Boronoev, A.O. (ed.), *Problemy teoreticheskoy sociologii* [The problems of theoretical sociology], no. 10, Izd. centr jekonomicheskogo fakul'teta SPbGU, SPb., RUS, pp. 168–199.
3. Veselov, Y.V. (2015), "The Contemporary Social System of Food", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no. 1, pp. 68–82.
4. Veselov, Y.V. (2015), "Routine practices of nutrition", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 95–104.
5. Latour, B. (2005), *Reassembling the Social*, Oxford Univ. Press, Oxford, N. Y., USA.
6. Berger, P.L. and Luckmann, T. (1967), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Penguin Books, Harmondsworth, UK.
7. Schutz, A. (1967), *The Phenomenology of Social World*, Transl. by Walsh, G. and Lehnert, F., Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.

8. Merton, R.K. (1968), *Social theory and social structure*, The Free Press, N. Y., USA.
9. Kuhn, T. (1962), *The Structure of Scientific Revolutions*, 1st ed., Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
10. Woolgar, S. and Latour, B. (1986), *Laboratory life: the construction of scientific facts*, Princeton Univ. Press, Princeton, N. J., USA.
11. Knorr-Cetina, K.D. (1981), *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*, Pergamon Press, N. Y., USA.
12. Foucault, M. (2012), *Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, Vintage Books, N. Y., USA.
13. Stark, W. (1958), *The sociology of knowledge*, Routledge & Kegan Paul, London, UK.
14. Richards, A.I. (1995), *Land, Labour, and Diet in Northern Rhodesia: an economic study of the Bemba tribe*, LIT Verlag, Hamburg, DEU.
15. Veselov, Y.V. and Jin, J. (2017), "St. Petersburg in the mirror of the comparative sociology of nutrition", *Ekonomicheskaya kul'tura megapolisa* [The economic culture of the metropolis], Izdatelstvo Instituta Gaidara, SPb., RUS, pp. 248–267.
16. Elias, N. (2000), *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*, Basil Blackwell, Oxford, USA.
17. Sorokin, P.A. (1922), *Hunger as a factor*, Kolos, Petrograd, RSFSR.
18. Jin, J. (2017), "Chinese restaurants in Saint Petersburg: A study on the sociology of food", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 20, no. 3, pp. 111–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.3.6>.
19. Jin, J. (2018), "Social and Economic mechanisms of the Chinese restaurants in St. Petersburg", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.205>.

Information about the author.

Junkai Jin – Can. Sci. (Sociology) (2018), Assistant Research Fellow, The School of Health Humanities; Faculty of the History of Science, Technology and Medicine, Peking University, China, 38 Xueyuan Rd, Haidian District, Beijing, 100191, China. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: economic sociology, sociology of food and eating, history of sociology in China and Russia, social history of medicine. E-mail: j530519513@126.com

Исследование частотной структуры речи и некоторые особенности работы мозга

И. В. Павлов[✉], В. М. Цаплев

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]pavlov.ivan17.09@gmail.com

Введение. Радикальной тенденцией в современных подходах к пониманию механизмов работы головного мозга является склонность некоторых ученых полагать, что мозг – это приемное устройство, способное улавливать мысли; природа возникновения самих мыслей, при этом, не подлежит выяснению. Однако речь, выражающая мысли, несомненно, является результатом работы мозга, поэтому исследования частотной структуры речи могут являться основой для рассмотрения материальной структуры мозга как своего рода «антенны». В таком подходе с несколько иных позиций предстает перед нами и проблема защиты от шума на фоне бесспорного частотного сходства речи и музыки. В настоящем исследовании ставится вопрос о том, насколько существенной для восприятия музыки является общая высота музыкального строя (существуют ли вредные или полезные, с точки зрения действия на психику, музыкальные строи). Этот вопрос релевантен и восприятию речи.

Методология и источники. Основными источниками, в которых работа мозга и сущность сознания рассматриваются с обозначенных выше позиций, явились для нас работы американского и британского нейрофизиологов и психиатров Сэма Парниа (Sam Parnia) и Питера Фенвика (Peter Fenwick). Эти ученые исследуют явления, сопровождающие клиническую смерть, и утверждают, что в эти моменты мозг в наибольшей степени функционирует как приемная «антенна». Полагая, что любая антенна подлежит настройке, мы предпринимаем попытку выявить возможные способы «настройки» мозга. Для этого предлагаем исследовать частотные характеристики речи (в простейшем случае, при пропевании гласных звуков в спокойном состоянии) на предмет их принадлежности к определенному музыкальному строю, а равно особенности восприятия музыки в зависимости от музыкального строя (от высоты ноты ля). Варьирование частотными характеристиками речи в том или ином музыкальном строе можно считать, на наш взгляд, основным способом «настройки» мозга. Методология способа основана на применении частотного анализа звука и основных положений элементарной теории музыки.

Результаты и обсуждение. Основной вывод, сделанный западными психиатрами: мозг не является органом мышления, сознание существует независимо от него извне, работа сознания не может быть объяснена функционированием мозга – требует аппаратной проверки. Если нейронная сеть является «антенной», улавливающей мысли, а ее «настройка» на физическом уровне может осуществляться (и осуществляется) через сенсорные системы (в том числе и орган слуха), исследование частотной структуры речи

© Павлов И. В., Цаплев В. М., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

позволит ответить на ряд важных вопросов, в том числе касающихся и высших функций мозга (озарение, творчество). Проведенные нами эксперименты (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», ФИБС, каф. ЭУТ) показали, что влияние «повышенного» или «пониженного» музыкально-речевого строя на мозговую активность незначительно. В ходе исследования выявлена равновероятность частотной структуры речи. Поскольку в нашем мозге отсутствует какой-то характерный набор частот – элементов равномерно темперированного строя, говорить о вредном (или каком-либо ином шумовом) влиянии «повышенных» и «пониженных» строев вследствие отклонения от «внутреннего эталона» не приходится.

Заключение. В ответ на предположения, высказанные западными учеными, мы предложили частотную интерпретацию процессов, происходящих в мозге, что, возможно, более детально позволит объяснить такие явления, как озарение, открытие и т. д., которые протекают с минимальной деятельностью сознания. Несмотря на ограниченность методов аппаратного изучения факторов, влияющих на деятельность мозга и во многом обуславливающих его высшие функции (например, творчество), результаты работы мозга в отношении музыки (как в плане ее создания, так и в плане нашей реакции на нее) вполне поддаются анализу, что и было показано в настоящем исследовании. «Музыкальность» речи исключительно ярко представлена в ее частотной структуре и позволяет вскрыть, в той или иной степени, особенности работы мозга.

Ключевые слова: ритмы мозга, речь, музыкальный строй, сознание.

Для цитирования: Павлов И. В., Цаплев В. М. Исследование частотной структуры речи и некоторые особенности работы мозга // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 96–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-96-105

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 19.11.2019; принята после рецензирования 26.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Speech and Music Acoustics, Rhythms of the Brain and their Impact on the Ability to Accept Information

Ivan V. Pavlov[✉], Valeriy M. Tsaplev

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉pavlov.ivan17.09@gmail.com

Introduction. A radical tendency in modern approaches to understanding the mechanisms of the brain is the tendency of some scientists to believe that the brain is a receptor capable of capturing thoughts; the nature of the occurrence of the thoughts themselves, however, is not to be clarified. However, speech expressing thoughts is undoubtedly the result of the work of the brain, so studies of the frequency structure of speech can be the basis for considering the material structure of the brain as a kind of “antenna”. In this approach, the problem of noise protection against the background of the undeniable frequency similarity of speech and music appears to us from somewhat different positions. This study raises the question of how essential the overall height of the musical system is to the perception of music (are there musical systems that are harmful or useful, in terms of their effects on the psyche). This question is also relevant to speech perception.

Methodology and sources. The main sources in which the work of the brain and the essence of consciousness are considered from the positions indicated above were for us the work of American and British neurophysiologists and psychiatrists (Sam Parnia, Peter Fenwick). These scientists are studying the phenomena that accompany clinical death, and argue that at these moments the brain functions to the greatest extent as a receiving

“antenna”. Assuming that any antenna is to be tuned, we are trying to identify possible ways to “tune” the brain. To do this, we propose to study the frequency characteristics of speech (in the simplest case, when singing vowels in a calm state) for their belonging to a particular musical system, as well as the peculiarities of music perception depending on the musical system (on the height of the note “la”). Varying the frequency characteristics of speech in a particular musical system can be considered, in our opinion, the main way to “tune” the brain. The methodology of the method is based on the use of frequency analysis of sound and the basic provisions of the elementary theory of music.

Results and discussion. The main conclusion made by Western psychiatrists is the brain is not an organ of thought, consciousness exists independently from outside, the work of consciousness cannot be explained by the functioning of the brain – it requires a hardware check. If the neural network is an “antenna” that captures thoughts, and its “adjustment” at the physical level can be carried out (and is carried out) through sensory systems (including the hearing organ), the study of the frequency structure of speech will answer a number of important questions, including including related and higher brain functions (insight, creativity). Our experiments (Saint Petersburg Electrotechnical University, FIBS, department of EUT) showed that the influence of the “increased” or “lowered” musical-speech system on brain activity is insignificant. The study revealed the equiprobability of the frequency structure of speech. Since our brain lacks some characteristic set of frequencies – elements of a uniformly temperamental system, it is not necessary to talk about the harmful (or any other noise) effect of the “raised” and “lowered” systems due to deviation from the “internal standard”.

Conclusion. In response to the assumptions made by Western experts, we proposed a frequency interpretation of the processes occurring in the brain, which, perhaps, will explain in more detail such phenomena as inspiration, discovery, etc., which occur with minimal activity of consciousness. Despite the limited methods of hardware study of factors that influence the activity of the brain and largely determine its higher functions (for example, creativity), the results of the brain's work in relation to music (both in terms of its creation and in terms of our reaction to it) are quite analyzable, which was shown in this study. The “musicality” of speech is extremely vividly represented in its frequency structure and allows one to reveal, to one degree or another, the features of the brain.

Key words: brain rhythms, speech, musical system, consciousness.

For citation: Pavlov I. V., Tsaplev V. M. Speech and Music Acoustics, Rhythms of the Brain and their Impact on the Ability to Accept Information. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 96–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-96-105 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 19.11.2019; adopted after review 26.12.2019; published online 25.02.2020

Введение. На сегодняшний день проблема защиты от негативного воздействия шума особенно актуальна. И связано это со все более возрастающей информационной нагрузкой на систему головного мозга. Как известно, современный человек в течение дня получает в пять раз больше информации, чем 40 лет назад, когда компьютеры, информационные технологии не были еще массово распространены [1]. Причем если под защитой от шума на производстве понимается в основном защита от его чисто физических факторов (высокая интенсивность), то в повседневной жизни все гораздо сложнее: мы имеем дело с малоинтенсивными шумами/звуками, и степень их негативного воздействия (обременительности) определяется информацией, которую они несут.

Для того, чтобы работать в данном направлении, нужно четко представлять себе объект исследования (система головного мозга). На данный момент нейрофизиология не в состоянии ответить на вопрос о природе сознания [2].

На протяжении многих и многих лет исследователи, изучающие мозг, сталкиваются с явлениями, необъяснимыми с позиций материалистической трактовки процессов, происходящих в нем. С одной стороны, подобные факты могут быть обусловлены недостатком знаний о физических процессах и невозможностью аппаратного исследования процессов, происходящих в мозге на уровне взаимодействия между отдельными нейронами. А, с другой стороны, и с этим сегодня согласны очень многие исследователи, – наличием некоторой нематериальной «субстанции», управляющей процессами в системе головного мозга (Экклз).

Перечислим основные выводы некоторых авторов исследований: мыслящей материи не существует (Пим Ван Ломмель); мозг (как электрическая цепь) способен производить только простые «мысли» (Н. П. Бехтерева), например, как совершить то или иное действие (перевернуть страницу, к примеру); сознание может жить и после смерти; объяснить, как именно, за счет чего управляется мозг, на сегодняшний день не представляется возможным (С. Парниа, П. Фенвик).

Например, заведующий институтом мозга, Н. П. Бехтерева, на вопрос о возможной реальности Души отвечает, что не хотела бы искать другого названия тому, что оказывается под потолком в операционной, видит слабо освещенный тоннель или летит к родному очагу (если это действительно «что-то»).

Таким образом, эволюционное усложнение нейронной структуры мозга (по дарвиновской концепции) за счет «системы обратной связи», необходимо было для того, чтобы мы *не задумывались* о том, как жить в физическом пространстве (в плане удовлетворения базовых, физиологических потребностей). Это так, если говорить о повседневной жизни.

Спектр же задач, решаемых мозгом, значительно шире и не ограничивается тем, что мы привыкли называть «сознательной деятельностью». Многие (не только физиологические) процессы протекают без участия сознания: все, что связано с творчеством, открытиями, как правило, происходит совершенно неожиданно для нас. Таким образом, в круг задач, которые необходимо решать, изучая влияние звуков на систему головного мозга, входит не только обеспечение комфорта (в повседневной жизни), но и создание наиболее благоприятных условий для творчества, т. е. для восприятия и гармоничного упорядочивания разнообразной и разноплановой информации (по сути – создание условий, способствующих озарениям).

В работе [3] автор высказывает предположение, что шум можно разделить на две составляющие: энергетическую и информационную. Первая касается чисто физического воздействия шума на сенсорные системы. Она оперирует с энергетическими характеристиками шума и, опираясь на них, можно утверждать, что тот или иной шум вреден/опасен в силу своей интенсивности, превышающей, например, болевой порог.

Что касается информационной составляющей шума, она, как и всякая информация, переносимая через посредство материальных носителей, полностью определяется нашим сознанием/подсознанием. То есть, не владея информацией об источнике шума, не представляя себе его, наше сознание не сможет выработать реакции на издаваемый этим источником шум, как отмечает автор [там же]. Причем отметим, что данный вывод относится, главным образом, к низкоинтенсивным шумам, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни и никоим образом не может быть отнесен, например, к резким, неожиданным звукам.

В исследовании К. Е. Аббакумова и др. [4] высказывается точка зрения, что взаимосвязь между энергией и веществом установлена, в то время как между веществом и информацией такой взаимосвязи не существует (не установлена). Особо отметим, что носителями информации материальные объекты становятся в случае их упорядочивания, определяемого нашим сознанием (мы разрабатываем способ кодирования информации, аппаратуру для осуществления этого кодирования), с одной стороны. Но, с другой стороны, формы упорядочивания материальных объектов, «порождаемые» нашим мышлением, – неизмеримо более простые по сравнению, например, с клеточными и внутриклеточными структурами (например, ДНК), как отмечается в работе [5].

Очень точное предсказание, на наш взгляд, относительно изучения феноменов, связанных с работой мозга и функционированием сознания, дано в одном из вышеупомянутых исследований: «С одной стороны, естественно, шокирует исключительное объяснение обременения посредством дарвинистского биологического мышления и принципа затраты-полезности. С другой стороны, альтернативные подходы, как правило, отрицают подобные “последние” обоснования, это значит, они не относятся с должным вниманием к этой проблеме и избавляют себя этим от неприятностей и раздражения, связанных с этими дискуссиями. Мы отваживаемся на предсказание, что в будущем разногласие между биологической и социальной интерпретацией будет еще более выраженным, тем более, что эта дискуссия внутри психологии идет в настоящее время полным ходом. Этим феноменом вскоре займутся также нейробиологи и нейропсихологи и по-новому поднимут проблему физики Души и тела» [3, с. 24].

Таким образом, сегодняшняя нейрофизиология вплотную подошла к проблеме объяснения многих явлений, связанных с работой системы головного мозга, и многим нейрофизиологам, как будет показано далее, понятно, что объяснить функционирование мозга исключительно взаимодействием нейронов не представляется возможным.

Методология и источники. Основываясь на результатах исследований [2], проведенных в Нью-Йоркском государственном университете Стони Брук, рассмотрим некоторые особенности функционирования сознания в период реанимации (исследования велись методом опроса людей, перенесших клиническую смерть). Это необходимо, чтобы четко представлять себе предмет исследований, для понимания того, что не все явления, сопровождающие работу мозга, могут быть объяснены взаимодействием различных форм материи.

Рассматривая совокупность явлений, происходящих с сознанием человека, автор вышеупомянутой статьи, выделяет две группы явлений, сопровождающие процесс «оживления»:

- 1) «предсмертный опыт» (NDEs, Near Death Experiences);
- 2) «опыт вне тела» (OBEs, Out of Body Experiences).

В свою очередь, первая группа представляет собой набор переживаний и реакций, возникающих в сознании человека в период клинической смерти (и в ряде случаев – запоминаемых им). Авторы обозначают эти явления как:

- 1) «чувства огромного мира и любви» (feelings of immense peace and love);
- 2) прохождение через тоннель (going through a tunnel);
- 3) ощущение теплого, гостеприимного света (seeing a bright, warm, welcoming light);
- 4) встречи с умершими родственниками;
- 5) различные видения религиозного толка.

Следует особо отметить, что все эти явления зафиксированы у психически вменяемых людей. Заметим также, что «религиозные» видения возникали подчас у людей, совершенно

далеких от каких-либо религиозных представлений, из чего можно сделать вывод, что они могли быть сформированы в процессе вхождения в особое состояние сознания, которое в тибетских религиозно-мистических учениях обозначается как медитация.

Более того, такого рода опыт наблюдался у детей, еще не имеющих жизненного опыта, их сознание не находилось под влиянием тех или иных мировоззренческих концепций [2].

Все это убеждает нас в том, что информация первична по отношению к нашим представлениям о физическом мире. А это значит, она первична и по отношению к самому физическому миру [если исходить из того, что был момент, когда ничего не было (Ж. Леметр, Э. Хаббл, С. Хокинг и др.)]. Многим может показаться, что данное утверждение противоречит вышесказанному, а именно: носителями информации материальные объекты становятся в случае их упорядочивания, определяемого нашим сознанием. Признавая этот процесс (упорядочивания) как данность, нельзя не отметить, что само возникновение материи, пространства – это явление, которое не может быть объяснено исключительно преобразованием материи: мы не можем, например, сказать, что окружало точку сингулярности в первое мгновение Большого Взрыва и что представляла собой Вселенная до момента образования физического пространства. Тем не менее, наука сегодня говорит о Взрыве, как о некоем «фазовом переходе», при котором и образовались материальные частицы (форма их существования до момента Взрыва до сих пор неясна).

«Опыт вне тела» – особая группа явлений, представляющих собой состояния, когда человек во время реанимационных мероприятий видит себя со стороны и, более того [6] в состоянии описать в деталях действия реанимационной бригады. Кроме того, как отмечается в [7], не все случаи подобного плана могут быть объяснены с помощью «остаточных всплесков» работы нейронной системы.

На сегодняшний день хорошо известно, что «видимым» (конечно, с помощью специальных приборов) проявлением работы мозга являются низкочастотные электромагнитные ритмы (альфа-, бета-, гамма- и тета-ритмы). Многочисленные исследования показывают, что этими ритмами можно управлять с помощью внешних воздействий (широко известен метод фотостимуляции, а также негативный эффект от акустических колебаний или вибраций низкой частоты).

Что дали ученым (обращаем особое внимание – врачам-нейрофизиологам/психиатрам, т. е. людям материалистичным) результаты исследований природы сознания? Прежде всего, понимание, что мозг является не столько мыслящим устройством, сколько приемо-передающей антенной, улавливающей мысли. Причем способность улавливать их определяется суммарной площадью нейронной сети. Внешние факторы (материальные носители информации), воздействующие через сенсорные системы, позволяют настроить ее. И задачей дальнейших исследований в контексте такого понимания работы мозга, является всестороннее изучение возможностей его «настройки». Поскольку спектр информации, воспринимаемой нами, чрезвычайно широк (особенно это касается зрительной информации), а ее интерпретация – сильно зависит от конкретной личности, мы решили исследовать воздействие наборов простых тональных сигналов: исследовалась как возможность нашего мозга производить эти сигналы (посредством голоса), так и способность его воспринимать их и интерпретировать (по внутренним ощущениям).

Отвечая на вопрос о происхождении речи, отметим, что сегодня существуют исследования [8], доказывающие, что «прочтение» генома определяется очень многими факторами и является сугубо индивидуальным, т. е. полностью процесс онтогенеза не является целиком «закодированным» последовательностями нуклеотидов. Да и сами последовательности во многом обладают свойствами речи (их считывание зависит от контекста, т. е. определяется взаимным положением элементов генетического кода). Таким образом, речь, ее свойства, да и само ее наличие у высших существ, вполне может быть «предопределена» генетически, по крайней мере, тот факт, что способы кодирования информации в геноме и в речи обладают схожими свойствами, несомненно, заслуживает внимания. Отметим также, что этот факт не должен давать повод утверждать, что все представители животного мира должны обладать речью. Речь является продуктом деятельности разума и схожа с генетическими последовательностями лишь по способу кодирования информации.

Результаты и обсуждение. Зачастую (особенно в сети) можно встретить различного рода публикации (от претендующих на научное изложение до околэзотерических), в которых так или иначе упоминается музыкальный строй (равномерно темперированный), построенный от ля 432 Гц (в ряде изданий он именуется «настройкой Нью-Эйдж»). Провозглашается, что «стандартный» (440 Гц) строй является чуть ли не вредным, так как произведения, написанные в нем, «создают чувство тревоги» и т. д.

Мы решили попытаться ответить на вопрос, насколько правы те или иные авторы, провозглашающие тот или иной музыкальный строй «единственно правильным».

Наши исследования имели целью, во-первых, ответить на вопрос, какому музыкальному строю мы «отдаем предпочтение» в речи, а во-вторых, выяснить, как мы воспринимаем музыку, записанную в различных музыкальных строях. Это нужно для того, чтобы выявить возможные вредные факторы воздействия тональных сигналов и их комбинаций на психику. Методика первого исследования следующая. У пациентов, никогда не занимавшихся специально пением (т. е., влияние сознания исключается), снимаются частотные характеристики голоса при:

- озвучивании выдоха (основная частота голосовых связок);
- пропевании гласных звуков (а, о, у, ы, э, и).

За «опорные точки» были взяты музыкальные строи 432 и 440 Гц.

Результаты исследования для пяти испытуемых приведены в табл. 1 (общее количество воспроизводимых испытуемыми звуков – 18).

Таблица 1. Результаты исследования частотных характеристик голоса при пропевании гласных звуков

Table 1. The results of the study of the frequency characteristics of the voice when singing vowels

№ испытуемого (пол)	Количество звуков, приближенных по частоте к ступеням строя 432 Гц	Количество звуков, приближенных по частоте к ступеням строя 440 Гц
1 (Ж)	8	10
2 (Ж)	9	9
3 (М)	12	6
4 (М)	6	12
5 (Ж)	8	10

Таким образом, для женской речи характерна большая равновероятность в плане приближения ее частотных характеристик к определенному музыкальному строю. В то время как мужская речь более ограничена по разнообразию частот (в большей степени определяется физиологией), а значит, менее эмоциональна.

Рассмотрим также результаты измерения частотных характеристик звуков, возникающих при озвучивании выдоха в расслабленном состоянии голосового аппарата и мышц ротовой полости. Большая часть этих значений приближена к ступеням 440-герцового музыкального строя, что дает повод говорить о том, что стандарт 440 Гц обусловлен исключительно физиологией человека и никакого отношения к психоэмоциональным аспектам восприятия музыкальной информации не имеет (см. выше о природе сознания и мышления).

Методика второго исследования такова: мы давали участникам эксперимента прослушать простые сочетания музыкальных звуков, исполняемых в различных строях (аккорды Am, Dm и E, сыгранные на гитаре), и просили оценить, какая из записей (заранее о них слушателям ничего известно не было) больше нравится, производит лучшее впечатление.

Десять человек прослушали две группы записей (по две в каждой). Первая запись была сделана на гитаре, настроенной в строй от ля 432 Гц, а вторая – от ля 440 Гц.

Предложено было ответить на вопрос: какая из записей лучше в каждой группе? Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты опроса слушателей

Table 2. Listener survey results

Параметры эксперимента	1-я группа записей		2-я группа записей	
Название записи, частота ля	запись 1 (432 Гц)	запись 2 (440 Гц)	запись 1 (432 Гц)	запись 2 (440 Гц)
Количество слушателей, посчитавших запись лучшей	3	7	5	5

Отметим, что в первом случае по ходу эксперимента не удалось полностью воспроизвести запись 1, в то время как во втором случае записи были воспроизведены и прослушаны полностью. Такие результаты могут говорить о том, что при прочих равных условиях музыкальный строй не оказывает существенного влияния на предпочтение. Они равновероятны и определяются, по-видимому, состоянием системы головного мозга.

Рассмотрим также соотношения между группами записей (по предпочтениям). Соответствующие данные приведены в табл. 3.

Таблица 3. Результаты опроса слушателей

Table 3. Listener survey results

Слушатели	Количество слушателей
Выбрали запись 1 (и в 1-й и во 2-й группе)	2
Выбрали запись 2 (и в 1-й и во 2-й группе)	4
Выбрали запись 1 (1-я группа) и запись 2 (2-я группа)	1
Выбрали запись 2 (1-я группа) и запись 1 (2-я группа)	3

Как видим, больше слушателей предпочли записи, сделанные в 440-герцовом строю, но, с другой стороны, запись 1 (432 Гц) при прослушивании 2-й группы записей предпочли [на фоне того, что выбрали запись 2 (440 Гц) при прослушивании 1-й группы записей] – три слушателя, в то время, как в обратной ситуации (3-я строчка таблицы – всего один). Таким образом, налицо «перекосяк» в предпочтениях, спровоцированный неудачным воспроизведением записи 1 при прослушивании 1-й группы записей.

Как и с голосовыми измерениями, в случае с изучением восприятия звука, ситуация не меняется: не существует четко выверенного равномерно темперированного строя в речи. Более того, привязывание речи к конкретным частотам (пусть даже физиологически

обусловленным) – это прямой путь к ее информационному обеднению (известно, что информация, передаваемая посредством монотонной, безэмоциональной речи практически не усваивается сознанием, да и на подсознательном уровне тоже).

Заключение. Частотная структура речи во многом равновероятна. Не существует музыкального строя, к которому можно было бы «привязать» нашу речь. То же относится и к восприятию музыкальной/речевой информации. Это означает, что, поскольку, по общепринятому в теории информации представлению, информацию несут *изменяющиеся* сигналы, более информационно наполненной является речь, насыщенная интонационными изменениями, даже незаметными на слух, что, кстати, делает невозможным влияние сознания на речь. Отсюда следует, что речь имеет свойства «прямого передатчика» информации «полевых структур» мозга, концепция которых была частично изложена нами выше.

Также равновероятность частотной структуры речи означает, что, поскольку в нашем мозге отсутствует какой-то характерный «набор частот», элементов равномерно темперированного строя, говорить о вредном влиянии «повышенных» и «пониженных» строев вследствие отклонения от «внутреннего эталона» не приходится.

Предлагаемая нами концепция, основанная на иной трактовке процессов, происходящих в системе головного мозга, несомненно, не может отменить или как-то существенно видоизменить методологию его исследования, что мы и постарались показать. Но, ввиду того, что по мере всестороннего изучения работы мозга и природы сознания у исследователей возникает все больше вопросов, на которые не найти ответы «обычным» способом (т. е., изучая материю, ее свойства), все большее значение будет приобретать (и уже приобретает) так называемый интуитивный способ познания, при котором наш мозг самостоятельно интерпретирует накопленные знания (эту фразу следует понимать так: до момента, когда на нас «снизошло озарение» мы, обладая полным набором знаний для этого, и не представляем, как они будут интерпретированы). Несмотря на то, что интуитивный способ познания не является научным в полном смысле этого слова (нет четкой методологической базы, она вырабатывается позже), он по отношению к любой научной концепции является первичным, а это означает, что интуиции принадлежит одна из ведущих, если не главная роль в дальнейшем формировании научной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hilbert M., López P. The World's Technological Capacity to Store, Communicate, and Compute Information // Science. 2011. Vol. 332, iss. 6025, P. 60–65. DOI: 10.1126/science.1200970.
2. Parnia S. Death and consciousness – an overview of the mental and cognitive experience of death // Ann. N.Y. Acad. Sci. 2014. Vol. 1330, iss. 1. P. 75–93. DOI: 10.1111/nyas.12582.
3. Шик А. Применение концепции обременительности в исследовании шума / под ред. Н. И. Иванова; БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова. СПб., 1998.
4. Аббакумов К. Е., Антонюк Е. М., Филатов Ю. В. Физические основы получения информации. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2006.
5. Будаговский А. В. Дистанционное межклеточное взаимодействие. М.: НПЛЦ «Техника», 2004.
6. Parnia S., Fenwick P. Near death experiences in cardiac arrest: vision of a dying brain or vision of a new science of consciousness // Resuscitation. 2002. Vol. 52, iss. 1. P. 5–11. DOI: 10.1016/s0300-9572(01)00469-5.
7. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ, 2018.
8. The Sequence of the Human Genome / C. J. Venter, M. D. Adams, E. W. Myers and etc. // Science. 2001. Vol. 291, iss. 5507. P. 1304–1351. DOI: 10.1126/science.1058040.

Информация об авторах.

Павлов Иван Вадимович – студент (2 курс, магистратура) Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: музыкальная акустика, влияние звуков различной природы на ритмы головного мозга. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1686-6311>. E-mail: pavlov.ivan17.09@gmail.com

Цаплев Валерий Михайлович – доктор технических наук (2004), профессор (2004), профессор кафедры электроакустики и ультразвуковой техники Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: нелинейные свойства материалов и нелинейная акустическая диагностика, пьезоэлектрические устройства. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7386-7233>. E-mail: valery@convergences-fr.ru

REFERENCES

1. Hilbert, M. and López, P. (2011), "The World's Technological Capacity to Store, Communicate, and Compute Information", *Science*, vol. 332, iss. 6025, pp. 60–65. DOI: 10.1126/science.1200970.
2. Parnia, S. (2014), "Death and consciousness – an overview of the mental and cognitive experience of death", *Ann. N.Y. Acad. Sci.*, vol. 1330, iss. 1, pp. 75–93. DOI: 10.1111/nyas.12582.
3. Shik, A. (1998), *Primenenie kontseptsii obremenitel'nosti v issledovanii shuma* [Applying the burden of noise in noise research], in Ivanov, N.I. (ed.), BSTU "VOENMEH" named after D. F. Ustinov, SPb, RUS.
4. Abbakumov, K.E., Antonyuk E.M. and Filatov, Yu.V. (2006), *Fizicheskie osnovy polucheniya informatsii* [Physical Basics of Getting Information], ETU Publishing House, SPb, RUS.
5. Budagovskii, A.V. (2004), *Distantsionnoe mezhkletочноe vzaimodeistvie* [Remote cell-cell interaction], NPLTs "Tekhnika", Moscow, RUS.
6. Parnia, S. and Fenwick, P. (2002), "Near death experiences in cardiac arrest: vision of a dying brain or vision of a new science of consciousness", *Resuscitation*, vol. 52, iss. 1, pp. 5–11. DOI: 10.1016/s0300-9572(01)00469-5.
7. Bekhtereva, N.P. (2018), *Magiya mozga i labirinty zhizni* [Brain magic and the labyrinths of life], AST, Moscow, RUS.
8. Venter, C.J., Adams, M.D., Myers, E.W. and etc. (2001), "The Sequence of the Human Genome", *Science*, vol. 291, iss. 5507, pp. 1304–1351. DOI: 10.1126/science.1058040.

Information about the authors.

Ivan V. Pavlov – student (2 year, master), Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: musical acoustics, the influence of sounds of various nature on the rhythms of the brain. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1686-6311>. E-mail: pavlov.ivan17.09@gmail.com

Valeriy M. Tsaplev – Dr. Sci. (Engineering) (2004), Professor (2004), Professor at the Department of Electroacoustics and Ultrasound Engineering, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. Author of over 200 scientific publications. Area of expertise: nonlinear properties of materials and nonlinear acoustic diagnostics, piezoelectric transducers and generators. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7386-7233>. E-mail: valery@convergences-fr.ru

Transcendentalism, Network Concepts and American Poetry

Nina F. Shcherbak[✉], Alena I. Gerus

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

[✉]alpha-12@yandex.ru

Introduction. The paper aims at describing the philosophy of transcendentalism as viewed by 19th century American philosopher Ralph Emerson, one of its founders and, above all, the direct application of this framework to the contemporary view of network concepts introduced as a state-of the art paradigm of cultural and social development, often viewed as directly applicable to the study of social processes as well as literary texts.

Methodology and sources. The chosen methodology includes the structural semantic study of Emerson's texts and the analysis of the view of contemporary philosophers of the language and literary critics on the network concept as a basis for state of the art social schemes and internet-communication principles, as well as literary texts analysis.

Results and discussion. The results of the research allow to hypothesize that the philosophy of transcendentalism which attempted to give a full-fledged representation of a harmonious and dynamic cosmic principle, seeing ways of moral purification and comprehension of the super-soul has similar principles with the works by outstanding poststructuralist or postmodern philosophers (like G. Deleuze) and is directly applicable to the study of contemporary literary texts if not social processes. These concepts allow to see the development of aesthetic paradigm (a vivid example being the development of the transcendental motive in poetry). One of the possible examples could be seen in the development of poetic paradigm with a) early romantic poetry concentrating on the poet's emotions, thus rendering the transcendental, with b) modernist writing which used language as a medium, when a poem became a means of expressing the transcendental, with c) poetry combining political views and the transcendental experience, with d) post-colonial poetry, with the transcendental being transferred from the sphere of "eternal" to the sphere of "everyday".

Conclusion. American transcendentalism allows to see common patterns of development and innovation of cultural, literary, philosophical scene, characteristic of the contemporary aesthetic paradigm.

Keywords: transcendentalism, over-soul, self-reliance, network concepts, American poetry.

For citation: Shcherbak N. F., Gerus A. I. Transcendentalism, Network Concepts and American Poetry. DISCOURSE. 2020. Vol. 6, no. 1, pp. 106–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-106-120

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.12.2019; adopted after review 24.12.2019; published online 25.02.2020

Философия трансцендентализма, сетевые концепты и американская поэзия

Н. Ф. Щербак[✉], А. И. Герус

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]alpha-12@yandex.ru

© Shcherbak N. F., Gerus A. I., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение. Целью статьи является критическое описание философии трансцендентализма, разработанной (среди прочих последователей) американским философом XIX в. Ральфом Эмерсоном, одним из ее основателей. Трансцендентализм впервые рассматривается как ключевая философская база, необходимая при анализе сетевых концептов, представленных как современная парадигма культуры и социального развития, необходимый инструмент для изучения литературных текстов и поэзии. Актуальность исследования обусловлена безусловной значимостью сетевых концептов (современной формы выражения трансцендентного) как основы современной литературной парадигмы.

Методология и источники. Выбранная методология включает в себя структурно-семантическое изучение текстов Эмерсона, анализ взглядов современных философов языка и литературоведов (Левина, Шобера, Фолсома) на сетевые концепты как основу современных социальных схем, принципов интернет-коммуникации, построения художественных и поэтических текстов. Анализ поэтических текстов проводится посредством сравнения основных моделей стихосложения, которые используются американскими поэтами в зависимости от эпохи и действующей эстетической парадигмы.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования дают основание предположить, что философия трансцендентализма (которая ставила задачей дать представление о гармоничном и динамичном космическом принципе), позволяет увидеть аналогичные принципы, обозначенные в работах выдающихся современных философов (таких как Жиль Делез). Данные философские концепции оказываются наиболее продуктивными при анализе художественных и поэтических произведений, а также при выявлении особенностей развития художественной (эстетической парадигмы). В исследовании были обозначены четыре модели развития эстетической парадигмы при реализации мотива трансцендентного в поэзии: 1) романтическая поэзия концентрируется на эмоциях автора (его собственный трансцендентный модус); 2) в модернистской поэзии язык используется в качестве передачи основного смысла, поэзия становится средством выражения трансцендентного; 3) некоторые авторы комбинируют политические и трансцендентные мотивы; 4) в пост-колониальной поэзии мотив памяти создает дополнительную коннотацию трансцендентного, перенося его из сферы «вечности» в сферу «обыденного».

Заключение. Трансцендентализм позволяет увидеть общие закономерности развития и инноваций на социокультурной сцене, характерных для современной эстетической парадигмы. Основные положения пост-структуралистской философской концепции (на примере Жюль Делеза) непосредственно применимы к изучению современных литературных текстов, а возможно, и социальных процессов.

Ключевые слова: трансцендентализм, сетевые концепты, вера в себя, сверхдуша, постмодернизм, американский романтизм.

Для цитирования: Щербак Н. Ф., Герус А. И. Философия трансцендентализма, сетевые концепты и американская поэзия // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 106–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-106-120

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.12.2019; принята после рецензирования 24.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2019

Introduction. American transcendentalism was considered as a full-fledged representative of a harmonious and dynamic cosmic principle. The ideas of transcendentalism were expressed by R. Emerson H. D. Thoreau in the middle of the 19th century. Those who expressed transcendentalists' ideas believed that nature was endowed with inexhaustible spiritual strength.

In approaching nature unspoiled by civilization, in its intuitive experience and unraveling its symbolic meanings, transcendentalists saw ways of moral purification and comprehension, in the words of Emerson, of the Over-soul. The main ideas of transcendentalism include social equality, spiritual self-improvement, closeness to nature, purifying a person of “vulgar-material” interests, intuitive understanding of the macrocosm through the microcosm. This view looks at people as individuals who are related to each other and are trying to get spiritual purification through intuitive feeling of the transcendental. Such an approach roughly corresponds to the ideas developed by G. Deleuze, the French poststructuralist, in that the basic foundation of metaphysics, human thought, cultural paradigm is not the tree like scheme or frame, yet should be viewed as a rhizome. The transcendental and network concepts paradigm (similar to that of the rhizome pattern) is viewed by contemporary researchers not only as characteristic of the American cultural tradition (as is argued by Schober) [1, p. 495–515] but is intrinsic to contemporary social and cultural paradigm, including that of communication and literary studies. One of the possible example could be seen in the development of poetic paradigm: (a) with early romantic poetry concentrating on the poet’s emotions, thus rendering the transcendental; (b) with modernist writing which used language as a medium, thus expressing the transcendental, (c) the political and social view of the transcendental manifested in their writing by poets such as Walt Whitman, (d) the post-colonial poetry characterized by the author’s position in the “found paradise”, with the memory motif important and updated, which creates an additional connotation of the transcendental, transferring it from the sphere of “eternal” to the sphere of “everyday”.

Methodology and sources. The chosen methodology includes the structural semantic study of Emerson’s texts and the analysis of the view of contemporary philosophers on the language, their opinion on the network concept as a basis for state of the art social schemes and internet-communication principles, as well as literary texts analysis.

A century after his death, Ralph Waldo Emerson still seems more like an icon than a classic. Emerson is the author of essays such as “Self-Reliance” (1941), such deep experiences, immersions in pure mysticism as the work “Over-soul”, which is believed to have had a huge impact on the minds of American writers. Poet Walt Whitman (1819–1992) (an innovator of verse, who was one of the first to “break” the poetic rules, bringing the poetry closer to the rhythm of the psalms, the poet who “preached democracy”) called Emerson “the actual discoverer”, though some scholars fiercely criticized Emerson’s deeply idealistic views. Nevertheless, his works appear in the beauty and uniqueness of his mind, in the boundless affirmation of “the thinker of once almost crushing idealism” [2, p. 7].

The attempt to compare psychology and theology in relation to Emerson’s work seems interesting enough. Despite the apparent differences, similar motives and intersections in the works of Emerson and the classics of psychology quite a lot. The researcher E. Edinger writes about Emerson: “From the first day of my acquaintance with analytical psychology, I was struck by the numerous Parallels between Emerson’s intuitive insights and Jung’s experiential psychology. I knew and loved Emerson long before I heard of Jung’s existence. I accepted with all my heart his sonorous phrases: “Trust yourself. Every heart vibrates to the rhythm of this steel string”; “Envy is born of ignorance... imitation is suicide”; “He who wants to be a man must be a nonconformist ... nothing is more sacred than the inviolability of his own mind” <...> He called himself a “naturalist of the soul”, and this figurative term accurately describes him. In addition, Jung was well acquainted with Emerson’s works and referred to him several times in his writings” [3, p. 1–10].

Summing up his work, Emerson pointed out that it is dedicated to the “infinity of the private man” [4, p. 5]. Emerson is particularly explicit in building a bridge between nature and culture in his early essay “Nature” (even more emphatically than does the philosopher Thoreau). Emerson begins the essay by describing the reproductive dynamics of natural growth cycles: nature in its service to man is not only a material, but also a process and a result. All parts continuously work in a predetermined cycle for human use. The wind carries the seed; the sun evaporates the sea; the wind carries the steam into the field; the ice on the other side of the planet condenses the rain; the rain nourishes the plant; the plant feeds the animal; and thus the infinite appeals of divine mercy nourish man [2, p. 20]. Nature and the Soul are the two components of the Universe). By nature, Emerson means the Fichte-Schelling “not-I” (the not me), which incorporates the entire realm of the conceivable, including art, other people, and even one's own body. However, the human soul is not opposed to Nature. It is a part of God, through which the “currents of Universal Being” pass.

In his essay “Circles” (1841) Emerson explains the periods of human development (the idea of the circle captured by the subsequent explanation of Nietzsche's ideas, which, among others, including the notion of the constant (eternal), as could be naturally observed in the phenomenon of a “comet” [2, p. 250]. Emerson writes that a person should: “just experiment, being an endless seeker with no past behind him”. “I'm just experimenting” is how Emerson expressively described his gift for communicating with himself in “Circles”. “Circles, then, is one of the finest meditations, in the spirit of F. Nietzsche and Thomas Carlyle”. Here are a few more quotes: “The key to every man is his thought”; “Conversation is a game of circles”; “Human life is a self-developing circle, which, forming a subtle ring, rushes out to new and larger circles, and this is an endless process”; “There is no outside, no enclosing wall, no circumference for us”.

The natural world may be conceived of as a system of concentric circles, and we now and then detect in nature slight dislocations, which apprise us that this surface on which we now stand is not fixed, but sliding. These manifold tenacious qualities, this chemistry and vegetation, these metals and animals, which seem to stand there for their own sake, are means and methods only, – are words of God, and as fugitive as other words” [2, p. 252].

The essay “Circles” is an appeal to Emerson's listeners and readers to think cosmically. We must see the circle formed by the eye and the “horizon that is the form” as symbols of a universe that exists not only physically for our perception, our science, but also metaphysically and religiously. We can say that the universe exists only because the human soul reflects it, knows about it, because the soul carries “divine waves”. We know where we are, here and now, because of the sense of infinity that we possess – for which we alone are the key. The essence of human existence is not satisfaction, but the attainment of correct perception. According to Emerson, the only possible purpose of such knowledge is to “feel God”. We do not need churches or traditions to do this, only our own free, fearless, independent and joyful through our recognition, we are the divine essence, which is inherent in the beauty and repetition of creation. In fact, we are the “soul”, nothing but the soul, and the soul is what allows us to be closer to the higher circle, which is the universe of God.

One of Emerson's most striking essays is “Self-reliance” (1841) [2, p. 390]. As the Russian poet Joseph Brodsky once wrote, “any career of a writer begins with a personal search for Holiness, self-improvement. Often, however, the writer realizes that he writes with his pen much more than

his soul can say, this becomes the main function of writing: to combine the flight of the pen and the motives of the heart". Emerson, similarly, looks for himself in the essay "Self-Reliance": "Insist on yourself; never imitate. Your own gift you can present every moment with the cumulative force of a whole life's cultivation; but of the adopted talent of another, you have only an extemporaneous, half possession. That which each can do best, none but his Maker can teach him. No man yet knows what it is, nor can, till that person has exhibited it" [2, p. 390].

Emerson's strategy in writing is similar to that of the fire. In "Over-soul" (1841), Emerson is at the top of his own spiritual identity, speaks of boundless freedom and ideal faith. "Super-soul" is no longer the work of a preacher about self-belief, it is the study of a mystic, evidence of how the writer received his own revelations about the universal soul in the post-Christian era. There is a fusion of ideas, a myriad of motives. The essay mentions the philosophers and writers Spinoza, Kant, Coleridge, Locke, Pope, Homer, Chaucer, the rulers Charles the Second, James the First, Shakespearian famous characters Hamlet and King Lear, demonstrating the divine presence in each of the representatives of cultural and historical realities that enter human life by divine will [2, p. 400].

Results and Discussion.

Transcendentalism and network concepts. Modern American researchers have repeatedly noted that in Emerson's philosophy lies the idea of networks, so characteristic of American culture, to some extent determining its state and position in the 19th century, reflecting its trends for the modern era. To some extent, this is in harmony with the concept of the rhizome of the French poststructuralist philosopher Gilles Deleuze used to account for contemporary cultural and aesthetic paradigm of the 20th century and postmodernism.

It is obvious that the notion of a network underlying transcendentalist discourses is more problematic than the supposedly clear dualism between the material and the immaterial. Rather, these networks intersect and form unexpected interfaces. Linked to both material and ideal notions of interconnectedness, the network reconciles and transcends oppositional values in the writings of Emerson and Thoreau. While the railway and the telegraph are partly connected with the illegal invasion of the natural order of things, their unifying potentials are embraced in connection with a common desire to connect. The idea of transcending spatial boundaries is perceived as something that promotes human well-being and as something that puts individual prosperity at risk.

As noted by Schober, while the postmodern view of the web as a fundamentally dehumanizing, disembodied technology, beyond human control and understanding, is already looming in the idea of a network, the potential of networks to promote personal, social, and political unity is seen equally [1, p. 500]. For many nineteenth-century authors, including Emerson, the concept of the web, inspired by new technological developments, is adapted to intangible contexts, often metaphorically. Network technologies are seen as offering epistemological potential to offer new thinking models [1, p. 502]. In addition to commenting on the immediate material environment, network image serves to create visions of new aesthetic and cultural forms arising from transformed concepts of interconnected spatiality. Transcendentalist conceptions of the web as a metaphor figure in relation, but not necessarily in opposition, to its material consequences, bears in mind the respected values of spiritual and metaphysical interconnectedness. Emerson's concept, in fact, is indicative of such an intangible network that is very compatible and closely related to the idea of community. His idea of an "imaginary

community” is based on the idea of a form of virtual interconnection between people who are connected to each other through spiritual connections rather than through emotional or conceptual views and beliefs. Emerson [2, p. 155] distinguishes between exclusively material and ideal networks of community, between social conformity and the “virtue of solitude”. The very ability to be completely free from external control and influence is considered a key value for a personal character. However, self-confidence is not seen as a contradiction, but rather as a condition for achieving spiritual interconnectedness. In Emerson's essay “Worship” (1860), the concept of a network takes on a spiritual connotation. Emerson here postulates that human existence has an inherently spiritual predisposition, arguing that “relationships and connections are not somewhere and sometimes, but everywhere and always; there is no difference, no exceptions, no anomalies – but a method and an even net; and what comes out is what has been inserted” [1, p. 493–505]. This hidden net, however, is not destiny, but “inspiration” associated with and arising from the presence of the Over-soul. Emerson regards the Over-soul as the “great nature” in which the separate being of each person is contained and connected with all the others: “We live in succession, in division, in parts, in particles. Meantime within man is the soul of the whole; the wise silence; the universal beauty, to which every part and particle is equally related, the eternal ONE” [2, p. 175].

The Over-soul itself can be understood as an invisible web that binds people together, giving rise to what Folsom [5, p. 266] called the key to transcendentalism: “Transcendentalism valued self-confidence and independent action”, but it “valued these qualities, paradoxically, in the knowledge that they exist under Central control, the Over-soul”. In describing Emerson's concept of the Over-soul as something spiritual that “flows through all creation,” Ph. Gura [6, c. 94] emphasizes the process of the flow of energy that defines this spiritual process.

One of the seeming paradoxes of Emerson's often misunderstood concept [particularly his ideas of Self-reliance (1841)], [1, p. 505] is that Emerson's writing contains a basic conflict between a certain belief in “connectedness” between the individual and the universe and the “transcendentalist dislike of all forms of association”. The supposed opposition between these two forms of relationship, spiritual-ideal, on the one hand, and material-social, on the other, are actually two sides of the same coin.

Emerson does not postulate self-liberation from any connection. Self-reliance gave rise to “a discourse that fostered U. S. exceptionalism based on self-interest” [1, p. 496]. Self-reliance does not mean absolute independence, but submission to the power and influence of the Over-soul. “That's right, every person is a channel through which the sky flows” [2, p. 275]. Christopher Newfield calls Emerson's balanced individualism central to the emergence of American liberalism, which contrary to popular belief, contributes to “the consolidation of freedom through the loss of both private and public control” [7, p. 5]. Although Newfield's reading of Emerson is politically defined, placing individualism on the edge of self and community suggests an underlying transcendent connection.

As J. Levin (1999) suggests, Emerson's personality is a tightly organized network of both internal and external connections that constantly interact with each other. Linking Emerson's transcendentalism to the pragmatic epistemology, Levin argues that the relationship between self and divine intuition, or genius, must be understood as deeply interactive processes: “Man and his permanent genius exist for Emerson in a paradoxical relationship of interdependence and absolute incongruity. The power of genius ultimately does not belong to a stable, consistent, rational agent, but

rather comes from other forces that precede and include that agent and his Agency. The more a rational agent controls himself, the less this self will exercise these powers. Ironically, the Self remains the place where forces circulate, although it is by no means the source of that force” [8, p. 28].

For Levin, the apparent paradox of self-confidence and social interconnectedness disappears if we start from the fundamental instability of the Self as a mode within the network of external influences. Along these lines, the self in its independence is not a fixed entity, but is essentially a dynamic process, or rather a place, in which spiritual and universal currents converge. At the same time, this convergence means that the self is not completely fragmented, but rather represents a certain coherence of relationships. The self is then stable, flexible, diverse, and one. In Emerson's writings, epistemology is often associated with the concept of the visual, intriguingly also the preferred conceptual area for representing networks. For Emerson, this serves as a way to link literal meaning to metaphor, thereby creating an inherent link between material and ideal that also works at the level of rhetoric.

Transcendentalism, the concept of rhizome, communication and literary studies.

Emerson's views allow to, firstly, draw parallels between his writings and works of contemporary poststructuralist philosophers like G. Deleuze who form the foundation of the aesthetic paradigm. Secondly, Emerson's writing is directly applicable to the analysis of poetic and literary works, as well as contemporary communication and internet communication patterns.

Firstly, transcendentalism is very similar to that of G. Deleuze who maintains in his later works that the connectedness between elements in the world is characterized by decentralization. In the case of human being and their connectedness, the process includes the blurring of all the pre-conceived habits of one's consciousness that allows us to think that we are individuals who are independent. Deleuze refer to schizoid kind of reality that allows to “approach a beating heart of reality to the point of its intensity, identical to the construction and production of reality” [9].

From here Deleuze develops the idea of the organism deterritorialization of the organism, following the flight movement that allows for a full disconnection. From here rises the imperative for de-stratification of the situation: if creations are renewed, the created strata could interrupt the lines. “Strata” is what isolates us from the consistent surfaces, where there is not regime of signs, where the line of flights allows to activate potential positive force and allows for positive outcome and de-territorialization [10]. That is above all, the declaration and strive for the transcendental.

Secondly, Ralph Emerson's writings are applicable to the study of literary texts. The philosopher writes the essay “Poet” in which he anticipating the era of modernism and post-modernism, periods in which criticism will become a work of art, prose will become poetry, and poetry will turn into music. According to Emerson, the mask of the poet is the mask of the actor who is involved in the process of creating a work of art, the role of which for the 20th and 21st centuries becomes decisive. The person speaking and playing replaces any of the earlier existing paradigms, gaining transcendence through freedom of speech (discussed at length in part 4 of this article). Emerson wins the sympathy of readers in Germany, has an influence on F. Nietzsche. In France and Belgium, he does not become so popular, although his work will be interested in M. Maeterlinck, A. Bergson and S. Baudelaire. In Russia, the writer made a strong impression on Leo Tolstoy and a number of other writers, who, however, often saw in his work only the revelations of a religious figure.

I would argue that in the field of contemporary linguistics and communication one of the main principles is that communication process does not consider what is directly said in a given

communicative situation, but what the speaker implies, what strategies the speaker uses in the communication process, whether there are communication failures when trying to transmit a message. Pragmatics and social theories of language have expanded the range of communicative tasks. Rapid development of computer technology allows us to talk about cyber pragmatics [11, p. 13], studies of those codes and rules that are established in the process of Internet communication. In this case, it becomes important that “information in the cyber context is limited by the interpretative requirements of the stimulus, whether it be a picture, a statement or a video, and it is dynamic, being in the process of constant evolution” [ibid., p. 15]. A participant in a communicative situation on the Internet can play an increasing number of roles and influence a larger number of social groups. Studies in the field of Internet communication show that when communicating, there is no substitution of identity, yet the identity becomes more “fragmented” and “diverse” [12, p. 37], which leads to an endless range of possible ways of communication, the use of various means of communication, the constant change of codes, the application of additional strategies to maintain the conversation. The recognition of such complexity is in the best possible harmony with the recognition of differences between people, the maintenance of any form of development of personal and interpersonal qualities.

Transcendentalism and American poetry.

The results of the research showed that the transcendental motive in American poetry can manifest itself in various forms and through various means. In the process of analyzing the research results, four main models for the implementation of the transcendental were found. Firstly, a poet on behalf of a lyrical hero can convey his own feelings and emotions (this occurs in the poetry of Romanticism). Secondly, the poet can concentrate the reader's attention not on the described personal experiences, but on the linguistic means that structure the reader's perception (as, for example, in the poetry of T. S. Eliot). The poem in this case becomes a means of expressing the transcendental, and the close attention to the author completely changes the canons of versification. Thirdly, a number of poetic examples (Whitman's poetry) demonstrate cases of the social interpretation of the transcendental, a special case of which is the realization of the concept of “network”, the actualization of the interconnections of man, the world around him and the divine, which underlie the philosophy of transcendentalism (represented by Emerson and Thoreau). Fourthly, post-colonial poetry is characterized by the author's location in the position of “newfound paradise”, and the memory motif is often updated, which creates an additional connotation of the transcendental, transferring it from the sphere of “eternal” to the sphere of “ordinary”.

Firstly, the poetry of the American poet Edgar Allan Poe is a clear example of such a personal generation of poetry based on his own experiences, an example of his own romantic experience, which is presented to the reader by the creator of the poem. The main motives are longing, loneliness, disappointment, death, according to Y. Kovalev, a famous biographer and critic of E. Poe's creativity, this is “a traditional set of European romantic lyric poetry of the Byron sense”, “it recorded a certain mentality and state of mind generated by life experience of a poet”, and “experience itself, as a rule, was not subject to image, it remained outside the text: lyric poetry was distinguished by some abstractness, romantic lyrics were doubly distinguished by it” [13, p. 76]. An incredible surge of emotion “Annabel Lee”, a poem written by E. Poe shortly before his death (the one that Nabokov uses to create the famous “Lolita”):

It was many and many a year ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabel Lee;
And this maiden she lived with no other thought
That to love and be loved by me.

(1895) [14]

In this poem, the focus is on the personal experiences of the lyrical hero, the motives of the “impossible”, the motives of “loss” and “gain”, the impossibility of “merging” and at the same time – “eternal harmony”, “life and death” (in the text “and this maiden lived with no other thought than to love and be loved by me”), but at the same time the motive of “wedding”, which is one of the fundamental in the poem, can be understood only in the categories of “death” or “sleep” (realized in the text my darling, my life and my bride, in her sepulcher there by the sea, in her tomb by the side of the sea).

The second type of a model of how to express the transcendental is linked to the ideas of modernism and is fundamentally different from that of the Romanic era. One possible example of the poetics of modernism could be an idea related to “Chinese writing”, an ideogram, an idea discussed by Pound and then Ernest Fenollosa in the work “Chinese writing as a language of poetry” (1919) [15]. This concept shows the possibility of considering poetry from the point of view of rational and critical doctrine. Fenollosa believes that Chinese writing has the potential not only to cause “thoughts with pictures or images” in consciousness, using signs, as is the case with any writing, but that these “ideograms” carry out their task “livelier and more concrete”, since they do not abstract either to what is “outside of representation”, to nothing, what is not in the text. The Romantic poets, on the contrary, have referenced to an infinite indefinite set, while the ideogram or icon provides our attention with “instant concrete form” presented to the reader [ibid., p. 140]. Fenollosa believed that “reading Chinese” and the modus of images suggests that “we do not lose mental possibilities”, trying to choose the necessary value or interpretive option, on the contrary, we “observe how the reading process follows its destiny” [15].

In this sense, the ideas of the Russian theologian Pavel Florensky about the iconicity of the sign, its transcendence, are very relevant. In his essay “Is Rublev's Trinity Visible to non-believers?” I. Kish refers to the text of the “Iconostasis” by Pavel Florensky and analyzes the properties of an iconic image to actually acquire the properties of the transcendental, that is, to actually be not holy or otherworldly images, but to be them. “P. Florensky suggests that the ability to see an icon by itself, automatically, is not given to us: the ability of spiritual vision by the icon itself awakens in consciousness”. The icon does not just “affirm that there is such a perception, that is, that we can generally perceive the invisible, but makes us feel our own experience of this kind” [16, p. 102]. According to Kish, the work of Pavel Florensky answers questions regarding the perception of the icon, the idea of the structure of the image on the icon, the idea of the nature of the icon sign. The similarity of the sounding of the terms “iconic sign” and “iconic sign” is not accidental. An iconic sign is an icon whose meaning is to be otherworldly, while an iconic or iconic sign is a sign that, according to the terminology of linguist Charles Pearce, resembles a concept or meaning actualized through this sign. Pavel Florensky writes that the icon painter does not repeat the visible highland world, but fixes with the help of paints the “invisible world that appears before itself”.

So, modernist writers of the turn of the century considered themselves to be standing at the end of a certain period, marking a new path. Ezra Pound's called for "renewal" which was an exclamation and a call among the representatives of the art scene. The appeal meant "renewing the old" and "breaking with it" at the same time. Eliot considers himself to be the vector of the art development (which is referred to as "modernism") as opposed to the romantic humanism of Victorian England. In his essay on Arnold, for example, Eliot claims that Arnold "draws attention precisely to the poet's feelings, and not to poetry itself" [17, p. 115].

In 1909, Eliot still uses traditional rhymed stanzas, but the mood is special, as Perloff notes [18, p. 7–43], as many referents are too blurry:

This charm of vacant lots!
The helpless fields that lie
Sinister, sterile and blind –
Entreat the eye and rack the mind,
Demand your pity.
With ashes and tins in piles,
Shattered bricks and tiles
And the débris of a city.

(Eliot T. S. Second Caprice in North Cambridge, 1909)

In this poem, the vocalizations are highlighted most vividly: the game like echo of l-consonants creates a special mood in the description of the landscape, as if the picture of the city is compressed and unclenched, while the syllables on the first and fourth stanzas are short, on the second and third they are – long, which again – creates a certain non-linearity, some "raggedness", but at the same time the smoothness of the verse (pity, tiles, piles, city).

What poetry ideas are relevant to understanding Eliot's work? "There are no thoughts outside the language. There is no natural sound in the poem. The basis of writing is creation, the design process", writes Bernstein [19, p. 49]. Davidson points out similar power of linguistic means, but above all mentions the fact that the poet plays a certain social role, which is not necessarily political: "Unlike political poetry of the last twenty years, the functioning of the language does not base its analysis of authority or legitimation on politics itself <...> Moreover, emphasizing the abstract features of speech, rather than the authenticity of the expressive moment, the poet recognizes the importance and indispensable power of utterance in the process of social communication" [20, p. 70]. Heiman supports a similar idea: "By focusing on the written implementation of a word, the poem draws attention to the complexity of the construction process" [21, p. 329].

The basic concept for each of Eliot's poems is constructivism – the understanding that language is not a means or container for thoughts and feelings, it is itself a springboard for generating meaning. When Bernstein claims that there are no thoughts outside the language, he reproduces Wittgenstein's famous aphorism described in the Logical and Philosophical Treatise: "The Limitations of My Language – the Limitations of My World", or the idea expressed earlier: "Do not forget that poetry is designed to construct" [16].

In "Metaphysical poets" [22, p. 207] Eliot writes that "when the poet's consciousness has taken the proper condition for further work, it resembles an amalgam, an amalgam pattern of experience, an ordinary person's experience is chaotic, disordered fragmentation, he falls in love,

reads Spinoza, there is no connection between these two types of experience “but with the sounds of a typewriter beating on the keys, or the smell of food, in the poet's mind, these options of experience always form new possibilities of choice”. The poetics of modernism, therefore, are trying to build their own system of “new whole”. Art for modernists and for Eliot, in particular, is a form of transformation in which the difference between reality and art is enormous. At the same time, S. Mascaffery is right in defining this tendency as “concentration on the concreteness of the sign, and not on the transcendence of the referent” [23, p. 19], which rather brings such poetry closer to Joyce's *Finnegan's Wake*, and not at all to other works.

“The limitations of the language are the impossibility to convey any fact conveyed in this sentence without having to repeat this sentence”, writes Wittgenstein [24, p. 5]. If we replace the word in Eliot's line with random synonyms like “troubled” or “anxious”, Perloff comments, then “st” will lose its sound or repetition, or the mirror interaction of “le” with “el”, as in “shells-hotels” [16]. Thus, echo elements (restless, sawdust, oyster), repetitions of “rest” in “restless”, “restaurants” will be lost. Similarly, you shouldn't lose the echo in some lines in which there is a repetition of the word “night” (in the text “Of restless nights in one-night hotels”) [16]. Obviously, Eliot wrote at a time when poetry did not exist in a new form which he himself was the forerunner and the founder of.

Thirdly, the poetry of W. Whitman is one more example of the realization of the transcendental. Like every American, according to R. Schober, Whitman's poetry is based on the idea of combining the material and the ideal, that is, following Emerson, combines the possibilities of the real world and the transcendental properties of man, words and poetry. Whitman is a pastor of democracy who writes at the same time about the social (entrusting his verses to the many different voices that write them), and at the same time arranges them like a prayer. Schober postulates the idea of a network concept [1], a rhizomatic (according to Deleuze) education, which equally conveys modern American self-consciousness (the idea of self-reliance and Over-soul) and its material embodiment (railways, “network concepts”, as a metaphor for the organization of American society). Whitman's poetry, therefore, is a continuation of the same famous philosophy of Emerson, that is, it tells about the transformation of society, which leaves room for both social and individual development of intuition and feeling. If some of Whitman's poems, such as “Noiseless Patient Spider”, or “Passage to India” refer directly to the concept of the “web”, in other works the interconnection of incompatible concepts from the life of American society, as well as the idea of universal unity, is implicitly expressed as, for example, in Whitman's poem, “Starting from Paumanok”. The poem is an example of the transcendentalist idea of the “network”, extending this idea simultaneously to the personal, social, national spheres, connecting it with all aspects of being. The poem creates the utopian illusion of the United States as a network that is outside the division of the material world and the ideal world, putting the “network” on a concrete level and at the same time socio-political. The poem describes the various stages of the life of a lyrical hero. The lyrical “I” is the embodiment of a developing individual who moves from one geographical point of the USA to another (from Manhattan to the southern savannahs and forests of Dakota). Various locations, realized as the stops of the hero, are not only the places he visits, from a metaphorical point of view, these points are the starting points of a new stage in the development of the hero, his personal experience (he simply lives, then becomes a soldier, then “is in deep thought”) [25, lines 40–172]. All this diverse experience leads the speaker to conclusions about life: victory, unity, faith, identity, time. All these concepts confirm that the hero unites the

history of natural and technological transformations, universal laws, space and objects of the material world with his life path and experiences. An important aspect of Whitman's work is the meta-text function of his poetry, which demonstrates how the act of writing a letter implements all possible spiritual and spiritual experiences, thus combining spiritual formation and material embodiment of this formation in the traditions of transcendentalism.

Fourthly, postmodernism is indeed a slightly different phenomenon in relation to the transcendental, yet it apparently could be viewed as one of its further and later manifestations. According to I. Smirnov, the postmodern author is a kind of a symbiotic child who writes while in paradise. This is a slightly different, poststructuralist interpretation of the famous Frege triangle: the sign enters into an endless process of meaning, and, from the point of view of psychoanalysis, Igor Smirnov defines symbiosis as such: "A symbiotic infant is subjective. His behavior is symptomatic. The gestures he makes suggest that he would like to imitate his power source". Smirnov continues: "For a symbiotic child, subjective and objective are both equivalent to it (since it is auto-reflexive, self-alienating) and transcendental (since it considers the mother to be equivalent to it) <...> Earthly paradise (the image of symbiosis for most non-symbiotic subjects, which idealize the beginning of what they have at their disposal – the starting point of their subjectivity) is for the postmodernist the place where he sees the world, and not where he seeks to get out of the world (like Adam the sado-avant-garde). The postmodernist thinks like Adam, but not about Adam; he does not notice that Eden is leading his speech; he does not distinguish between sextuple and otherworldly <...> The symbiotic with its auto-reflexion has no other position in the world except meta-position <...> a story that the symbiotic does not control only comes to him as a dream" [26, p. 317–331].

Such a view is very characteristic of post-modern poetry, especially in its post-colonial manifestation:

Presiding over a formica counter,
plastic Mother and Child magnetized
to the top of an ancient register,
the heady mix of smells from the open bins
of dried codfish, the green plantains
hanging in stalks like votive offerings,
she is the Patroness of Exiles.

[27]

One could see in this poetry the connection of the motive of faith and church (actualized in the description of the Saint Mary) and its juxtaposition with everyday object (heady mix of smells from the open bins), which brings together the sublime and the trivial allowing to have an ironic view of the scene, combining the traditional scheme of God-like characters and the contemporary rejection of the sublime.

Conclusion. Transcendentalism in the face of the teachings of Emerson allows to see common patterns in the development of the state of the art social and cultural scene characteristic of the contemporary aesthetic paradigm. One of the possible examples could be seen in the development of network concepts thus expanding the understanding of the aesthetic paradigm. This view is very similar to the rhizome concept introduced by G. Deleuze, in many ways developing in line with contemporary communication studies. Poetic paradigm development (the example being the

American poetry) could be seen as manifested in four models. The first one includes early romantic poetry concentrating on the poet's emotions, thus rendering the transcendental. Secondly, with modernist writing which used language as a medium, when a poem became a means of expressing the transcendental. The third model allows to see poetry as a social and political means, yet linking it to the transcendental as one could see in the works by W. Whitman. The post-colonial poetry is characterized by the author's location in the topos of the "found paradise" and accounts for the fourth model, with the memory motif important and updated, creating an additional connotation of the transcendental, transferring it from the sphere of "eternal" to the sphere of "everyday".

REFERENCES

1. Schober, R. (2014), "Transcending Boundaries: The Network Concept in Nineteenth-Century American Philosophy and Literature", *American Literature*, vol. 86, no. 3, pp. 493–521. DOI: <https://doi.org/10.1215/00029831-2717389>.
2. Emerson, R.W. (1982), *Selected Essays*, Penguin, N.Y., USA.
3. *Ralf Uoldo Emerson: naturalist dushi* [Emerson: naturalist of the soul], Transl. by Edinger, E.R. available at: <https://castalia.ru/perewody/yungiantsy-blizhnij-krug/2943-edvard-edinger-ralf-uoldo-emerson-naturalist-dushi.html> (accessed 20.11.2019).
4. Kazin, A. (1979), "Introduction", *The essays of Ralph Waldo Emerson*, Harvard Univ. Press, Cambridge, UK, pp. VII-XIX.
5. Folsom, E. (2010), "Transcendental Poetics: Emerson, Higginson, and the Rise of Whitman and Dickinson", *The Oxford Handbook of Transcendentalism*, in Petrulionis, S.H., Walls, L.D., and Myerson, J. (ed.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 263–290. DOI: <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195331035.013.0019>.
6. Gura, P.F. (2008), *American Transcendentalism: A History*, Hill and Wang, N.Y., USA.
7. Newfield, C. (1996), *The Emerson Effect: Individualism and Submission in America*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
8. Levin, J. (1999), *The Poetics of Transition: Emerson, Pragmatism, and American Literary Modernism*, Duke Univ. Press Books, Durham, USA.
9. Deleuze, G. and Guattari, F. (1972), *Anti-Oedipus*, Trans. by Hurley, R., Seem, M. and Lane, H.R., Continuum, London, UK.
10. Deleuze, G. and Guattari, F. (2005), *A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia*, Transl. by Massumi, B., Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
11. Yus, F. (2011), *Cyberpragmatics. Internet-mediated communication in context*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, ND. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.213>.
12. Turkle, Sh. (1994), "Constructions and reconstructions of self in virtual reality: playing in the MUDs", *Mind, culture and activity*, vol. 1, no. 3, pp. 158–167.
13. Kovalev, Yu.V. (1984), *Edgar Allan Po. Novellist i poet* [Edgar Allan Poe. Novelist and poet], Khudozhestvennaya Literatura, Leningrad, USSR.
14. Poe, E.A. *Annabel Lee*, available at: <https://www.tania-soleil.com/edgar-allan-poe-annabel-lee/> (accessed 01.07.2019).
15. Fenollosa, E. (1951), *The Chinese Written character as a Medium of poetry*, Transl. by Pound, Ez., Square Dollar Series, Washington, USA.
16. Hagemester, M. and Kauchtschischwili, N. (eds.), *P. A. Florenskij i kul'tura ego vremeni* [P. A. Florensky and the culture of his time], Blaue Hörner, Marburg, DEU. 1995.
17. Eliot, T.S. (1953), *Selected essays*, Faber and Faber, London, UK.
18. Perloff, M. (2002), *21st Century Modernism. The "New" Poetics*, Blackwell Publishers, Oxford, UK.
19. Bernstein, Ch. (1986), *Content's Dream Essays. 1975–84*, Sun and Moon, L.A., USA.
20. Davidson, M. (1998), "From Act to Speech act", in Beach, Ch. (ed.), *Artifice and Indeterminacy: An Anthology of New poetics*, Univ. Alabama Press, Tuscaloosa, Alabama and London, USA.

21. Heinan, L. (2000), *The language of inquiry*, Univ. of California Press, Berkeley, USA, pp. 296–317.
22. Kermode, Fr. (ed.), (1975), *Selected Prose of T. S. Eliot*, Harcourt Brace, N.Y., USA.
23. McCaffery, S. (1996), *The cheat of words*, ECW Press, Toronto, USA.
24. Wittgenstein, L. (1980), *Culture and value*, Transl. by Winch, P., in Wright, G.H. and Nyman, H. (ed.), Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
25. Whitman, W. (2005), "Starting from Paumanok", *Leaves of Grass*, New American Library, N.Y., USA, pp. 11–22.
26. Smirnov, I.P. (1994), *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psychodiachronology. The psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
27. Judith Cofer Ortiz, *The Latin Deli: An Ars Poetica*. Available at: <https://www.slideserve.com/homer/presiding-over-a-formica-counter-plastic-mother-and-child-magnetized> (accessed 19.12.2019).

Information about the authors.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Linguistics) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 150 scientific publications, monographs and books. Area of expertise: narratology, pragmatics, cognitive linguistics, psycholinguistics, literary studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: alpha-12@yandex.ru

Alena I. Gerus – student (2 year, master) at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of several scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, narratology, pragmatics. E-mail: aleneguere@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schober R. Network concepts. Transcending Boundaries: The Network Concept in Nineteenth-Century American Philosophy and Literature // *American Literature*. 2014. Vol. 86, № 3. DOI: <https://doi.org/10.1215/00029831-2717389>.
2. Emerson R. W. *Selected Essays*. N.Y.: Penguin, 1982.
3. Ральф Уолдо Эмерсон: натуралист души / пер. Э. Эдингера. URL: <https://castalia.ru/perewody/yungianty-blyzhnij-krug/2943-edvard-edinger-ralf-uoldo-emerson-naturalist-dushi.html> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Kazin A. Introduction // *The essays of Ralph Waldo Emerson*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1979. P. VII–XIX.
5. Folsom E. Transcendental Poetics: Emerson, Higginson, and the Rise of Whitman and Dickinson // *The Oxford Handbook of Transcendentalism* / S. H. Petrulionis, L. D. Walls, J. Myerson (ed.), Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. P. 263–290. DOI: <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195331035.013.0019>.
6. Gura P. F. *American Transcendentalism: A History*. N.Y.: Hill and Wang, 2008.
7. Newfield C. *The Emerson Effect: Individualism and Submission in America*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996.
8. Levin J. *The Poetics of Transition: Emerson, Pragmatism, and American Literary Modernism*. Durham: Duke Univ. Press Books, 1999.
9. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus* / transl. by R. Hurley, M. Seem, H. R. Lane. London: Continuum, 1972.
10. Deleuze G., Guattari F. *A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia* / transl. by B. Massumi. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2005.
11. Yus F. *Cyberpragmatics. Internet-mediated communication in context*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.213>.

12. Turkle Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: playing in the MUDs // Mind, culture and activity, 1994. Vol. 1. № 3. P. 158–167.
13. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. Л.: Худ. лит., 1984.
14. Poe E. A. Annabel Lee. URL: <https://www.tania-soleil.com/edgar-allan-poe-annabel-lee/> (дата обращения: 01.07.2019).
15. Fenollosa E. The Chinese Written character as a Medium of poetry / transl. by Ez. Pound, Washington: Square Dollar Series, 1951.
16. П. А. Флоренский и культура его времени / под ред. М. Хагемайстера, Н. Каухчишвили. Marburg: Blaue Hörner, 1995.
17. Eliot T. S. Selected essays. London: Faber and Faber, 1953.
18. Perloff M. 21st Century Modernism. The "New" Poetics. Oxford: Blackwell Publishers, 2002.
19. Bernstein Ch. Content's Dream Essays. 1975–84. L.A.: Sun and Moon, 1986.
20. Davidson M. From Act to Speech act // Artifice and Indeterminacy: An Anthology of New poetics / Ch. Beach (ed.) Tuscaloosa, Alabama and London: Univ. Alabama Press, 1998.
21. Heinan L. The language of inquiry. Berkeley: Univ. of California Press, 2000. P. 296–317.
22. Selected Prose of T. S. Eliot / Kermode Fr. (ed.). N.Y.: Harcourt Brace, 1975.
23. McCaffery S. The cheat of words, Toronto: ECW Press, 1996.
24. Wittgenstein L. Culture and value / transl. by P. Winch; G. H. Wright, H. Nyman (ed.), Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
25. Whitman W. Starting from Paumanok // Leaves of Grass. N.Y.: New American Library, 2005. P. 11–22.
26. Смирнов И. П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое лит. обозрение, 1994.
27. Judith Cofer Ortiz. The Latin Deli: An Ars Poetica. URL: <https://www.slideserve.com/homer/presiding-over-a-formica-counter-plastic-mother-and-child-magnetized> (дата обращения: 19.12.2019).

Информация об авторах.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций, монографий и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: современная литературоведческая теория, нарратология, когнитивная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: alpha-12@yandex.ru

Герус Алена Игоревна – студентка (2 курс, магистратура) кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор нескольких научных публикаций. Сфера научных интересов: прагмалингвистика, нарратология, когнитивная лингвистика. E-mail: alenequere@gmail.com

Концепты-константы политического дискурса

Я. Ю. Демкина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉yanademkina@mail.ru

Введение. Рассматривается специфика когнитивных концептов мира политики. Целью статьи является анализ концептов политического дискурса и их константных структур. Научная новизна заключается в новом подходе изучения концептов политического дискурса, осуществляемом и на когнитивном уровне, с учетом структур концептов, и на уровне сознания, с тщательным анализом их. Объектом данного исследования выступают концепты и константы политического дискурса. Актуальность работы определяется большим интересом со стороны лингвистов к изучению взаимосвязи языка и общества, языка и политики, в которой язык становится главным инструментом понимания политических баталий и побед.

Методология и источники. Используется когнитивно-дискурсионный подход к анализу концептов политического дискурса, экспериментальные методы, создающие картину использования концептов и их константных структур в политических дебатах, выступлениях. Любой концепт является частью информации о реальном положении в обществе, политике, мире.

Результаты и обсуждение. Проведен анализ концептов политического дискурса и их константных структур, основанный на системно функциональном подходе, сутью которого является рассмотрение объекта как системы – целостного корпуса взаимосвязанных элементов, функционирующих в рамках политического дискурса. Анализ концептов и их структур был достигнут благодаря установлению связи с историей и этимологией, благодаря построению ассоциативного ряда, с опорой на различные словари (исторические, толковые, этимологические). Эти данные были получены в результате применения экспериментальных методов, определяющих частоту употребления какого-либо концепта и его константной структуры в выступлениях политических деятелей, на примере политических лидеров Великобритании. Кроме того, при анализе концептов и их структур необходимо выявление единиц лексических значений концептов. Концепт необходимо изучать не только на языковом уровне, но и на уровне сознания.

Заключение. Использование экспериментальных методов для анализа концептов и их константных структур позволило обсудить элементы концептов и их взаимосвязь. Результатом статьи стало построение систематизированных структур концептов политического дискурса на примере употребления базовых концептов: «власть», «народ», «нация», «государство», «единство» в выступлениях политических лидеров Великобритании.

Ключевые слова: язык и политика, политический дискурс, когнитивная лингвистика, концепты, константы, фреймы, конкретно-чувственный образ, прототип, пропозициональная структура, гипонимия, инсайт.

.....
Для цитирования: Демкина Я. Ю. Концепты-константы политического дискурса // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 121–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128
.....

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.12.2019; принята после рецензирования 09.01.2020; опубликована онлайн 25.02.2020
.....

The Concepts-Constants of Political Discourse

Yana Yu. Demkina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉yanademkina@mail.ru

Introduction. The paper considers the specifics of the cognitive concepts from the world of politics. The purpose of this paper is to analyze the concepts of political discourse and their constant structures. Scientific novelty lies in the new approach, exploring concepts of political discourse carried out on a cognitive level, given the structures of the concepts and at the level of consciousness, a thorough analysis of their. The object of this research is the concepts and constants of political discourse. Actuality of work is determined by the great interest on the part of linguists to the study of the relationship of language and society, language and politics, in which language becomes the main tool of understanding political battles and victories.

Methodology and sources. Cognitive-discourse approach to the analysis of the concepts of political discourse is used in the paper, experimental methods creating a picture of use of concepts and their constant structures in political debates and speeches. Any concept is a part of the information about the real situation in society, politics, and the world.

Results and discussion. The analysis of the concepts of political discourse and their constant structures based on systemic functional approach, the essence of which is the consideration of the object as a system – a coherent body of interrelated elements operating within the framework of political discourse. Analysis of the concepts and their structures was achieved through the establishment of a connection with history and etymology, through the creation of associative, relying on various dictionaries (historical, explanatory, etymological). These data were obtained by using experimental methods that determine the frequency of use of any concept and its constant structure in the speeches of political figures, for example, the political leaders of Great Britain. In addition, the analysis of concepts and their structures must identify the units of lexical meanings of concepts. The concept is necessary to be studied not only at the linguistic level but also at the level of consciousness.

Conclusion. The use of experimental methods for the analysis of concepts and their constant structures allowed to discuss elements of the concepts and their relationships. The results of the paper were to build systematic structures concepts of political discourse on the example of the use of basic concepts: "power", "people", "nation", "state", "unity" in the speeches of political leaders in the UK.

Key words: language and politics, political discourse, cognitive linguistics, concepts, constants, frames, concrete-sensual image, prototype, propositional structure, hyponymy, insight.

For citation: Demkina Ya. Yu. The Concepts-Constants of Political Discourse. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 121–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128
.....

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.12.2019; adopted after review 09.01.2020; published online 25.02.2020
.....

Введение. Целью данной статьи является анализ концептов политического дискурса и выявление в них константных структур. Научная новизна заключается в новом подходе изучения концептов политического дискурса, осуществляемом и на когнитивном уровне, с учетом структур концептов, и на уровне сознания, с тщательным анализом их.

Лингвистика рассматривает взаимодействие языка и политики, политика не существует вне языка, а язык не может быть вне общества. Политическую деятельность можно определить, как языковую сферу, а язык рассматривать как компонент поля политики. Анализ концептов-констант необходим для понимания политического дискурса в современном мире. Политический дискурс характеризуется:

- 1) совокупностью концептов определенного национального политического дискурса;
- 2) совокупностью языковых средств;
- 3) совокупностью «концепта и его языковой сферы» [1, с. 26].

Концепты-константы стали неотъемлемой частью национальной культуры, определяемой термином «концептосфера», являющейся «совокупностью концептов и констант, из которых складывается миропонимание носителя языка» [2, с. 6]. Концепт отображается в памяти каждого человека или группы людей, или всего народа через яркие эмоциональные образы, выступающие как «ядра», центры содержания концепта.

Методология и источники. Применение когнитивно-дискурсионного подхода к анализу концептов-констант политического дискурса ставит на первое место для исследования не концепт или констант, а дискурс, как сферу, где используются концепты-константы. Когнитивный метод предполагает объяснение процессов понимания информации, тесной связи между языком, действием, мышлением. Опираясь на когнитивно-лингвистические исследования, концепт характеризуется как элемент национальной концептосферы.

Многие ученые определяют концепт по-своему. Например, Д. С. Лихачев предлагает считать концепт «алгебраическим» выражением значения [2, с. 7]. В. В. Колесов считает, что любой элемент национального языка проходит путь от концепта к культурному символу, к легенде, а далее к культурному концепту речи: «Концепт – исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [3, с. 9]. Е. С. Кубрякова полагает, что концепты – это содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых «квантов знания» [4, с. 15].

Результаты и обсуждение. Политический дискурс сочетает в себе и юридический дискурс, и дискурс массмедиа, и научный, религиозный, рекламный, художественный, бытовой, трудно определить его границы. Цель политического дискурса – не рассказать, а активизировать действия избирателей, слушателей, склонить людей к мнению политика [2, с. 33]. Понимание политического дискурса осуществляется через осмысление концептов-констант политических событий.

Определение концепта в последнее время меняется, можно выделить следующие его признаки:

- 1) единица человеческого опыта, представленная с помощью слова [5, с. 27];
- 2) основная единица понимания, запоминания и осмысления знаний;
- 3) самая важная ячейка культуры;
- 4) социальная единица;
- 5) единица, имеющая подвижные границы и конкретные функции [6, с. 34].

Таким образом, можно сказать, что концепты представляют систему научных знаний, культурных традиций, человеческого опыта, языковых средств, где слова – содержание этой системы – являются структурированными элементами языка, создаваемого в результате деятельности человека. Концепты имеют разные стороны: рациональные и эмоциональные, абстрактные и определенные, универсальные и высокоморальные, национальные и личностные.

К политическому дискурсу относятся следующие концепты:

- политической деятельности (власть, борьба за власть);
- субъектов политики (политик, народ, общество, президент, парламент, сенат, кабинет министров; эти концепты задают структуру политического дискурса);
- политических систем и форм государственности (государство, нация, гражданское общество, империя, королевство, отечество, республика);
- политических ориентаций (либерализм, демократия, тоталитаризм, фашизм), данные концепты определяют социокультурную сторону политического дискурса;
- политических ценностей (равенство, справедливость, свобода, патриотизм, национализм, толерантность, интернационализм).

Рассмотрим примеры самых распространенных концептов политического дискурса:

- народ (обозначающий население, общество);
- власть;
- политика;
- государство.

В политических дебатах, в речах политиков концепт «народ», имеющий стереотипные понятия: «поколение», «государство», «граждане», «жители», «мужество», «единство», «история», «общенациональное достояние», является инструментом воздействия и привлекает людей на сторону того политика, который подчеркивает важность и приоритет народа для его программы. Данный концепт многогранен, включает основы культуры и ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы. Разные политики, эксплуатируя концепт «народ», привлекают к себе своего избирателя.

Базовый концепт политического дискурса – «власть», которая ассоциируется сегодня с государственными институтами власти. Концепт «власть» представляется как господство; влияние, сила – «власть закона», «власть денег»; управление.

Концепт «power» («власть») является основополагающим в политическом дискурсе Великобритании. Он обозначает «способность что-то делать» (ability to act or do), которое появилось в английском языке около 1300 г. и являлось первым значением слова «power», затем были значения «сила, мощь», «эффективность, действенность», «военная сила, армия».

Британские политические лидеры влияют на сознание народа, добиваясь их расположения и любви, создавая идею концептов «the spirit of Britain» и «the British way of life» в своих обращениях. Например, Маргарет Тэтчер определяла «British way of life» следующим образом:

- the safety of citizens;
- keeping of English traditions;
- concern for the ecology of the native land;
- tolerant relationships in society.

Концептами-константами политического дискурса Великобритании, выражающими универсальные ценности, являются: «liberty», «freedom», «future», «peace», «prosperity»,

«opportunity», «wealth», «success», «development», «progress», «stability», «security», «justice», «fairness», «truth», «tolerance», «honesty», «honesty», «respect», «responsibility», «trust», «pride», «happiness», «hope». Концепты-константы, имеющие отрицательный оттенок, – «threat», «war», «poverty», «division», «danger», «injustice», «intolerance», «inaction».

На современном этапе исследователи-лингвисты используют для создания концептов такие структуры, как фрейм, сценарий, скрипт, обладающие более четкой организацией, чем концепт. Концепт преподносится как информация, систематизированная в виде фреймовой структуры [7, с. 91–99]. Фрейм знакомит с определенным опытом человека, сформировавшимся вокруг смыслового ядра (например, фрейм понятия «Масленица» описывает катание на тройке лошадей, приготовление блинов, т. е. празднование этого события в понимании языковой системы). Фрейм предоставляет точное описание фактов, из которых складывается ситуация. Слот – это единица фрейма. Сценарий – детальное представление действия. Схема – описание предмета через его форму [там же, с. 102].

Существует тесная связь между понятиями «фрейм» и «концепт», например, Дж. Андор утверждает, что фрейм «представляет собой лингвистически ориентированный концепт, обеспечивающий языковую реализацию знаний» [8, с. 348]. Ч. Филлмор дает описание фрейма как когнитивной структуры, которая ассоциируется с концептом [9, с. 75].

Концепт можно представить в виде сложной ментальной единицы, появившейся в процессе умственной деятельности. Ассоциации, схемы, фреймы, сценарии, понятия тесно переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике.

В настоящей статье фреймы рассматриваются как когнитивное образование, организованное вокруг любого концепта, содержащее конкретную информацию, описывающую концепт [10, с. 5–15]. В. Н. Телия, определяет концепт как знание, преобразованное во фрейм, отражающий признак объекта [11, с. 13]. Когнитивная лингвистика говорит сегодня, что концепт представляет разные виды ментальных явлений, функцией которых является структурирование знаний в сознании человека.

Анализируя различные типы мыслительной деятельности человека, представляемые знаками языковой системы, можно сделать выводы об огромном разнообразии ментальных образов в концептосфере носителей языка. Изучая различные языки народов, очевидно, что их языковые концепты будут отличаться по составу и структурам, а это означает, что концептосферы разных народов тоже будут разными. Похожие концепты разных концептосфер можно объединить. Сравнивая семантические особенности языков, можно вычислить общие черты, концепты в мире людей, и увидеть национальное и индивидуальное в составе концептов и их структур. Особенно эти сходства и различия выделяются при переводе, при сравнении двух языков в процессе преподавания иностранного языка. Национальные концептосферы взаимосвязаны с национальными семантическими пространствами языков, однородны по своей природе, так как это мыслительные сущности [12, с. 14]. Существует различие между языковым значением слова и концептом, потому что языковое значение слова – «это квант семантического пространства», а концепт как элемент концептосферы может отличаться от языкового значения слова. Концепт политического дискурса может выражаться совокупностью языковых знаков, а может и не иметь ничего общего со значением слова в системе языка.

Политическая концептосфера каждой нации обладает особым составом выделяемых концептов, определяющих основу национального мышления и традиции. Базовые концепты политического дискурса одной нации невозможно донести до другой, это лишь ярко доказывает

уникальность политических концептов и их национальную самобытность. Эти концепты, отвечающие за понимание, формирование национального коммуникативного кода поведения, относят к коммуникативно-релевантным [13]. Коммуникативно-релевантные концепты особенно важны для описания национального коммуникативного поведения нации.

Национальное сообщество подвергает стандартизации содержание концепта в политическом дискурсе. Концепты могут делиться на следующие группы:

- 1) общенациональные (стандартизованные);
- 2) групповые (принадлежащие разным социальным, возрастным, гендерным и другим группам);
- 3) личные.

Политики постоянно создают новые национальные концепты с целью воздействия на сознание, понимание народа. Носители определенной культуры могут быть не единодушны в восприятии национальных концептов, политики в этой ситуации пытаются создать концепт в сознании отдельной личности, который бы не совпадал с политическим концептом народа, разъединить народ в понимании ментальных концептов культуры.

Концепты и константы культуры формируют общую картину мира и имеют огромное влияние на отдельную личность и на всех носителей этой культуры. Такие абстрактные понятия, как совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина относятся к концептам культуры и зачастую являются продолжением языкового опыта человека: научного, социального, исторического и т. п.

Константа в культуре – это определенный «принцип», который стал концептом в политическом дискурсе для убеждения потенциального избирателя. Примеры констант – «любовь», «Русь», «Россия», «русские», «россияне», «душа». Политики строят картину мира, выгодную им, с помощью констант культуры, которые являются результатом осмысления человеком своей связи со своим местом в структуре мироздания. Часто культурологические константы навязываются народу политиками, имеющими свои представления о мире.

Определяя концепт-константу, мы выделяем четкие признаки, предметные действия с объектами, их конечные цели, оценки таких действий. Константы и концепты – это знания о мире, единицы когнитивной системы, способствующие обработке человеческого опыта, подводя его под определенные рамки и условия.

Современный метод изучения политического дискурса многомерен, квалифицируется как междисциплинарная когнитивная наука, объединяющая знания и умения лингвистов, политологов, философов, психологов, нейрофизиологов, культурологов [9, с. 83].

Ученые-лингвисты выделяют множество когнитивных концептов-констант политического дискурса, к ним можно отнести следующие понятия: дружба, закон, истина, мораль, память, любовь, совесть, правда, вера, вечное, воля, грех, грусть, дом, действие, деньги, душа, закон, знание, истина, мир, наука, печаль, радость, ремесло, слово, совесть, страх, тоска, хлеб, цивилизация, язык. Они стали универсальными, так как отражают сам когнитивный процесс.

Заключение. Язык и языковые концепты-константы имеют огромное влияние на формирование политических понятий, на политический дискурс. Различные значения языковых знаков формируют значения концептов и специфику понимания национального характера [6, с. 35]. Язык формирует мир, в котором живут люди. В каждой культуре он представлен сочетанием универсальных концептов и констант. Например, концепты «время», «измерение», «любовь», «нравственные понятия», «пространство», «причина», «стихия», являются концеп-

тами-константами. Люди думают, что партнеры по коммуникации понимают их концепты, их представление о значении политического понятия. Участвуя в политическом акте, представители разных культур порой не понимают друг друга. Необходимо выявить эти недопонимания и иметь правильное представление универсальных концептов, помогающих наладить диалог.

Политическая лингвистика изучает концепты, отражающие важнейшие элементы политического сознания нации. Исследователи-лингвисты политических концептов выделяют такие концепты, как «политика», «политик», «власть», «благо», «народ», «государство», «интерес» [7, с. 26], вокруг которых формируется смысловая область политических понятий. Подводя итог, можно сказать, что политический концепт помогает описать языковую картину политического мира разных национальностей. Совокупность универсальных, национальных, классовых, групповых и индивидуальных концептов, имеющих ценность для человечества, определяет политическую концептосферу. К универсальным концептам-константам политического дискурса относятся: «родина», «мать», «вера», «любовь», «дружба», «семья» и «свобода», а также такие фундаментальные концепты, как «пространство», «время», «причинность» [3, с. 29]. Именно общие концепты-константы помогают наладить понимание между народами. Изучение политического дискурса позволяет предсказать поведение представителя конкретной нации, избирателя, смоделировать результат межнациональной коммуникации, выборов, избежать межэтнических конфликтов.

Изучение концептов политического дискурса необходимо проводить и на когнитивном уровне, учитывая их структуру, и на ментальном уровне, тщательно анализируя их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002», Пятигорск, 3–6 июня. 2002 г. / ПГЛУ, 2002. С. 24–26.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
3. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестн. СПбГУ. 1992. Сер. 2. Вып. 3, № 16. С. 3–40.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Академия, 1997. С. 267–279.
6. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика: мат-лы 2-й междунар. шк.-сем. по когнитивной лингвистике: в 2 ч. 11–14 сент. 2000 г. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. Ч. 2. С. 33–36.
7. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. М.: Наука, 1993.
8. Andor J. On the psychological relevance of frames // Quaderni di semantic. Vol. 6, N 2. 1985. P. 344–352.
9. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and Its Neighbors // Frames, Fields, and Contrasts. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. P. 75–102.
10. Болдырев Н. Н. Системные и функциональные связи языковых единиц как результат категоризирующей деятельности языкового сознания // Связи языковых единиц в системе и реализации: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1998. С. 5–16.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007.

13. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры, 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2004.

Информация об авторе.

Демкина Яна Юрьевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, концепты и константы английского языка, грамматика английского языка, грамматика германских языков, анализ политических текстов, политический дискурс, дискурсивный анализ. E-mail: yanademkina@mail.ru

REFERENCES

1. Sheigal, E.I. (2002), "Cultural Concepts of Political Discourse", *Communicating Across Differences*, Pyatigorsk, RUS, June 3–6, 2002, pp. 24–26.
2. Likhachev, D.S. (1993), "The conceptosphere of the Russian language", *Izvestija Rossijskoj Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], Moscow, RUS, vol. 52, no. 1, pp. 3–9.
3. Kolesov, V.V. (1992), "Culture concept: image – concept – symbol", *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint-Petersburg University], Series 2, iss. 3, no. 16, pp. 3–40.
4. Kubrjakova, E.S. (ed.) (1996), *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms], MSU Publishing House, Moscow, RUS.
5. Askol'dov-Alekseev, S.A. (1997), "Concept and word", *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologija* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: an anthology], in Neroznak, V.P. (ed.), Akademija, Moscow, RUS, pp. 267–279.
6. Alefirenko, N.F. (2000), "Phraseological meaning and concept", *Kognitivnaja semantika* [Cognitive semantics], vol. 2, Tambov, RUS, 11–14 Sept., 2000, pp. 33–36.
7. Stepanov, Ju.S. and Proskurin, S.G. (1993), *Konstanty mirovoj kul'tury* [World culture constants]. Nauka, Moscow, RUS.
8. Andor, J. (1985), "On the psychological relevance of frames", *Quaderni di semantic*, vol. 6, no. 2, pp. 344–352.
9. Fillmore, Ch.J. and Atkins, B.T. (1992), "Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and Its Neighbors", *Frames, Filds, and Contrasts*, Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc., pp. 75–102.
10. Boldyrev, N.N. (1998), "Systemic and functional relationships of language units as a result of the categorizing activity of language consciousness", *Svjazi jazykovykh edinic v sisteme i realizacii* [Relations of language units in the system and implementation], TSU Publishing House, Tambov, RUS, pp. 5–16.
11. Telija, V.N. (1996), *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects], Jazyki slavjanskoj kul'tury, Moscow, RUS.
12. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics], Moscow, AST "Vostok-Zapad", RUS.
13. Stepanov, Ju.S. (2004), *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture], 3rd ed., Akadem. proekt, Moscow, RUS.

Information about the author.

Yana Yu. Demkina – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, English concepts and constants, grammar of English language, grammar of Germanic languages, analysis of political texts, political discourse, discursive analysis. E-mail: yanademkina@mail.ru

Translation Strategies for Speech Features of Characters in Fictional Texts (a Case Study of Speech of Upper Class Representatives)

Marina N. Kulikova✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉m.kulikova@spbu.ru

Introduction. The paper analyses different means used for conveying the phonetic features of the speech of upper class representatives in English fiction, in particular in the works of Charles Dickens and John Galsworthy. The author focuses on functions of phonographic stylisation of the aristocratic speech and discusses the techniques and strategies for rendering this phenomenon into the Russian language.

Methodology and sources. When selecting examples for analysis, we used the method of corpus analysis, which made it possible to establish the frequency of using a particular phonographic means, as well as the continuous sampling method used to analyse a specific technique of phonographic stylisation. Methods of linguistic, sociolinguistic and translation analysis were used to analyse specific examples of phonographic stylisation and their translations into the Russian language. The novels by Charles Dickens and John Galsworthy were used to carry out the research.

Results and discussion. When translating the speech of upper class representatives into the Russian language, phonographic means can be rendered only in those cases when they perform a parody function. Otherwise, phonographic means are not conveyed but might be substituted or compensated by lexical and syntactical means, which can be considered a natural consequence because of the difference in the traditions of representing the speech of aristocrats in English and Russian literary traditions.

Conclusion. Phonographic means and phonographic stylisation are the most important component of the artistic representation of character's speech in general, and the speech of upper class representatives in particular. Consequently, this phenomenon is a multifaceted linguistic problem in the theory of translation. This study outlines the main directions of analysis of phonographic stylisation while rendering the speech of aristocrats, but this problem is far from being solved. Other cases of using phonographic stylisation may be the subject of further research into contrasting and translation aspects.

Key words: phonographic stylisation, translation, speech of upper class representatives, stylistics.

For citation: Kulikova M. N. Translation Strategies for Speech Features of Characters in Fictional Texts: a Case Study of Speech of Upper Class Representatives. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 1, pp. 129–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-129-137

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.12.2019; adopted after review 27.12.2019; published online 25.02.2020

Стратегии перевода речевых характеристик персонажа художественного текста (на материале речи представителей высших слоев общества)

М. Н. Куликова✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉m.kulikova@spbu.ru

Введение. В статье рассматриваются различные средства изображения фонетических особенностей речи представителей высших слоев общества в художественных произведениях, в частности в работах Ч. Диккенса и Дж. Голсуорси. Автор анализирует способы и стратегии передачи на русский язык фонографической стилизации речи аристократии с точки зрения функций, выполняемых ею в тексте произведений.

Методология и источники. При отборе примеров для исследования применялся метод корпусного анализа, который позволил установить частотность использования конкретного фонографического средства, а также метод сплошной выборки, используемый для анализа конкретного средства фонографической стилизации. При рассмотрении примеров фонографической стилизации и их переводов применялись методы лингвистического, социолингвистического и переводческого анализа. Материалом исследования послужили произведения Чарльза Диккенса и Джона Голсуорси.

Результаты и обсуждения. При переводе на русский язык речи представителей высших классов общества фонографические средства передать можно только в тех случаях, когда они выполняют пародийную функцию. В остальном фонографические средства не передаются, а только компенсируются в отдельных случаях за счет лексических и синтаксических средств, что можно считать закономерным следствием различия традиций изображения речи аристократов в англоязычной и русскоязычной литературных традициях.

Заключение. Фонографические средства и фонографическая стилизация составляют важнейший компонент художественного изображения персонажной речи в целом, и речи представителей высших слоев общества, в частности. Соответственно, это явление представляет собой многогранную лингвистическую проблему в теории перевода. В настоящем исследовании намечены основные направления анализа фонографической стилизации в аспекте перевода на примере речи аристократов, однако эта проблема далеко не исчерпана. Предметом дальнейших исследований в контрастивном и переводческом аспектах могут стать другие случаи использования фонографической стилизации.

Ключевые слова: фонографическая стилизация речи, перевод, речь высших слоев общества, стилистика.

Для цитирования: Куликова М. Н. Стратегии перевода речевых характеристик персонажа художественного текста (на материале речи представителей высших слоев общества) // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 1. С. 129–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-1-129-137

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 05.12.2019; принята после рецензирования 27.12.2019; опубликована онлайн 25.02.2020

Introduction. There are a lot of different means that are used for conveying features of the speech of upper class representatives in English and Russian fiction. They can be found on various language levels: phonetic, lexical and syntactical. The formal and functional features of such

means, the frequency and prevailing traditions of their use in different national literature and different genres have become the subject of a comparative analysis. The strategies for conveying such means in contemporary translations have also changed. If until the 1990s, phonographic means were conveyed to the Russian language mainly by means of compensation of other language levels, then in translations of the last three decades, the means of graphic representation of the features of speech are increasingly used in translated literature.

A comparative analysis of the speech features of the English and Russian aristocracy in fictional texts of the 19th century was carried out in the dissertation of Iu. Kvartovkina [1]. The main research findings show that the speech of the upper class representatives in Great Britain and that in Russia has a lot of similarities. In both languages it is a literary standard, each having country specific social characteristics. These elements indicate personal development, upbringing, education and lifestyle (occupation, pastime, etc.) [1, p. 5]. The dominant features of this language are: the use of foreign languages; abstract vocabulary and an extensive vertical context (allusions and quotes); bookish and legal vocabulary; hunting vocabulary; “theatricality of speech” (underestimation and overestimation); a special “manner of speech” and its “phonic parameters” [1, p. 4–5]. Similar speech features are also characteristic of the speech of the Russian aristocracy. According to Iu. Kvartovkina, ‘softness, tranquility, clear articulation, good speech delivery, and a gentle voice’ are commonly found in the speaking manner of Russian aristocrats. At the lexical level, it is characterised by the use of the terminology of politics, hunting, card games, horseback riding, and religion. Figurality, “theatricality”, flamboyance and euphemism usage are also peculiar for the upper class speech. This paper also gives a brief description of the phonetic features used in the speech by upper class representatives in Great Britain. At the phonetic level, the speech of aristocracy is characterised by a clear articulation of sounds and received pronunciation, as well as by a tendency to monophthongisation of vowels. Contracted forms (*d’ye*, *’pon*, *’tis* and others) are used in situations of friendly or informal communication. The research shows that they are more commonly found in the second half of the 19th century [1, p. 6]. However, a similar characteristic of the phonetic aspect of the speech used by Russian aristocrats has not been revealed in her thesis. This appears to be quite logical, since phonographic means for depicting speech of the upper classes have not been ever used in the Russian literary tradition.

The speech characteristics of upper class representatives proposed in the work cited above seem to be tentative to some extent. In addition to the listed features, it can also be marked by, for example, special lexical and grammatical minimalism and at the same time by numerous repetitions and parasitic filler words, which have been repeatedly noted by researchers of the language of English literature [2, 3] (for example, the speech of Barnacle Junior in Dickens' novel *Little Dorrit*). The phonographic components of the stylisation for the speech of aristocrats deserve special attention. In addition to the marked forms indicated above, the stylisation is also achieved through: sound stretching, which is characteristic of the upper-class speech; the assimilation of sounds in fluent speech; the union of words into single phonetic-intonational complexes, which is phonographically transmitted by word junctures, etc. When translating vernacular or dialectic speech into the Russian language, there exist some means to depict a functionally equivalent Russian vernacular. However, when translating the speech of the aristocrats there are no such matches. When the speech of the upper class representatives is translated, one can convey only characteristic formulas of politeness, addresses and treatment as well as specific vocabulary inherent only to noble people [2].

Methodology and sources. When selecting examples for analysis, we used the method of corpus analysis, which made it possible to establish the frequency of using a particular phonographic means, as well as the continuous sampling method used to analyse a specific technique of phonographic stylisation. Methods of linguistic, sociolinguistic and translation analysis were used to analyse specific examples of phonographic stylisation and their translations into the Russian language. The novels by Charles Dickens and John Galsworthy were used to carry out the research.

Phonographic means, being an important component of representing the speech of the aristocracy, are the most difficult to convey in translation. They are widely used by numerous novelists as they are traditional markers of oral speech, such as *gad* or “How de do?”. These means are also multifunctional and are used both for the stylisation of vernacular and dialectic speech and for the stylisation of the upper-class speech. Such markers are most often not preserved in translation and even omitted:

1. “How de do?” [4, p. 337].
“Как поживаете?” [5, p. 344].
2. “How de do, sir?” [6, p. 86].
“Как ваше здоровье, сэр?” [7, p. 257].
3. “Oh! How de do, Miss Dombey?” [8, p. 284].
“О, как поживаете, мисс Домби?” [9, p. 498].
4. “How de do, John?” [10, p. 26].
“Как поживаешь, Джон?” [11, p. 43].

However, there have been some attempts to convey this marker using phonographic means of the Russian language. While translating John Galsworthy's novel “In Chancery”, the translator tried to use these devices to achieve the same effect:

- “How de do? How de do? ‘Xcuse me getting’ up” [12, p. 407].
“Здрасте, здрасте! Извините, я не встаю” [13, p. 250].

However, it seems that the vernacular used in the translation does not correspond to the register of Soames' speech as it sounds too informal and cannot characterise the given situations of speech acts.

The features of the representations of the upper class speech have been repeatedly studied. The scholars use various novels written by Charles Dickens to identify these particular features. When portraying the speech of aristocrats, Charles Dickens uses a wide range of phonographic stylisation techniques. The most striking example is the speech of Lord Frederick Verisopht in Dickens' novel “*Nicolas Nickleby*”. First of all, it is the extension of sounds represented graphically: extension of [æ] – *pla-an, ma-an, wa-a-x, pa-ack, ba-a-d*; extension of [e] – *deyvle, playsure, nayver*; etc. Aleksandra Krivtsova did not convey this specific feature in her translation:

1. “Otherwise the most knowing card in the pa-ack, Miss Nickleby,” said Lord Frederick Verisopht” [4, p. 235].
“Иными словами – лучшая карта в колоде, мисс Никльби, – сказал лорд Фредерик Верисофт” [5, p. 296].

2. “Well,’ said Lord Frederick, sipping his first glass of port, ‘if this is a discounting dinner, all I have to say is, deyvle take me, if it wouldn’t be a good pla-an to get discount every day” [4, p. 237].

“Ну-с, – сказал лорд Фредерик, смакуя первую рюмку портвейна, – если этот обед дан по случаю учета векселя, я могу только сказать – черт меня побери! – что хорошо было бы учитывать их ежедневно” [5, p. 299].

3. “Then my ears did not deceive me, and it’s not wa-a-x work,’ said his lordship. ‘How de do? I’m very happy” [4, p. 337]

“Значит, слух меня не обманул и это не восковая фигура, – сказал его лордство. – Как поживаете? Счастлив познакомиться. Как поживаете?” [5, p. 344].

Such dropping of speech characteristics is undoubtedly not negligence. Actually, it is motivated by the fact that in the Russian literary tradition there are no similar or comparable phenomena. Russian writers of the 19th century did not use phonographic stylisation means to render the speech of the aristocracy. The main markers of speech of Russian aristocrats are lexical and syntactic features that are implicitly expressed. At the same time, given that the speech characteristics of the characters in Dickens’ novels are somewhat exaggerated, they might be compensated by lexical and syntactic means while translating. Attempts to convey Dickens’ phonographic stylisation to the Russian language lead to poor and unacceptable results. For example, Aleksandra Krivtsova and Evgeny Lann in their translation of ‘The Posthumous Papers of the Pickwick Club’ written by Charles Dickens rendered such a feature peculiar to the speech of Angelo Cyrus Bantam:

“Welcome to Ba-ath, Sir. This is indeed an acquisition. Most welcome to Ba-ath, sir. It is long-very long, Mr. Pickwick, since you drank the waters. It appears an age, Mr. Pickwick. Re-markable!” [14, p. 3764]

“Добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Вот это поистине приобретение. Еще раз добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Давно, очень давно, мистер Пиквик, вы не бывали на здешних водах. Кажется, будто целый век прошел, мистер Пиквик. За-амечательно” [15, p. 35].

As we can see, the use of such a technique does not mean anything to the reader of the translation. The word *За-амечательно* sounds more like an accent or an impediment in the character’s speech, or even a Southerner’s speech, rather than a sign of aristocratic speech. This strategy is only partially motivated by the fact that Dickens in this case is parodying an aristocratic accent and imitating their speech. The Russian translation, in its turn, appears to also make readers smile. However, in this case there is no correspondence, in the terminology of Andrei Fedorov, ‘between the source text and the target text’.

Meletina Klyagina-Kondratieva in her translation of Dickens’ ‘Bleak House’ made an attempt to reproduce the phonographic stylisation of the speech of the ‘debilitated cousin’, but the result was also unsatisfactory:

“Debilitated cousin thinks – Country’s going – Dayvle – steeple-chase pace” [16, p. 604].

“Изнемогающий кузен полагает, что... стгана летит... во весь опог... к чегту на рога” [17, p. 371].

This is another ironic rendering of the upper class speech, but in the translation there appears a graphic representation of the sound rotation [p], which might indicate a speech defect rather than depict the speech of an aristocrat. In another case, the translator's attempt was more successful, she conveyed another characteristic sign attributable to aristocratic speech – the omission of some sounds and syllables:

“The debilitated cousin supposes he is 'normously rich fler.’” [16, p. 602].

“Изнемогающий кузен предполагает, что он "чу'овищно богатый с'бъект”” [17, p. 370].

The next example shows that the translator uses both techniques described above:

“They say of her that she has lately grown more handsome and more haughty. The debilitated cousin says of her that she's beauty nough – tsetup shopofwomen – but rather larming kind – remindingmanfact – inconvenient woman – who will getoutofbedandbawthstahlshment – Shakespeare” [16, p. 689].

“Изнемогающий кузен находит, что кгасоты у ней хватит... на це'ый магазин кгасоток... но от нее как-то не по себе... вгоде той неугомонной особы, что вскакивала с постели и бгодила по ночам... где-то у Шекспига” [17, p. 421].

The ‘dilapidated cousin’ combines words into phonetically monolithic segments, which are semantically incomplete utterances separated by pauses. This is a direct parody that exaggerates one of the characteristic features of aristocratic speech. When the character's speech is represented in fiction with defects, it might fulfill several functions: serve as a formal sign of a character's speech; indirectly indicate the specific features of the character (for example, stuttering and stammering often indirectly indicate insecurity, lack of confidence or indecision); be used to create comic situations, irony, sarcasm, etc. In this case, while reading the translation, the reader again hears first of all a burry person, a person who mispronounces [r] and [l], but not a representative of high society. However, in spite of the fact that the translation, or the target text, like the original, makes readers smile, the reasons for it are different.

Here is one more common technique used in literature and drama for portraying the speech of aristocrats. Dickens uses this technique to portray Lord Mutanhed's speech, replacing the sound [r] with the sound [w], and, as if intentionally, selects words with the sound [r] for this character:

“Gwacious heavens!" said his Lordship, 'I thought evewebody had seen the new mailcart; it's the neatest, pwettiest, gwacefullest thing that ever wan upon wheels. Painted wed, with a cweam piebald” [14, p. 381].

“Милосегдное небо! – сказал милорд. – Я думал, что все видели новую колясочку. Это пгостейшая, кгасивейшая, элегантейшая вещь, котогая когда-либо двигалась на колесах. Выкгашена в кгасный цвет, лошадь молочно-пегая” [15, p. 36].

Aleksandra Krivtsova and Evgeny Lann use the same technique in their translation as Melitina Klyagina-Kondratieva, although in this case, in the target text, this is primarily a defect in pronunciation, not related to the language of the aristocracy for the Russian reader. However, in some cases, Dickens reduces the satire to almost absurdity when he mechanically replaces [r] with [w], as, for instance, in the following example:

“And a little seat in fwont, with an iwon wail, for the dwiver,' added his Lordship” [14, p. 381].

Yet, in most cases, the phonetic features of the speech of upper class representatives are not reproduced in translation, as, for example, in the speech of Mr Mantalini, who replaces the sound [æ] with the sound [e] in the words *demd*, *demmit*, *demnition*, and the diphthong [ei] is substituted with the diphthong [ai] in the words *demnition*, *outrigeously*:

“If you will be odiously, demnebly, outrageously jealous, my soul,' said Mr Mantalini, 'you will be very miserable – horrid miserable – demnition miserable” [4, p. 206].

“Если ты будешь так отвратительно, дьявольски возмутительно ревнива, душа моя, – сказал мистер Манталини, – ты будешь очень несчастна... ужасно несчастна... дьявольски несчастна!” [5, p. 257].

These droppings have almost no effect on the overall impression of the translation, as Mr Mantalini's speech is full of bookish vocabulary, which characterises him as a representative of the upper classes.

Results and discussion. When translating the speech of upper class representatives into the Russian language, phonographic means can be rendered only in those cases when they perform a parody function. Otherwise, phonographic means are not conveyed but might be substituted or compensated by lexical and syntactical means, which can be considered a natural consequence because of the difference in the traditions of representing the speech of aristocrats in English and Russian literary traditions.

Conclusion. Phonographic means and phonographic stylisation are the most important component of the artistic representation of character's speech in general, and the speech of upper class representatives in particular. Consequently, this phenomenon is a multifaceted linguistic problem in the theory of translation. This study outlines the main directions of analysis of phonographic stylisation while rendering the speech of aristocrats, but this problem is far from being solved. Other cases of using phonographic stylisation may be the subject of further research into contrasting and translation aspects.

REFERENCES

1. Kwartovkina, Yu.O. (2004), “The speech of the English and Russian aristocracy in the works of fiction of the XIX century”, Abstract of Can. Sci. (Philol.) dissertation, Volgograd State Pedagogy Univ. Volgograd, RUS.
2. Brook, G.L. (1970), *The Language of Dickens*, Andre Deutsch, London, UK.
3. Golding, R. and Pieri, Z.P. (1985), *Idiolects in Dickens: The Major Techniques and Chronological Development*, Macmillan, London, UK.
4. Dickens, Ch. (1998), *Nicholas Nickleby*. Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
5. Dickens, Ch. (1958), “The Life and Adventures of Nicholas Nickleby”, Transl. by Krivtsova, A., *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 5, Goslitizdat, Moscow, USSR.
6. Dickens, Ch. (1841), *Barnaby Rudge*, Chapman and Hall, London, UK.
7. Dickens, Ch. (1958), “Barnaby Rudge”, Transl. by Abkina, M. E., *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 8, Goslitizdat, Moscow, USSR.
8. Dickens, Ch. (1848), *Dombey and Son*, Bradbury and Evans, London, UK.

9. Dickens, Ch. (1959), *Dealings with the Firm of Dombey and Son Wholesale, Retail and for Exportation*, Transl. by Krivtsova, A., *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 13, Goslitizdat, Moscow, USSR.
10. Dickens, Ch. (1865), *Our Mutual Friend*, Chapman and Hall, London, UK.
11. Dickens, Ch. (1962), *Our Mutual Friend*, Transl. by Volzhina, N. and Daruzes, N., *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 24, Goslitizdat, Moscow, USSR.
12. Galsworthy, J. (2018), *In Chancery / The Forsyte Saga*, Dover Publications, Inc. Mineola, N.Y., USA.
13. Galsworthy, J. (1958), *In Chancery*, Transl. by Bogoslovskaya / The Forsyte Saga: in 2 vol., vol. 1, Izvestiya, Moscow, USSR.
14. Dickens, Ch. (1837), *The Pickwick Papers*, Chapman and Hall, London, UK.
15. Dickens, Ch. (1957), *The Pickwick Papers*, Transl. by Krivtsova, A. and Lann, E. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 2, Goslitizdat, Moscow, USSR.
16. Dickens, Ch. (2006), *Bleak House*, Bantam Classic, N.Y., USA.
17. Dickens, Ch. (1960), *Bleak House*, Transl. by Klyagina-Kondrat'eva, M., *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vol.], vol. 17, Goslitizdat, Moscow, USSR.

Information about the author.

Marina N. Kulikova – Can. Sci. (Philology) (2011), Senior Lecturer at the Department of English in Philology and Arts, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: stylistics, translation studies, literary translation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2501-9894>. E-mail: m.kulikova@spbu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квартовкина Ю. О. Речь английской и русской аристократии в произведениях художественной литературы XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004.
2. Brook G. L. *The Language of Dickens*. London: Andre Deutsch, 1970.
3. Golding R., Pieri Z.P. *Idiolects in Dickens: The Major Techniques and Chronological Development*. London: Macmillan, 1985.
4. Dickens Ch. *Nicolas Nickleby*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
5. Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби / пер. А. Кривцовой // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 5.
6. Dickens Ch. *Barnaby Rudge*. London: Chapman and Hall, 1841.
7. Диккенс Ч. Барнеби Радж / пер. М. Е. Абкиной // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 8.
8. Dickens Ch. *Dombey and Son*. London: Bradbury and Evans, 1848.
9. Диккенс Ч. Торговый дом Домби и сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт / пер. А. Кривцовой // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 13.
10. Dickens Ch. *Our Mutual Friend*. London: Chapman and Hall, 1865.
11. Диккенс Ч. Наш общий друг / пер. Н. Волжиной, Н. Дарузес // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 24.
12. Galsworthy J. *In Chancery // The Forsyte Saga*. N. Y.: Dover Publications, Inc. Mineola, 2018.
13. Голсуорси, Дж. В петле / пер. М. Богословской. Сага о Форсайтах: в 2 т. Т. 1. М.: Известия, 1958.
14. Dickens Ch. *The Pickwick Papers*. London: Chapman and Hall, 1837.
15. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. А. Кривцовой и Е. Ланна // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 2.

16. Dickens Ch. Bleak House. N. Y.: Bantam Classic, 2006.
17. Диккенс Ч. Холодный дом / пер. М. Клягиной-Кондратьевой // Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 17.

Информация об авторе.

Куликова Марина Николаевна – кандидат филологических наук (2011), старший преподаватель кафедры английского языка в сфере филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: стилистика, переводоведение, художественный перевод. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2501-9894>. E-mail: m.kulikova@spbu.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
 - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References).
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «Обзор литературы» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: *Н. Ю. Меньшенина, Н. В. Кузнецова,
О. Н. Артунян*
Выпускающий редактор *Н. Ю. Меньшенина*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*
Перевод аннотаций *Н. В. Лютиковой*

Editors: *N. Yu. Men'shenina, N. V. Kuznetsova,
O. N. Artunian*
Publishing Editor *N. Yu. Men'shenina*
DTP Professional *E. A. Orlova*
Translation of annotations *N. V. Lyutikova*

Подписано в печать 02.03.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 12. Печ. л. 17,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 13.

Signed to print 02.03.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 12. Conventional printed sheets 17,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 13

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56